

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ДЕРЕВЕНСКИЕ ДЕТИ РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

**Хрестоматия
Часть I**

Ставрополь
2009

УДК 947
ББК 63.3(2)5
Д 38

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО Ставропольского государственного
педагогического института

Научный редактор

доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный учитель РФ *Л.Л. Редько*

Рецензенты:

доктор педагогических наук, профессор (Москва) *Г.Б. Корнетов*,
доктор исторических наук, профессор (Ставрополь) *Т.Н. Плохотнюк*

Авторы-составители:

*Е.Г. Пономарев, Т.С. Овчаренко, И.А. Ануфриенко,
Э.Г. Бойко, Л.Н. Величко, Е.Н. Володькова, П.Г. Немайкалов,
О.Н. Новикова, В.Н. Садченко*

Деревенские дети России XIX – начала XX века: Хрестоматия /
Д 38 Ответственный редактор Е.Г. Пономарев. – Ч. 1. – Ставрополь:
Изд-во СГПИ, 2009. – 204 с.

ISBN 978-5-91090-073-2

В хрестоматию включены нормативно-правовые акты, источники личного происхождения, материалы периодической печати, опубликованные исторические источники, сюжеты из произведений классической русской литературы.

Основным содержанием всех материалов хрестоматии является ребенок российской деревни, его воспитание в семье, образование, радости, горести и надежды. Это не только крестьянские дети, но и «барчуки» - дети помещиков, которые находились в одном жизненном пространстве, но и имели совершенно разные возможности. Следует учитывать, что отмена крепостного права в 1861 году открыла новые перспективы и для детей крестьян.

Хрестоматия предназначена учителям средних образовательных учреждений и всем, кто интересуется историей Отечества.

Работа над хрестоматией выполнена сотрудниками ВНИК «Обеспечение антропологического контекста исторического и филологического образования в высшей и средней школе» лаборатории «Антропология детства», финансируемой Правительством Ставропольского края.

УДК 947
ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-91090-073-2

© Коллектив авторов, 2009
© Ставропольский государственный
педагогический институт, 2009

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к детству велик не только в мировой исторической науке, но и в смежных областях: педагогике, социологии, этнологии, психологии и др. В 90-е гг. XX в. в отечественной историографии сформировалось самостоятельное направление, ставшее частью антропологической проблематики гуманитарного знания, которое определяется как история детства или антропология детства.

Современная ситуация в российском обществе обозначила целый ряд острых проблем, среди которых особо выделяются проблемы семьи и детства. Дети и в целом детство все чаще и настойчивей включаются в круг забот и интересов государства и общества на рубеже двух тысячелетий.

Внимание к обычной человеческой жизни, частной (или повседневной), не связанной с какими-либо великими событиями, но составляющей, тем не менее, основу существования человечества, чрезвычайно велико, в том числе и интерес к разным возрастам в различном культурном и историческом контексте. В этой связи особый интерес представляет история детства деревенских детей в российском обществе XIX – начала XX века. Эта тема привлекала внимание писателей, художников, мыслителей, общественных деятелей, отражалась в воспоминаниях простых людей. И не удивительно, поскольку детство оказывает колоссальное влияние на сознание взрослого человека, от него во многом зависит общее состояние общества, образ цивилизации. Детство – это важнейший этап жизни человека, который связан с началом социализации, восприятием основ морали и нравственности общества. В условиях господства традиционного уклада жизни большую роль в социализации играют в первую очередь особенности семейного уклада, религиозный и национальный факторы, а также своеобразие природной и социальной среды.

Российскую цивилизацию названного периода с полным основанием можно считать аграрной. Её основу составляло традиционное крестьянское общество с патриархальным укладом и религиозным мировосприятием. В связи с этим представление о детстве и детях правомерно рассматривать сквозь призму крестьянского традиционного общества, учитывая исторический контекст эпохи и социальные изменения, происходившие в этот период.

Условно жизнь российского общества XIX – начала XX века можно разделить на три периода: период крепостного права (1800 – 1861 гг.); отмена крепостного права и «пореформенный период» (1861г.– нач. 80-х гг. XIXв.) и период стабилизации (80-90 гг. XIXв.); период модернизации (начало 90-х гг. XIX в. – начало XX в.), которые связаны не только с экономическими преобразованиями, но и политическими, социокультурными изменениями, коснувшимися, в том числе, сфер повседневности и отношения к детству.

XIX – начало XX века – это период существования в деревне большой патриархальной семьи, главными принципами воспитания в которой оставался принцип почитания старшего. У ребёнка должно было сформироваться представление о необходимости подчинения Богу, государю, помещику, священнику, старосте, отцу, старшему брату, дяде и т.д. Почитание воспитывалось как методами убеждения, примером личного поведения, опирающегося на вековые традиции, так и с использованием телесных наказаний и запретов различного рода, а индивидуальные желания ребёнка отходили на второй план, уступая место интересам старшего. Такое положение дел оставалось неизменным на протяжении всего рассматриваемого периода.

Если семейное воспитание и его принципы оставались неизменными, то в системе образования в XIX – начале XX века произошли существенные изменения. В частности, уже после «Указа о вольных хлебопашцах» (1803г.) в учебных заведениях появляются дети казаков, казённых крестьян и вольноотпущенников. В 30-40-е гг. получить образование могли разночинцы, в числе которых были выходцы из деревни. Открывались специализированные учебные одногодичные училища, в которых обучались государственные крестьяне (особенно после реформы П.Д. Киселёва). По положению 1803 г. были созданы шесть учебных округов, во главе которых стояли попечители, а учебные заведения были поделены на четыре ступени: приходские школы одноклассные (при церковных приходах), в которых обучали чтению, письму и закону божьему – для низших слоёв населения; уездные училища (двухклассные) – для горожан, купцов и мещан, губернские (четырёхклассные) гимназии – для дворян; университеты и академии – высшие учебные заведения. В России открылось пять новых университетов, Дерптский (1802), Казанский (1804 г.), Виленский (1804 г.), Харьковский (1804 г.), Петербургский (1819г.), в связи с этим государство было поделено на шесть учебных округов. Университет должен был не только направлять учебную деятельность своего округа, но и обеспечивать округ кадрами, учебно-методической литературой. В связи с этим с 1804 г. при университетах были открыты педагогические институты. Важнейшим достижением александровской образовательной системы являлась всесословность. Однако уже в 1827 г. был издан указ, запрещающий прием в средние и высшие учебные заведения крепостных крестьян, а с 1828 г. приходские и уездные училища не должны были нацеливать на поступление в гимназии, которые теперь предназначались преимущественно для высшего сословия. Николай I на протяжении своего царствования постепенно сворачивал александровские новшества по двум основным направлениям: восстановление сословности и ограничение самостоятельности университетов. Крепостные крестьяне могли получить образование только в приходской школе.

С отменой крепостного права в ряду реформ особое место заняла реформа образования. В 1864 г. было принято положение о начальных народных училищах. С этого момента получили распространение трёхго-

личные сельские школы и крестьянские школы грамотности, которые решали вопросы начального образования. Основные принципы просвещения по-прежнему опирались на теорию официальной народности. Сами же крестьяне воспринимали процесс обучения как передачу знаний, необходимых для решения житейских проблем. Отход от этих позиций рассматривался ими как посягательство на существующий уклад, а значит направленный на разрушение привычного хода жизни. Намеченные в пореформенный период тенденции в отношении «крестьянского образования» продолжали развитие вплоть до Октябрьской революции.

Особенно следует отметить появление с 80-гг. XIX в. в системе образования дидактических и учебно-методических пособий, а также внеклассных и внешкольных мероприятий, инициаторами создания которых, в большинстве случаев, становятся народники. Эти мероприятия стали ответом на возникновение такого явления, как маргинализация, связанного с процессами модернизации экономики и ставшей обратной стороной интеграции выходцев из деревни в городское общество. Особенно это явление стало ярко проявляться на рубеже XIX – XX вв.

Трансформация традиционных устоев жизни крестьянского общества, связанная с экономическими преобразованиями 80-90-х гг. XIX в., привела к потере социальной идентичности значительной части крестьянства. В борьбу с этим явлением включалось как государство, так и общественность. При этом забота государства долгое время носила словесный характер, что отмечалось в законодательных актах. Ответом общества на такое явление стало устройство благотворительных обществ и организаций общественного призрения. В начале XX столетия школьный вопрос приобрел особую актуальность. Положение в начальном образовании стало меняться с принятием «Закона о всеобщем образовании», принятом III Государственной думой в 1908 г., который провозглашал всеобщее начальное обучение детей.

Обозначенные вопросы затронуты, в той или иной степени, в материалах хрестоматии. Содержательно они концентрируются вокруг главных тем: детство в семье; воспитание и нормы бытовой жизни; образование деревенских детей: пути реализации и итоги; асоциальные формы жизни и поведения детей (сиротство, бродяжничество, правонарушения); детский труд, отдых и игры.

Одной из особенностей хрестоматии стал отказ авторов-составителей от концентрации внимания только на крестьянских детях, а включение в проблемное поле представителей различных социальных групп детей, проживавших в деревне. На ведущее место вышли попытки реализации сравнительно-сопоставительного подхода в подборе материала для хрестоматии к освещению одного и того же явления. Это позволило сделать интересные наблюдения. В частности, выявить общие и отличительные черты в системе воспитания деревенских детей в исследуемый период, их образования, общения и общебытовых вопросов.

Другая заметная особенность хрестоматии – значительное внимание к вопросам воспитательных и образовательных процессов. Авторы-со-

ставители исходили из понимания того, что уровень воспитанности и образованности широких слоёв населения страны является одним из исходных оснований для успеха модернизационных реформ в государстве, степени его развития в целом.

Помимо введения в общий текст хрестоматии сравнительно-сопоставительного материала, авторами-составителями был включён в работу «контрастный материал». Приём контрастного сопоставления даёт возможность понять индивидуальный путь развития каждой отдельной социально-поведенческой системы жизни деревенских детей России XIX– начала XX века.

Особая ценность представляемого издания заключается в самой постановке проблемы, так как это первое в отечественной историографии специальное комплексное представление специфики деревенского детства в России в XIX – начале XX столетия. Авторами-составителями предпринята попытка объединенного издания сборника разнохарактерных исторических источников об особенностях жизни детей в российской деревне, а так же привлечение в качестве одного из источников материалов периодической печати Юга России.

Источниковая база хрестоматии достаточно разнообразна по характеру и может быть классифицирована по нескольким группам: архивные материалы, опубликованные законодательные акты, статистические данные, материалы личного происхождения (воспоминания), публицистика, материалы периодической печати, фрагменты из произведений художественной литературы.

Объективное и полное освещение специфики деревенского детства в России в XIX – начале XX века стало возможным при комплексном и всестороннем подходе к изучению всех нарративных источников по указанной проблематике, важнейшие из которых – архивные документы. В процессе подбора материалов к хрестоматии особое внимание было уделено документам из фондов Государственного Архива Ставропольского края: фонд 15 «Ставропольская дирекция училищ», фонд 135 «Ставропольская Духовная консистория», фонд 249 «Главный пристав магометанских и кочующих народов Ставропольской губернии» и др. Указанные фонды включают документы по региональной (Северный Кавказ, Кубань и Ставрополье) истории детства.

Не менее ценными оказались фотодокументы из фондов Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве).

Опубликованные законодательные акты, вошедшие в содержание хрестоматии, изданы в сборниках Свода законов Российской Империи и Полном собрании законов Российской Империи. В настоящее издание включена часть нормативно-правовых актов, регулирующих социально-правовые взаимоотношения родителей и детей различных национальностей и вероисповеданий.

Особое место среди источников, опубликованных в хрестоматии, заняли статистические материалы. К таким в первую очередь следует отнести «Однодневную перепись начальных школ в Империи, произведенную 18 января 1911 г.» в Московском, Санкт-Петербургском, Виленском и Оренбургском учебных округах. Информативная наполняемость указанного документа предполагает возможность проведение сравнительного анализа специфики численного состава учебных заведений в различных областях Российской Империи в начале XX в.

Не менее ценными в рамках освещения особенностей деревенского детства в России в рассматриваемый период оказались источники личного происхождения: воспоминания современников, детские годы которых имели прямое или опосредованное отношение к российской деревне (русские дворяне – Е.А. Лабзина, А.Д. Галахов, Т.П. Пасек, поэты – Д. Бедный, С.А. Есенин многие другие). В исторической науке роль личности занимает далеко не последнее место. Отечественный философ А.В. Гулыга писал об этом: «История – двуликий Янус, одно его лицо обращено к массовым процессам, другое – к личности», поэтому мемуарная литература изучаемого периода является ценным источником. Воспоминания различных авторов значительно отличаются друг от друга как по степени научной ценности, так и по характеру восприятия собственного детства, проведенного в сельской местности (Российской глубинке).

В отдельную группу источников включены публицистические работы отечественных общественных деятелей. Данный тип источников весьма ярко характеризует отношение представителей педагогического сообщества России (например, К.Д. Ушинского) к проблемам особенностей воспитания детей в сельской местности.

Анализируя публицистическую литературу XIX – начала XX в. по исследуемой в хрестоматии проблематике, необходимо указать на однообразие рассматриваемых проблем воспитания, и в то же время на различие, порой противоположность восприятия этих проблем и предлагаемых решений. Данное обстоятельство в рамках исследования воспринималось авторами-составителями как предпосылка к наиболее объективной оценке существующих взглядов в обществе на специфику детского развития в целом.

Достаточно обширную группу источников представляет периодическая печать. Всесторонний анализ специфики русского деревенского детства XIX – начала XX в. невозможен без анализа становления периодической печати данного периода и той проблематики, которую она выдвигала на повестку дня. В России и за рубежом в исследуемое время, в условиях отсутствия других общедоступных средств массовой информации, периодика являлась, с одной стороны, важнейшим инструментом формирования общественного мнения, а с другой стороны, впитывала в себя идеи и настроения, доминировавшие в коллективном сознании. В этой связи источниковую базу издания дополнили материалы, опубликованные в периодических изданиях дореволюционного периода: «Вестник

Европы», «Педагогический листок. Журнал для воспитателей и народных учителей», «Детский сад. Педагогический журнал для родителей, наставников и воспитательниц», «Сын Отечества», «Вестник благотворительности», «Русь», «Неделя» и другие. Кроме того, в предлагаемое издание привлекались материалы, опубликованные в периодических изданиях Юга России: «Северокавказская газета», «Ставропольские губернские ведомости», «Терские ведомости» и другие.

Крайне ценными в качестве источников оказались художественные произведения, призванные стать весомым дополнением к строго историческим образцам источников по рассматриваемой проблематике.

Проведенный источниковедческий анализ по проблеме деревенского детства в России показал, что интересующие материалы достаточно обширны и разнообразны. Вместе с тем, необходимо отметить крайне низкое число документов, происходящих непосредственно из крестьянской среды (исключения составляют лишь редкие воспоминания крестьян, получивших образование). Источниковой базой этой части хрестоматии послужил общероссийский материал.

Вторая часть хрестоматии основана на региональных источниках, которые позволяют представить своеобразие национальных особенностей воспитания горцев, казаков, крестьян и кочевых народов, отразить особенности влияния религии на воспитание, образование и быт, а также учесть специфические черты сословной структуры общества, сложившегося на Северном Кавказе, Кубани и Ставрополье в XIX– начале XX века.

РАЗДЕЛ I. ДЕТСТВО В СЕМЬЕ

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ

В Свод законов Российской Империи и Полное собрание законов Российской Империи вошли законы, регулирующие взаимные права и обязанности родителей и детей различных национальностей и вероисповеданий, освобождение от родительской власти, защиту родителей и детей от насильственных действий, определение будущности детей рожденных вне брака, во вторых браках.

***Высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета. –
О детях солдатских жен, прижитых ими от вторых браков,
по вступлении в оные без надлежащих удостоверений о смерти
первых мужей их.***

<...> в разрешение представившегося вопроса, постановить общим на всегда правилом, что дети солдатских жен, прижитые во вторых браках с лицами не военного звания, военному ведомству не принадлежат. Посему: все таковые дети, рожденные после ревизии 1811 года доныне, должны быть причислены, а рожденные в последствии, должны быть причисляемы к тем ведомствам, обществам или селениям, коим принадлежат отцы их. Но если бы кто из таковых детей поступил уже доселе в Батальоны Военных кантонистов, тех не возвращать.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Том VII. 1832 г. -№ 5788. – Ноябрь 30. – СПб., 1833. С. 877.

***Именной, данный Сенату, опубликованный 26 Декабря. – Об
оставлении при вдовах нижних чинов одного из сыновей.***

Желая <...> облегчить судьбу тех вдов, мужа коих убиты в сражениях и умерли на службе, Всемилостивейше повелеваем: всем таковым вдовам <...> отдавать навсегда одного из законных их сыновей, по собственному избранию <...>.

Узаконение сие относится до тех только сыновей означенных вдов нижних чинов, которые находятся при них на воспитании и в заведениях военных кантонистов. Поступивших же на действительную службу, из оной не возвращать.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Том XI. 1836 г. – № 9761. – Декабрь 6. – СПб., 1837. С. 237.

Свод законов гражданских. Издание 1906.

Отделение 3. О детях внебрачных.

132-3. Отец внебрачного ребенка обязан, сообразно своим имущественным средствам и общественному положению матери ребенка, нести издержки на его содержание, если он в том нуждается, до его совершеннолетия. Мать ребенка участвует в издержках на его содержание соответственно своим имущественным средствам, которые вообще принимаются во внимание при определении ребенку содержания, следующего с его отца. В случае требования означенного содержания за прошедшее время, отец ребенка обязан возместить оное не более чем за год до предъявления такого требования.

132-5. Обязанность отца и матери доставлять содержание внебрачному ребенку прекращается и ранее достижения им совершеннолетия в случае замужества внебрачной дочери или когда ребенок, будучи уже предназначен к приготовленной ему деятельности, в состоянии сам себя содержать.

132-12. (по Прод. 1906 г.). Внебрачные дети и законные их нисходящие наследуют по закону лишь в благоприобретенном имуществе матери на основаниях, установленных для детей законных, с тем, однако, что наследуемое имущество матери, не имеющей законных сыновей, но имеющей лишь законных дочерей, делится между сими последними и внебрачными детьми по равным между всеми сонаследниками долям. На законное наследование в имуществе отца и его родственников, а также родственников матери, равно как на наследование в родовом ее имении, внебрачные дети прав не имеют.

140. (по Прод. 1906 г.). Внебрачные дети казачьих вдов, жен и девиц зачисляются в казачье сословие. В казачьих войсках Восточной Сибири тех из внебрачных детей казачьих вдов, жен и девиц, которые прежде достижения семилетнего возраста останутся круглыми сиротами, а между тем никто из лиц войскового сословия не изъявит согласия взять их на воспитание, дозволяется принимать на воспитание лицам мещанского и крестьянского состояний, с припискою к своим семействам, с разрешения Гражданского Губернаторов Иркутского и Приамурского, по принадлежности.

Отделение 4. О детях узаконенных.

144-1. Для христианского населения постановлены следующие правила о детях узаконенных: внебрачные дети постановляются браком их родителей.

3) Узаконенные дети почитаются законными со дня вступления их родителей в брак и пользуются с этого времени всеми правами законных детей, от сего брака рожденных.

4) В случае признания брака родителей (п.1) незаконным и недействительным, а также в случае его расторжения, права узаконенных сим браком детей определяются на том же основании, как и права детей, рожденных в браке.

Отделение 5. О детях усыновленных.

145 (по Прод.1906 г.). Усыновление дозволяется лицам всех состояний, без различия пола, кроме тех, кои по сану своему обречены на безбрачие. Примечание. <...> евреи могут усыновлять на основании общих законов Империи, только тех из своих единоверцев, которые сами имеют право проживать повсеместно в Империи.

145-1 (по Прод. 1906 г.) Усыновление чужих детей не допускается, если у лица усыновляющего есть собственные законные или узаконенные дети.

146. Усыновитель должен иметь не менее тридцати лет от роду, быть старше усыновляемого по крайней мере восемнадцатью годами и иметь общую гражданскую правоспособность.

148. Усыновление лиц Христианского вероисповедания нехристианами и сих последних лицами Христианского вероисповедания воспрещается.

149. Для усыновления требуется согласие родителей усыновляемого, а также его самого, если он достиг четырнадцатилетнего возраста.

151. Усыновление священнослужителями и церковными причетниками (дьячками, пономарями и псаломщиками) допускается не иначе, как с разрешения Епархиального Архиерея.

152. <...> Передача усыновленным фамилии потомственными дворянами может последовать не иначе, как с Высочайшего соизволения, испрашиваемого после усыновления, в порядке и при условиях, указанных в Законах о Состояниях. Лица женского пола, не вступившие в брак, на передачу усыновленному носимой ими фамилии, при жизни своих родителей, обязаны испросить согласия сих последних.

153. Усыновленные дворянами и потомственными почетными гражданами, имеющие меньшие права состояния, приобретают усыновлением личное почетное гражданство.

154. Во всех случаях, кроме указанных в предшедшей (153) статье, усыновленный сохраняет права состояния, принадлежавшие ему до усыновления.

155. Усыновление мещанами и сельскими обывателями совершается припискою усыновленного к семейству усыновителя <...>

156-1. Усыновленный вступает в отношения к усыновителю во все права и обязанности законных детей, <...>, и приобретает право наследования в благоприобретенном имуществе усыновителя, с тем, однако, что наследуемое имение усыновителя, не имеющего родных сыновей, а имеющего лишь дочерей, делится между сими последними и усыновленным поровну.

156-7. Усыновленный сохраняет право наследования по закону после своих родителей и их родственников.

161-1. Усыновление казаками, не пользующимися правами потомственного дворянства, лиц неказачьего сословия, за исключением потомственных дворян, допускается не иначе, как по зачислению усыновляемых, на общем основании, в состав того войска, к которому принадлежат усыновители. При сем, при зачислении в войско подкидышей

с целью их усыновления, не требуется предварительного согласия обществ, в которых числятся усыновители.

Глава II. О власти родительской.

165. Родители, для исправления детей строптивых и неповинующих-ся, имеют право употреблять домашние исправительные меры. В случае же безуспешности сих средств, родители властны: 1) детей обоего пола, не состоящих в государственной службе, за упорное неповиновение родительской власти, развратную жизнь и другие явные пороки, заключать в тюрьму, по правилам, постановленным в статье 1592 Уложения о Наказаниях; 2) приносить на них жалобы в судебные установления.

168. В личных обидах или оскорблениях от детей на родителей не принимается никакого иска, ни гражданским, ни уголовным порядком. Но правило сие не распространяется на те случаи, когда родители, в отношении к лицу детей своих, покушаются на такие деяния, которые по общим законам подлежат наказанию уголовному; <...>.

II. Обязанности родителей.

172. Родители обязаны давать несовершеннолетним детям пропитание, одежду и воспитание, доброе и честное, по своему состоянию.

173. Родители должны обращать все свое внимание на нравственное образование своих детей и стараться домашним воспитанием приготовить нравы их и содействовать видам правительства.

175. В случае личной обиды, несовершеннолетним детям нанесенной, родители имеют право вступаться за них и производить иск узаконенным порядком.

III. Обязанности детей.

177. Дети должны оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь; служить им на самом деле, отзываться об них с почтением, и сносить родительские увещания и исправления терпеливо и без ропота. Почтение детей к памяти родителей должно продолжаться и по кончине родителей.

IV. Прекращение личной родительской власти.

178. Личная родительская власть прекращается смертью естественною, или лишением всех прав состояния, когда в последнем случае дети не последуют в ссылку за своими родителями.

179. Личная родительская власть не прекращается, но ограничивается: 1) поступлением детей в общественное училище, начальство коего заступает тогда по их воспитанию место родителей; 2) определением детей на службу, когда, вступая в новые отношения и получая чрез то новые обязанности, они не могут уже оставаться в прежней непосредственной от родителей зависимости; 3) вступлением дочерей в замужество, <...>.

Свод законов Российской империи. Т. X. – СПб., б.г. С. 14 – 29.

Правовые документы, регулирующие взаимоотношения между родителями и детьми в центральных губерниях Российской Империи, различались с законами, которые действовали на территории Прибалтийских губерний. Это было связано с освобождением прибалтийских крестьян от крепостной зависимости.

Высочайше утвержденные: 1) Положения о крестьянах Эстляндской губернии, и 2) Дополнительные к сему Положению особые правила для водворенных в Эстляндской губернии Шведских крестьян.

Глава II. О родительской власти.

1073. Родительская власть ограничивается тем, что ни один Эстляндский крестьянин, коль скоро сын его или дочь достигли семнадцатилетнего возраста, не может, без собственного их согласия, располагать силами их произвольно в пользу третьего постороннего лица.

1074. Право свободно располагать собою приобретается детьми только по достижении совершеннолетия, т. е. по достижении 21 года; до тех пор они, без согласия родителей, не могут, ни оставлять волостного общества, ни заключать служебных договоров. Изъятие из сего составляет, когда сыновья сделались самостоятельными хозяевами и дочери вышли в замужество.

1075. Родители, оставляющие волостное общество, не вправе принуждать детей, которыми минуло семнадцать лет, следовать за ними. Такие дети могут, если сами захотят, остаться в обществе, поступая в зависимость определенных к ним, на место родителей, особых попечителей или ближайших родственников.

1076. Незаконнорожденные дети состоят под родительскою властью того из родителей, который взял их к себе и воспитывает; следовательно, если отец не пожелает взять их к себе, или мать не захочет отдать ему, то они остаются под властью матери или наконец под властью того, кто в качестве воспитателя или воспитательницы примет их к себе на свое попечение.

1077. Тот, который с согласия своих родственников усыновляется крестьянином, или крестьянкою, не имеющими законных детей, вступает во все права и преимущества законных детей усыновителей; но о всяком таким образом принятом дитяти, усыновляющий, во избежание могущих встретиться в последствии недоразумении в отношении к наследству, обязан заявить и записать в Приходском Суде.

1078. Не только усыновителям, но и воспитателям предоставляется полная родительская власть как над усыновленными, так и над питомцами, наравне с их собственными детьми.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II. Том XXXI. 1856г. – № 30693. – Июля 5. – СПб, 1857. С. 520 -522.

Официальная поддержка со стороны правительства православной веры лишала представителей православных сект ряда гражданских прав в случае, если они не принимали православия.

Высочайше утвержденное положение Военного Совета, опубликованное 26 Января 1865 года. – О правилах для исключения из военного ведомства солдатских детей малаканской и старообрядческой сект.

<...> положением Военного Совета определено:

Всех солдатских сыновей малаканской и старообрядческой сект, находящихся у родителей, считать исключенными из военного ведомства; находящихся же на службе, неимевших 20-ти лет в день состояния манифеста 26-го Августа 1856 года, равно и состоящих в военных училищах, об исключении которых поданы просьбы до 1-го Августа 1858 года, исключить из службы; – исключение из сего правила допустить для солдатских детей малакан и старообрядцев, принявших Православную веру, которые, применяясь к постановлению 2-го примеч. К 9-му пункту правил, Высочайше утвержденных 25 Декабря 1856 года, не могут быть отдаваемы родителям, пребывающим в расколе, но могут быть увольняемы на попечение посторонних благотворителей Православного вероисповедания <...>

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II. Том XXXIX. 1864 г. – № 41603. – Декабря 19. – СПб., 1867. С. 543 – 544.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Хрущева Авдотья Григорьевна

Воспоминания

Данный исторический документ является разновидностью источников личного происхождения. Воспоминания А. Г. Хрущевой (1786-1872) записаны с ее слов ее воспитанницей и госпожой Варварой Николаевной Волоцкой, урожденной Нефимоновой (1831-?). Впервые эти воспоминания были опубликованы в журнале «Русский архив» за 1901. Особое внимание привлекает отношение помещика к детям крепостных крестьян: их можно было проиграть в карты и разлучить с родителями.

Я, Авдотья Григорьевна, уроженка Калужской губернии, родилась в 1786 году. До десяти лет жила я в своей родной крестьянской семье, счастливая, беззаботная, бегала по улице босая, в одной рубашонке. Однажды вся наша большая семья собралась в избу обедать. Отец, почтенный старичок, и дети, окружая его, усердно помолились Богу и сели

за стол. Мать хлопотала у печи. Вдруг открывается дверь, и входит староста. Помолясь на иконы, он кланяется хозяевам и, почесывая затылок, говорит: «Ну, дядя Григорий, недобрую весть я принес тебе. Сейчас получен мною от барина приказ: немедленно привезти к нему твою Дуняшу. Там, слышь, бают, что он проиграл ее в карты другому барину». Одно мгновение все смотрят на него, разинув рты. Потом подымается горький плач, сбегается вся деревня, и начинают причитать надо мной как над покойницей. Судьба сразу дала мне понять, что я не баюшкина и матушкина, но барская и что наш барин, живя от нас за сотни верст, помнит всех своих крепостных, не исключая и ребятишек. Но барской воле противиться нельзя, от господ некуда убежать и спрятаться, и потому, снарядив меня бедную, отдали старосте. Оторвали меня малую от родителей и насильно повезли в неволю. Дорогою я плакала, а встречные с нами сильно негодовали на господ.

Приехав в Ярославль, мы узнали, что я проиграна господину Шестакову, Гавриилу Даниловичу, жившему на Духовской улице в собственном доме. Вот я стою перед страшным барином; староста толкает меня в бок, говоря: «Кланяйся господам в ножки и целуй у них ручки». Барин же, указывая на молодую женщину, говорит: «Вот Дуняшка, твоя барыня; слушайся ее». Барыню мою звали Феофания Федоровна. Она приказала мне идти за собой к ней в комнату и посадила на скамеечку у своих ног. Я со страхом поглядываю на нее исподлобья. Она же то погладит меня по голове, то вдруг вскочит со стула и быстро заходит по комнате, браня своего мужа. Кушать приносили ей в ее комнату, и остатки обеда она отдавала мне <...>

<...> Барыня моя была добрая; однако я ее боялась и постоянно тревожилась, чтобы разом уловить и исполнить приказание, если она его сделает. Даже и сны мои были полны такой же заботы. Я осмыслила, что нет у меня никаких прав, а все мое положение зависит от воли господи, и чтобы заслужить ее милость, я старалась быть внимательной, расторопной и безропотной, но вместе с тем навсегда утратила охоту к забавам и стала как бы взрослая. О родителях я не имела никаких известий, по их неграмотности и неимению денег на пересылку писем: в те времена даже господа писали и получали письма раза два в год или реже <...> Материнское сердце не выдержало неизвестности о моем житие: она отпросилась у мужа и старосты и пошла пешком меня проведать. С дозволения моих господ, она временно поселилась в нашей людской, но выдалась со мной только урывками, так как обе мы были заняты. Она добровольно помогала в работах нашей прислуге, чтобы избежать упрека в дармоедстве и выказать себя отличной работницей, в надежде с этим соблазнить моих господ на покупку ее с семьей. Когда о трудовых ее подвигах и кротком нраве доложили барыне, та высказала именно такое желание; но, к несчастью, наш барин запросил такую огромную цену, что поневоле пришлось отказаться от надежды вновь соединить нашу семью под одной властью.

Прощаясь, она благословила меня и сказала: «Не плачь, мое дитячко, молись Господу Богу и Царице Небесной. Люби своих господ и служи им верой и правдой. Строго соблюдай целомудрие; не выходи замуж, если будет возможно ради того, чтобы и тебе не пришлось разлучаться с детьми.» С Божьей помощью я свято исполнила ее завет. С тех пор я не получала никаких известий о моих родных; но почти утешилась в разлуке с ними, покоряясь неизбежности и отдав все сердце моей старшей барышне, которую любить было невозможно <...>

Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века / Вступ. статья, сост. В.А. Кошелева; коммент. В.А. Кошелева, Б.В. Мельгунова и В.П. Бударagina. – М., 2006. – С. 94-108.

А-ва. Картинки домашнего воспитания. (Педагогические этюды)

Данный анонимный исторический документ относится к источникам личного происхождения и представляет собой записки матери, которая искала идеальную модель воспитания для своего ребенка. Женщина задалась целью посмотреть, каким образом воспитывают детей в семьях с разным социальным и имущественным положением, и как это оказывает влияние на подрастающее поколение. С этой целью она совершила несколько поездок и визитов в разные семьи, что и отразила в своих «Картинках».

<...> На другое утро, я поехала в Коломну к молодой женщине среднего круга, не особенно богатой и не бедной. У неё был один сын 10 лет. Она любила его с какою-то болезненною страстностью, с какой-то исключительностью, отчасти объяснимой тем, что она потеряла мужа и двоих детей в самый короткий срок. Вася составлял цель жизни матери, бабушки и тетки. Он был для них целый мир, полный тревог, радостей и всевозможных волнений; они говорили, думали только о нем, все остальное хоть бы и не существовало. Они ничего и не знали, что делалось кругом <...> А предмет всех этих забот был очень хорошенький бледный мальчик с таким младенческим выражением лица, что с первого взгляда ему можно было дать лет 6, не больше; видом он положительно напоминал девочку. Один только дядя нарушал гармонию этого повального лелеяния. Это был моряк, немного резкий, ему не по душе приходилась эта система, но его голос не имел ни малейшего значения, и его протест кончался тем, что бабушка сердилась и уходила в свою комнату, а моряк сознавал свою вину и умолкал. Я поехала к ним пораньше, хотела застать их врасплох, когда они не успели ещё приготовиться к гостям, когда бабушка ещё в старом капоте, с ключами за поясом, когда на m-те Лыковой ещё нет накладки, а тетя Луша в коленкоровом чепце и кацавейке <...>

После Лыковых я отправилась к совершенно иным людям, к людям нового закала и совершенно иных требований. Это семья так же состояла из женщин: мать работала и заработком содержала себя и детей.

Уроками музыки и переводами она приобретала более ста рублей в месяц, но этих денег, конечно, было недостаточно для воспитания трех девочек, так что без помощи сестры, женщины со средствами, она, конечно, не могла бы свести концы с концами, тем более, что они обе, и сама Климова, и сестра её задалась мыслью доставить детям по возможности самое полное и толковое образование. Они делали, относительно детей всё, что могли: все, что они знали, все что имели, все, что считали за лучшее, все это служило на пользу детей. Дети имени громадное значение в их жизни.

Я приехала к ним часа в три. Комната, в которую я вошла, была почти пуста, окна без занавесей, даже без штор, кожаный, немного ободранный диван, столы, заваленные в беспорядке книгами и тетрадями, несколько разнокалиберных стульев составляли все убранство комнаты. Через отворенную дверь видны были две маленькие комнатки, просто, чтобы не сказать бедно меблированные, – это была комната Климовой и её сестры. В них было только самое необходимое, и все показывало людей с крошечными средствами, с самым невзыскательным вкусом и малыми потребностями. Обстановка же детей была совершенно иная: она обличала довольство, даже избыток; детские комнаты были выбраны самые светлые, самые просторные, именно те, из которых, обыкновенно, делают гостиные и залы. В спальней было все, что необходимо и полезно детям в гигиеническом отношении; в рабочей – было собрано множество пособий, которые выработала современная наука – и аквариум и террарии, и чучелы, и скелеты, и усовершенствованные столы и счетные машины, и картины и коллекции. Но что было замечательнее всего это – большой выбор игрушек, таких игрушек, которые могли так или иначе обогатить детский ум опытом, и расширить круг их знаний. Тут были и электрическая машина, и барометр, и телеграф, и паровик, и фотография; игры и ремесла всех возможных сортов. Судя только по этой обстановке и по решительному <...> контрасту детских комнат со всем остальным, можно было заключить, что дети здесь были хозяева, что они были целью, центром, около которого группировалось все остальное. Очевидно, что дети должны были понимать свое значение и их маленькое «я» должно было иметь в их глазах известного рода вес.

Когда я вошла, Климова была одна. Она сидела за переводами; дети были в гимназии, а сестра в Царском Селе. Климова была высокая, красивая женщина, с чрезвычайно определенной и решительной физиономией, так что, если бы не добрые глаза, и по временам милая улыбка, то выражение лица её было бы сурово. Говорила она твердо, несколько докторально, в особенности с такими людьми, которых мало знала. Тогда в голосе её слышалась не то холодность, не то насмешливость <...>

Отечественные записки. 1874. № 12 декабрь. – СПб., 1874. С. 193-229.

Шипов Николай Николаевич

История моей жизни и моих странствий

Данные воспоминания впервые были напечатаны в журнале «Русская старина» 1881 №5-9. В 1877 г. Николай Шипов, бывший крепостной, впоследствии херсонский мецанин, предал в редакцию журнала «Русской старины» свою автобиографию в рукописи. События своей жизни он излагает в хронологическом порядке, представляя в виде хроники или дневника. Особый интерес для нас представляют страницы воспоминаний о детстве, в том числе в период Отечественной войны 1812 г.

Родился я в 1802 году в слободе Выездной, близ города Арзамаса, Нижегородской губернии. Отец мой был помещичий крестьянин; имел хорошее состояние; занимался торговлею скотом, для чего ежегодно ездил в Симбирскую и Оренбургскую губернии за баранами. Он был человек грамотный, начитанный; пользовался почетом и уважением.

На шестом году от рождения меня отдали в ученье грамоте местному священнику. Как могу теперь припомнить, бабушка повела меня в церковь; отслужили молебен пророку Науму. Так обыкновенно делалось в старину. Читать я выучился скоро, и в какой-нибудь год или два «мы прошли» уже Псалтирь; но письмо мне не давалось; как, ни бились, я все-таки писал старинным почерком, сходственно с родительскими.

Так прошло года четыре. Наступил достопамятный 1812 год. Тут пошли разные толки о войне, а в июле месяце распространилась молва, что французы идут в Москву. Хоть и при глупом, детском разумении, но я понимал, что нам грозит какая-то беда. В последних числах августа тронулась наша матушка – белокаменная; день и ночь не умолкала большая дорога: ехали жители из Москвы. В сентябре месяце дошла до нашей слободы весть, что Москва занята французами. Народ упал духом; торговля прекратилась, а в том числе и моего отца. Наступили большие холода. Приходило много войска; солдаты размещались по избам жителей, человек по 20 и более в каждой, отчего происходила теснота ужасная. Гнали пленных французов, которые были в старинных смешных костюмах: смесь русской одежды с французской, и притом в изорванном, очень неприглядном виде. Мы, дети, немало смеялись над таким потешным одеянием несчастных галлов. За пленными французами шли обозы раненых; везли полуживых, даже мертвых, которых хоронили человек по 50 вместе. Зима была ужасно холодная; морозы стояли жестокие. Я очень хорошо помню, что когда мы с товарищами делали снеговую гору, тот трудно было поливать ее водой – тогчас замерзала; бывало, бросишь из ковша вверх воду – она падает в виде града. Поневоле приходилось сидеть в избе, а здесь были солдаты с пленными французами. Скажу о своем доме: он был в двух жилиях с пристроенною сбоку маленькою горенкою. Весь дом занимали солдаты и два офицера; семейство же наше, состоящее из четырех душ – отца, матери, меня и 15-летней сестры моей, теснилось в горенке. О

каких-либо удобствах, разумеется, тут не могло быть и речи; особенно доставалось бедной моей сестре. Дело в том, что тогда существовал в крестьянском быту старинный обычай, сходный с татарским: девушка на возрасте, особенно невеста, не могла в родительском доме видеть лицом к лицу чужого мужчину, а была обязана, как скоро завидит гостя, идущего к ним во двор, или закрыться платком и выбежать в другую избу, или к соседу, или же, в случае невозможности бежать, скрыться под кровать, или даже запрятаться под перину <...>

Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века / Вступ. статья, сост. В.А. Кошелева; коммент. В.А. Кошелева, Б.В. Мельгунова и В.П. Бударкина. – М., 2006. С.156 – 275.

Цебрикова М.

Записки гувернантки

Приведенный ниже исторический документ весьма информативен в отношении детства и, что, немаловажно, написан интересным языком, читается легко. Госпожа М. Цебрикова решила составить записки о том времени, когда она была в качестве гувернантки или репетитора при мальчишке Федоре. Её записки весьма подробны в описании жизни и быта детей в селах, которые она посетила со своим воспитанником.

<...> Федя был внизу и занимался заботливым осматриваньем язвы на шее одной из лошадей, на которых я приехала. Оводы заели её страшно, и она сочилась багровым, ярким пятном. Феде, весьма естественно было ближе к сердцу несчастье его любимой лошади, которую с утра послали к пароходу, несмотря на все его просьбы, как я узнала после, нежели приезд гувернантки, к которой он, вследствие несчастья его любимицы и вследствие обычных угроз: придет гувернантка и засадит тебя, не мог чувствовать особенной симпатии.<...> Мальчик лет двенадцати, с наморщенным лицом, поднимался по террасе. Меня поразила бледность мальчишка при его сильном сложении и широких плечах, и вместе с тем его угрюмый, сосредоточенный вид. Он угрюмо поклонился мне. Я видела, что ему натвердили о муштрованьи гувернантки и, по моему обыкновению – не навязываться детям с ласками, хотела просто протянуть ему руку, но, подумав, что приятельница обидится холодности к её сыну, поцеловала его и сделала дурно. Федя уперся, за что последовали новые выговоры, продолжавшиеся до вечернего чая, который готовила ключница на одном конце огромного стола, занимавшего середину террасы <...>

<...> Мы подошли к избушкам.¹ Трудно представить себе что-нибудь жалче этого несчастного жилья. Скривившаяся на бок хижина с двумя

¹ Данный отрывок рассказывает о путешествии гувернантки и Феде в селенье латышей.

крошечными окнами, на половину заткнутыми грязными тряпицами. Черная солома висела лохмотьями с крыши. Пол был из сбитой глины; в углу была кинута охалка соломы. На ней лежала дряхлая женщина, стоная и охая. В другом углу стоял грубо сколоченный из необструганных досках стол и скамья; на развалившейся печи, до половины размытой потоками дождя, лежал мальчик лет тринадцати, укутанный ворохом разной рвани, несмотря на нестерпимую жару. В лачуге стоял такой нестерпимый, удушливый запах чем-то прокислым и плесневелым, что даже староста, который встретился по дороге и пошел вместе с нами, потянув носом воздух, закашлялся и сплюнул в сторону.

Недалеко от лачуги, в грядках копалась низенькая, толстая девушка, в грязных лохмотьях и каком-то красном лоскутке на сбитых и сваленных, как войлок, волосах, и малорослый сутуловатый мужчина. Перед дверьми играли двое детей мальчик и девочка, бледных, хилых и удивительно напоминавших портреты кретинов: тот же низкий лоб, сдавленный череп, бессмысленные глаза, отвисший рот и бледное, опухшее, будто налитое какой-то жидкостью лицо.

Когда мы подошли, дети подняли страшный, дикий крик; кинувшись в кусты, залезли в них и, раздвинув ветки, выглядывали на нас, как дикие зверьки. Работавшие на грядках мужчина и женщина обернулись и, бросив работу, подбежали к нам, спотыкаясь от низких поклонов. Мужчина был лет сорок пяти, хотя с первого взгляда казался дряхлым стариком. Сморщенная кожа висела на костях. Он был весь седой, сгорбленный и говорил глухим голосом чахоточного. Босые ноги были покрыты страшными язвами. Девушка была то же босая, с обнаженными за локоть рукавами, пот лил с её покрасневшего лица; узкое и короткое платье, из которого она, очевидно, давно выросла, от пота прилипло к её здоровому и сильному телу, которое не сломили ни тысячеверстный поход, ни голод, ни тяжелый труд. Эти были Латыш Эйхель и старшая дочь его Густель.

– Ах, господин, господин, говорил, задыхаясь, Эйхель и хватая, чтобы поднести к губам, руку Виктора Петровича.

– Добра-господин, добра, повторял он с самым непритворным восторгом и благодарностью.

– Ах ба-арина, ба-арина, восклицала дочь его, хватая в то же время руку Анны Егоровны. Пасибо, пасибо.

<...> Мы объехали накануне с Федей соседние деревни и хутора, приглашая крестьян отпускать детей учиться по воскресеньям и праздникам; сверх того младшие дети, мужиков побогаче, которым не приходилось работать целый день могли выбрать ещё два на неделе два часа, что бы учиться. <...> На первое воскресенье собралось человек десять детей. Мы разделили их на группы и началось ученье. Я показала Феде предварительно приемы преподавания. Он понял их отлично и дело пошло бы порядочно, если бы Федя мог выкинуть из головы мысль о том, какой он необыкновенный мальчик: делает то, чего

не делают другие помещичьи дети! От этой мысли к той, что дети должны быть благодарны ему за это великодушие – один шаг. Он переступил его, и между ним и детьми начались неприятные сцены.

– Если я тебе дам семь камешков и скажу, что ты должен три раздать другим, сколько у тебя останется.

– Три, отвечал Сеня, семилетний мальчуган, живой и бойкий мальчик.

– Как ты глуп, и этого сообразить не можешь. Ну, сосчитай ещё в голове.

– Давай я сосчитаю по пальцам.

– Я тебе приказываю сосчитать в голове. Другие же сосчитали, прикрикнул Федя.

– Ну чего ты кричишь, коли я не могу сразу.

– Как ты смеешь так говорить со мной! Я стараюсь, учу тебя, для твоей же пользы, а ты мне так отвечаешь.

– Никак я не ответил, только сказал, мол, не кричи.

– И это по-твоему ничего, глупый, дерзкий мальчишка! Это благодарность за то, что я учу тебя! Без меня ты останешься необразованным дураком.

– Ты не ругайся, я не дурак, захныкал мальчик. Никто не ругается, только ты один.

– Неблагодарный мальчишка, вскричал Федя в азарте, и я видела, как нервно дернулось его плечо и рука, будто он хотел ударить, но не посмел.

Глаза мальчика сверкнули, он смахнул сердитым ударом руки камешки на пол.

– Сколько у тебя останется, говори, затопал ногами Федя. Я тебе приказываю.

Мальчик сжал губы и в упор смотрел на Федю.

– Ну же, сколько у тебя останется камешков?.. Будешь ли ты отвечать или нет, кричал весь багровый от злости учитель. Ты забываешься, помни: кто ты и кто я!

Пришлось мне вступить и покончить неприятную сцену. Я увидела, что в отношении Феде ошиблась, рассчитывая, что и он так же товарищески сумеет учить детей, как мы бывало, в детстве, с умершей сестрой и братом, учили грамоте и счету наших крепостных мальчиком и девочек. Если бы я знала, что в Феде засело так глубоко нелепое барское чванство, я бы ни за что не подала ему мысли учить детей. Будущий необыкновенный человек оказывался избалованным барчонком, задиравшим нос перед народом.

В первый же мой урок с Федей, нарочно приняла с ним тот же тон, каким он говорил с Сеней <...>

Детский сад. Педагогический журнал для родителей, наставников и воспитательниц. 1874. Год девятый. – СПб., 1874. С. 37-49, 77-86, 151-168, 199-212, 240-251, 287-311, 358-381, 416-441, 483-512.

Кабештов Иван Михайлович

Моя жизнь и воспоминания, бывшего до шести лет дворянином, потом двадцать лет крепостным

Впервые эта рукопись была опубликована в 1906 г. отдельным изданием. Иван Михайлович Кабештов (1827-не позднее 1918). Незаконнорожденный сын саратовского дворянина и крепостной крестьянки – известный во второй половине XIX и начале XX в. на юге России хозяйственный деятель, почетный член Общества сельского хозяйства Южной России, популяризатор практических знаний по сельскому хозяйству и животноводству.

В первый период моей жизни была доля романтического: до шести лет я и мать моя по ее мужу и моему отцу считали себя дворянами и жили в довольстве. На седьмом году жизнь моя не только ухудшилась, но была периодом тяжелых страданий. По изложенным ниже событиям, брошенный отцом, я с матерью стали крепостными светлейших Волконских, хотя добрых и гуманных владельцев; но все-таки двадцать лет лучшего возраста прошли в крепостной зависимости. К тому же после смерти матери в 14 лет остался круглым сиротой без всяких средств. По выдающимся ли моим способностям и трудолюбию или по счастью, в 15 лет я был сделан писарем, потом конторщиком и контролером письменной отчетности от шестнадцати имений, далее помощником управляющего, а потом и управляющим <...>

<...> родился я в 1827 году. Отец мой меня очень любил и бесконечно баловал: одевал роскошно и возил с собою по знакомым соседям – помещикам, как сына.

Таким образом, мы с матерью прожили в довольстве и неге с небольшим шесть лет. Мать моя неустанно и добросовестно исполняла обязанности домашней и наружной хозяйки, не изменяя образа жизни. Мне минуло шесть лет, как приехал в сказанное имение новый управляющий – немец, сменивший моего отца, В.Ф. Зернихаузин, близкий человек к графу Л.А. Перовскому, в то время гофмейстеру и сенатору. Он, граф Перовский, как говорили тогда, будучи креатурою Волконских, принял обязанности безотчетного управляющего всех имений светлейших Волонских. Отец мой тотчас же после сдачи имения новому управляющему выехал из него, купил у соседнего помещика Слепцова в деревне Дубовке пустовавший домик и, кажется, оставался в хороших отношениях с новым управляющим года полтора <...>

Воспоминания русских крестьян XVIII-первой половины XIX века / Вступ. статья, сост. В.А. Кошелева; коммент. В.А. Кошелева, Б.В. Мельгунова и В.П. Бударагина. – М., 2006. С.451 – 575.

Сланская Е.

По визитам. День думской женщины-врача в С.-Петербурге

Данный исторический документ является источником личного происхождения и весьма интересен для нас по нескольким причинам. Во-первых, он составлен женщиной, во-вторых, женщиной-врачом, которая описывает свои профессиональные будни. В-третьих, сведения, приводимые Е. Сланской, касаются не только и не столько городского населения, сколько выходцев из деревни, которые приехали в город на заработки и обитали на окраинах столицы. В-четвертых, автор приводит распространенные детские заболевания, независимо от социального происхождения детей, и причины их возбуждения (клопы, грязь, редкие купания, плохой уход и пр.). Записки написаны интересным языком и весьма информативны в отношении раннего детства: как и чем кормят детей, гигиена матери и ребенка, народные методы лечения, суеверия в отношении тех или иных заболеваний в народ, условия обитания семьи и содержания детей.

<...> Так приведу несколько примеров из моих амбулаторных приемов. Входит в приемную женщина с девочкою, которую она уже приводила ко мне привод прежде, – у девочки была на шеи большая плотная опухоль. Я назначила тогда ей делать припарки, к опухоли: опухоль размягчилась, образовался нарыв и вскрылся. Женщина очень довольна, благодарит меня, говорит, что теперь все хорошо, – только вот язва не заживает. Развязывает платок с опухоли и я вижу: на язву налеплены зеленые березовые листья, – значит, применена уже своя терапия. Я осторожно снимаю листья и, пока ничего не говоря, кладу их в тазик, который тут же стоит на табурете; промываю язву водою с карболкою, сыплю на нее йодоформ: но не успела я отойти к шкафу, чтобы взять ваты и бинт, как мать, вероятно из желания помочь мне, протянула руку к тазу, взяла испачканный гноем березовый лист, поплевала на него и моментально опять налепила его на язву<...>

Входит баба с грудным ребенком – в первый раз. Записав его в книгу, спрашиваю, что с ребенком. «Кричит, не унимается день и ночь, грудь мало берет». Велю положить ребенка на стол и распеленать, при чем прежде всего обращаю внимание на то, как содержится ребенок, – чист ли он, вымыт ли и чисто ли белье. Как в большинстве случаев, оказывается – ни то, ни другое не соблюдается: ребенок не мыт, должно быть, недели две, пеленки и рубашонка испачканы, грязны. Начинаю читать нотацию. «Как же тебе не грех, не стыдно – держать ребенка в такой грязи! Уж если ты к докторше принесла его таким, так дома, верно, и ещё грязнее его водишь». – «Боялась, родная, боялась купать то его: думала – хуже бы не было от купанья-то». – «Хуже будет от грязи, а чистота никогда не вредит. А рубашку и пеленки тоже боялась выстирать? Ведь от грязи у него сыпь пойдёт по телу: а тебе и невдомёк будет, что это оттого, что ты поленилась лишний раз вымыть его или

выстирать рубашонку и пеленки». Баба, очевидно, не находит, что возразить, – конфузится и молчит. Иная начнет при этом извиняться: «Извините, госпожа докторша!» – как будто то, что я стараюсь внушить, нужно для меня! Впрочем это хорошо, если извиняется: значит, сознает свою вину и постарается исправиться. Осматриваю ребенка, который, конечно, при этом благим матом кричит: смотрю у него рот, зев, выслушиваю грудь; от матери, что нужно, узнала уже прежде: убеждаюсь, что вся болезнь ребенка и причина его крика – в желудке. Спрашиваю, чем кормит. «Грудью, милая, грудью, да вот когда соску даю». – «А что в соску кладешь? – «Да булочку, або сухарик, – пожую и кладу». – «Ну, вот! Я так и знала! Так вот что: ты верно этого еще не знаешь, никто тебя не научил, – грудному ребенку ничего, кроме молока, нельзя давать; от всего другого у него непременно расстроится и будет болеть желудок, и он будет кричать вот так же, как у тебя теперь кричит. Да еще жуешь и жеванное кладёшь в соску!» – «От матери-то, говорят, ничего, хорошо». – «Верно, хорошо, если ты его ко мне принесла! А я тебе говорю, что это совсем нехорошо, – напротив, очень дурно: мало ли что может быть у тебя во рту! Рот может быть и нечистый, или болезнь какая в нем есть или была: а для ребенка это гибель. Да ничего ему, кроме молока, и давать нельзя. Ты вот сказала, что у тебя седьмой, и что все прежние маленькими помирали: а ты подумала ли когда-нибудь, отчего это у других живут, а у тебя умирают? Оттого, может быть, и помирали, что ты так за ними ходишь: держала в грязи, да соскою – и этот помрет». Баба, видимо, оробела. – «Долго ли ребенку желудок испортить! А желудок у него испорчен, он и весь болен, и ему до смерти не далеко. Корми только грудью, а если уж когда и соску дашь – может своего-то молока мало, – так давай соску со свежим коровым и прокипяченным молоком; смешай пополам с кипяченою водою, непременно с кипяченою – и давай. А теперь, так как желудок уже у него испорчен, вот давай ему эти порошки, – три раза в день по порошок, в кипяченой также воде, в ложечке» <...>

<...> Я хотела час-другой отдохнуть, закусить и потом отправляться в поход. Но не тут-то было: вбегает в прихожую страшно перепуганная и расстроенная женщина, на руках ребенок лет двух – с ошпаренным лицом и шеей; ребенок от крику даже хрипит, мать плачет <...> Не могла же я отказать этой женщине на том только основании, что она опоздала (по думским правилам приём полагается только до десяти часов). Сделала ребенку повязку <...>

<...> Нужно сказать, что участок мой приходится в одной из окраин города, а потому путешествовать приходится много. Пройдя с полверсты, я отыскиваю первый нужный № дома 31 <...> отворяю: маленькая комнатка, на половину заставленная кроватью; в углу перед столом сидит молодая женщина, очевидно, дворничиха с нахмуренным лицом; у неё на руках ребенок, на полу ещё двое; она набирает ложечкой из крохотного горшочка, который стоит на столе, кашу, подержит её немного во рту, вероятно чтобы согреть и облюнявить, и запихива-

ет ребенку в рот; тот кричит, делает глотательные движения, выплевывает изо рта, – она пальцами собирает у него со щёк и с подбородка кашу и опять сует ему в рот; все это проделывает она так ловко и быстро, что видишь только мелькающую ложку, – видно, опытная уже в этом деле рука. Баба так поглощена своим занятием, что не замечает – как я вошла. «Где дворник?» спрашиваю. – «А не знаю; верно в портерную ушёл». – «Где № 20-й квартиры?» – «А не знаю». – Ребенок в это время поднял невообразимый крик; баба стала его трясти изо всей мочи, поднялась, шлёпнула ребенка, который попался ей под ноги, – тот тоже заорал... Вхоже в эти подробности, – чтобы показать, как нелегко бывает иногда даже отыскать нужный номер квартиры.<...>

<...>Только что я прошла первый двор – догоняет меня девочка лет двенадцати, – худенькая, тоненькая, бледненькая. – «Госпожа докторша! Зайдите к нам: папа очень болен». – «А что у него болит?» – «Да у него рука подвязана». – «Так скажи папе, чтобы завтра утром ко мне пришел, – там и посмотрю ему руку». – «Да ему нельзя идти, – он без рубахи даже, а руку привязана к потолку» <...> Иду за девочкою, – приходим: на кровати сидит больной старик, грудь обвязана большим платком, руки голые; в потолке над кроватью вбит большой гвоздь, к гвоздю привязано полотенце в виде петли, и в эту петлю вложена правая рука старика – вся распухшая, красная. Я осматриваю его и вижу: под мышкою большая сине-багровая опухоль, величиною с яблоко. Болен уже две недели; что дальше, то хуже. Мазал керосином, примачивал водкою, натирал маслом деревянным, прикладывал хлеб с солью, – все пользы нет. – «А что же к доктору не пошли?» – «Да нельзя, – на службе». Старик служит сторожем где-то, получает 8 рублей. Жена умерла давно от чахотки; старшая девочка живет в услужении, а младшая при нем; младшую он никуда не хочет отдавать – жалко: после матери осталась двух лет – и такая слабенькая; он боится, чтобы она тоже не умерла от чахотки – все кашляет. Да и дома нужна: она и спарит, и починит, и постирает. – «Есть у вас вата?» – спрашиваю у девочки. – «Нету, да я сейчас сбегаю в суровскую», и убежала. Чтоб не терять времени, я пошла в сени, набрала в ковшик воды, вылила в чашку, достала из своей сумки сулему, кусок клеенки, марлевых тряпочек и свой набор с инструментами. <...> Прибежала девочка и принесла вату. Я попросила у нее полотенце и ножницы, разрешила полотенце на узкие полосы и велела девочке сшить их в виде бинта. Девочка помогала мне с большим усердием и торопливостью, – вообще видно было, что она любит своего отца. Пока она шила, я обмыла опухоль и вскрыла; потекла масса гною. Больной даже не почувствовал укола. – «Ну, девочка, смотри, как я буду ему перевязывать: так и ты потом делай, – учись. Вот: клади так ему сначала марлевую тряпочку чистую – я тебе оставлю таких тряпочек, – намачивай их прежде вот в этой воде, что в чашке; потом положи вот так клеенку сверху, а потом побольше ваты; чтоб все это у него хорошо держалось, вот так и забинтуй». Девочка со вниманием следила, как я делала, поддерживая в то же время большую руку

отца. «Теперь давай ему рубаху, наденем, – он уже может руку опустить и рубаха не будет ему давить». Надели рубаху. Девочка сияет; больной перекрестился: «Господи, свет увидел!» – прошептал он. – «Ты, девочка, дня два ему так перевязывай – утром и вечером, а на третий день пусть он сам придет ко мне, – я посмотрю и мази дам, чтобы скорее заживало. А вот это все грязное – вату, эти тряпочки, которыми я вытирала у него гной – видишь, он все испачканы гноем, – ты сейчас же брось в печку и сожги». – «Да говорят – не хорошо это жечь, – говорит больной: – болезнь не пройдет, если что из боли выходит – жечь». – «Ну, ты уже слушай меня, а не то, что болтают зря темные люди: ведь ты видишь – я тебе худа не желаю, а хочу тебя вылечить – и облегчила уже твою болезнь, ты сам это почувствовал: ну и слушай же, что я говорю. Если всю эту грязь бросить куда-нибудь на пол, в сор, на дворе, – там детишки бегают: какой наступит босою ногою, какой ещё ручонками схватит да в рот возьмет – хорошо это? Потом ведь все это высохнет, в воздух перейдет, а вы этим воздухом дышать будете: может, и к другому пристать болезнь-то; ещё и девочка твоя, пожалуй, заразится». – «Сожги уж, поскорее сожги!» – говорит старик девочке. Я всё-таки, впрочем, осталась в недоумении: потому ли он согласился сжечь тряпки, что поверил моим словам – и испугался, что девочка может заразиться, или же просто – чтоб отделаться от моих ногаций. Мне очень часто приходится разговаривать с этими людьми по поводу такого рода предрассудка, т.е. что нехорошо тряпки от ран сжигать, и никак я не могла понять, откуда у них это взялось. Нельзя жечь, нехорошо, да и только, а почему – никто не скажет. <...>

<...> на площадках и по ступенькам красуются ведра с помоями, корки от картофеля, перья, пролитая вода, в углах целая кучи сора; запах – невольно зажимаешь нос и стараешься как можно меньше дышать. Двое детишек вместе со мною взбираются, – один лет трех, а другой поменьше – карабкается на четвереньках <...> Вхожу: большая комната с перегородкою, очевидно, «углы»; множество баб – по-видимому и из соседних квартир набежали, – все взволнованы и стрекочут как сороки; они так увлечены своим разговором, что не замечают моего прихода. – «Что у вас такое? В чем дело? Кто здесь болен? За мною присылали». Бабы притихли. – «Да вот, госпожа докторша, ребенок помирает, – говорит одна: – не знаем, что и делать». Осматриваю ребенка: крохотный, слабенький новорожденный; обернут он в грязные тряпки и, вместо свивальника, скручен веревочкой; в рот заткнута соска из толстой тряпки, соска завязана суровыми нитками, концы их попали тоже в рот ребенка. Я молча вынимаю изо рта соску, подхожу к окну и выбрасываю её в окно. «Чей это ребенок? Твой?» – спрашиваю я строго у ближайшей бабы; думаю задать ей хорошенько за соску, за веревку, за грязные тряпки, а потом уже разговаривать о болезни ребенка. Вдруг они все разом затараторили, одна перебивает другую: оказывается, что у них общее горе. Вместе с ними в «углу» жила деревенская девушка, ходила на фабрику, что зарабатывала – проживала да родным в деревню посылала, а тут пришло

время родить: денег нет, отправилась в родильный дом, а там ей и говорят: новое положение вышло – даром не принимают, надо шесть рублей заплатить; ну, она тут ночью-то в уголку, за занавескою, и родила; «мы и не слышали, только как мальчик-то закричал, мы и догадались, что верно ей Бог дал». На другой день она его понесла в воспитательный, – ей и там говорят – новое положение: даром опять же не принимают, двадцать пять рублей надо заплатить, – тогда примут. Возвратилась она с ребенком-то, – раздумалась ли она очень, с глазу ли, Бог знает! Только ночью ей и сделалось худо, палить её всю как огнем, говорит не весть что; днем ещё хуже. Вчера свезли в больницу, а нынче ребенок-то и притих; то кричал, а теперь чуть пищит. «Помрет, – без свидетельства от доктора хоронить не будут; спаси Бог, и наст в суд потянут; не крещёный, – боимся, что и мы в ответе будем. А кому хлопотать-то? У всякого своего дела много». – «Эх, бабы, бабы! И много вас тут, а толку мало, – говорю я им: – девушка ваша заболела не с глазу, а первое оттого, что сама без всякой помощи родила, – вы-то спали и никто ей не помог, а потом на другой же день после родов понесла сама в воспитательный: деревенская ведь, ничего не знает, – сколько небось проходила, пока нашла воспитательный! Да обратно взошла на ваш чердак; может, не пивши, не евши была. Оттого и заболела; родильнице надо хоть дня два полежать, чтобы не заболеть и не испортить себя на всю жизнь. А вы сейчас с глазу! Ну, да теперь уже нечего с этим не делать, – надо вот насчет ребенка похлопотать. С ребенком вы вот что сделайте: он не болен, а только голоден, отощал очень, три дня не ел, – соску ему не давайте, Боже сохрани! От соски он помрет; вы ведь в соску пихаете всякую всячину, – и булку, и хлеб, и свеклу, и сухарики, и баранки, – а это для ребенка гибель; новорожденного ничем, кроме молока, нельзя кормить, и всего лучше грудью; так вот что: сколько между вами тут с грудным молоком?» – «Трое». – «Ну вот и ладно. Вы, – обратилась я к трем указанным бабам: – теперь вот сидите дома с детьми, не ходите на работу, – вот и покормите его; одна пусть кормит утром, другая после обеда, а третья ночью; ведь ему немного надо. Дня два так покормите, а я тем временем схожу к приставу и похлопочу – его определят куда-нибудь и без денег. А если будете ему пихать соску, он помрет, и тогда на вашей же душе будет грех. Да не скручивайте его веревочкою, а пеленки непременно выстирать надо. Если постараетесь для чужого ребенка, за это Бог не забудет и ваших детей. Ну-ка, возьми, вот хоть ты, – обратилась я к одной из троих баб, что были с молоком: – покорми его; кстати, я посмотрю, будет ли он сосать; может, он очень уже слаб, – скажите: груди не берет, – и опять соску пихнете. А если не будет сосать, придется его пока с ложечки кормить. Баба осторожно взяла ребенка на руки, дала ему грудь, потянула с себя платок и прикрыла им ребенка: «Сосет!» – прошептала она, улыбнувшись. – «Ну, вот и слава Богу! Выздоровеет, – мать спасибо скажет, что не дали умереть с голоду; может она его и из воспитательного возьмет потом. Да и отец должен объявиться: ведь его дитя!» – «Да у него нет отца». – «Как нет отца? В уме ли вы?» – «Ведь она де-

вушка, какой же отец!» – Законный или незаконный, все равно отец; не может, не смеет он бросить своего ребенка». – «Это присяжной-то? Ищи ветра в поле!» – «А вот погодите; – быть может, скоро и на присяжных отцов выйдет новое положение: это ведь они должны будут платить и в воспитательный, и в родильный; согрешил – и плати» <...>

<...> затрещала одна из баб: – намедни иду я по набережной, – народу, народу бежит – страсть! Шла это одна девушка, да в Неву-то и вздумалось бросить узелок; её остановили, а в узелке-то ребенок живенький, её сейчас схватили, мужики бить начали, руки связали, в участок потащили; принесли ей и ребенка, чтоб она покормила; а пристав-то и говорит: «развяжите ей руки-то – как же она кормить будет?» Приложила она его к груди-то, – так и засосал, и засосал! Она говорит: неделю ей самой есть было нечего, в воспитательный деньги надо платить, – ну и кинула, – нарочно среди белого дня кинула, чтоб народ ребенка спас. А пристяжной-то, говорят, приказчик, 50 рублей получает, – да женатый, – обманывал, что холостой; жениться обещал, а как дело-то подошло к концу, говорит; «я тебя не знаю и ты меня не знай». Приказали ведь ему платить матери на ребенка-то: не обманывай другой раз» <...>

<...> «Родимая ты моя, желанная, посмотри ты моего мальчишку, – обратилась тем временем ко мне одна из баб: – кричит безперечь, ни днем, ни ночью покою не дает; только на руках и молчит». – «Принеси его ко мне на дом, – там и посмотрю; а теперь мне некогда, надо торопиться к тяжело больным». – «Да от кого уйдешь-то? Ведь проходишь да прождешь, а у меня смотри – их сколько; будь милостива – взгляни! – Хозяйки всё ещё нет. – «Ну, покажи». Подхожу к люльке. Баба приподняла занавеску и начала распеленывать своего мальчишку, – вижу: мелькают какие-то темноватые точки – и по грязным пеленкам, и на подушке, и на рубашонке, и по оголенным ножкам и ручкам ребенка; всматриваюсь – клопы; оглядываю веревки, на которых висит люлька, полотно, деревянную основу, занавеску: всё, всё унизано, усажено клопами. «Да это клоповник! – говорю я: – как же ты не догадаешься, что ребенок твой кричит от клопов?! Легла бы сама сюда и попробовала заснуть, да ещё руки бы тебе связать, как у него, – ведь он спеленатый у тебя лежит». – «Да у нас в кроватях ещё больше». – «Да вы большие, – устанете на работе – и не слышите, а ты этого крошку спеленаешь, свяжешь ему руки, ноги и положишь в клоповник, да ещё хочешь, чтоб он не кричал, – полечить его просишь от крику». – «Да у нас весь дом такой, – их не выведешь». – «А я вас научу, как их вывести: все бабы, которые на работу не ходят, а сидят дома с детьми, пусть дня три сряду ошпаривают кипятком и мажут керосином кровати, доски, щели, люльки; а потом каждую субботу, как моете полы, и кровати мойте, – и у вас в квартире не будет ни одного клопа. Слышите, бабы? – говорю я строго: – я вам приказываю это сделать; я ведь узнаю – у хозяйки, у дворника спрошу; если же вы этого не будете делать, то никогда и не зовите меня – не приду. Вот ты сама говоришь, что и девочку твою вылечила, и тебе помогу дала: а тогда лечитесь – где хотите; что мне за охота ходить – где меня не слушают!» – «Сделаем, все сде-

лаем, как приказываешь! – хором заговорили бабы: – ведь это не трудно» <...> Является квартирная хозяйка. «Скажи дворнику, как придет, чтоб эту больную отвез в больницу: болезнь заразная и опасная, – она может умереть» <...> «Я дам записку, – по моей записке примут; а насчет денег уже сама похлопочи: выздоровеет – сама отдаст; а то ведь тебе же хуже будет, когда все твои жильцы переболеют, да квартиру твою будут обновлять. А нам этого допустить нельзя, чтоб такие больные оставались в квартирах: с нас тоже взыскивают, чтоб зараза не распространилась. Как увезут больную, приди ко мне, – я дам порошка: ты его всыпь в воду и намочи в этой воде все её тряпки и высуши, и такую же водою вымой полы, кровати, окна и двери; окна порастворяйте – и пусть так постоит подольше. Бабы тебе помогут, а то и они могут переболеть». – «Спаси Христос, помилуй Бог от такой напасти!» – «Детишек пока прогоните всех на двор, на улицу, – пусть там бегают». Хозяйка огорчена, взволнована. Я уйду.

Вестник Европы. Журнал истории-политики-литературы. Т. 166. Год 29. Том 2. – СПб., 1894. С. 204-242.

Пурлевский Савва Дмитриевич (1800-1868)

Воспоминания крепостного

Приведенный ниже документ продолжает серию мемуаров и воспоминаний российских крестьян. Впервые он был опубликован в журнале «Русский вестник» №7. С. 320-347; №9. С. 34-67. Незавершенные воспоминания крепостного ярославского крестьянина Саввы Дмитриевича Пурлевского (1800-1868) были литературно обработаны и опубликованы Николаем Васильевичем Щербанем (1844-1893). Это автобиография крепостного из зажиточной, потом обедневшей семьи, автобиография человека, который бежал за Дунай, возвратился на родину после Манифеста об отмене крепостного права и закончившего свою жизнь в Москве купцом 2-ой гильдии, агентом большого завод. Никаких иных документальных данных о С. Д. Пурлевском, кроме его автобиографических данных не обнаружено.

<...> Твердо себя я помню с четырехлетнего возраста. С тех пор память моя все сохранила. Знал и хорошо помню наружность свою, помню свои тогдашние удовольствия, неприятности и наклонности, помню строгое преследование шалости покойным родителям, иногда делавшим мне снисхождения, уважение бабушки, которая одна могла доставить отпущение грехам моим. Матушка, бывало, говорит: «Ну что это у тебя за манера такая страшать дитя, он итак уж напуган, что боится всех». Ответ короткий «Молчать!» С бабушкой иное дело. Говорит, бывало, отцу: «Ну, уж, Митя, я натерпелась и тогда страху, как тебя в школе наш покойник, так теперь не дам тебе воли. Ведь только есть одно детище. Ну, захворает и умрет <...>»

<...> Одну мою шалость никогда не забуду. В день сошествия Св. Духа отец с матерью поехали на храмовый праздник в другое село. Я остался с бабушкой домовничать. То-то было раздолье! Все утро земли под собою не слышал, будто по воздуху летал, и пришел мне на мысль давнишний замысел. Товарищи часто хвалились: один то нашел, другое иное, показывают, бывало, старый грош или ржавый пятак, откопанный в земле, а мне никогда не доставалось откопать и полущки: нечем похвастать. Как набегался я в тот день, пришло мне в голову: под кроватью отца лежат мешки с медными деньгами, по двадцати пяти рублей в каждом <...> Вытащил я один, развязал, вижу: пятаки и гроши екатерининские, все ржавые. Ладно, думаю, и беру сколько захватить могу, стараясь набрать их штук больше. Рядом с нашим домом был пустырь, где в старину стоял дом одного старого зажиточного бездетного старика. Я туда, зарывая в разных местах пятаки и гроши, на каждой клаже кладу метки и иду к товарищу. Те в бабки играли. Прихожу и говорю за секрет: нашел, мол, на пустыре нашем два пятака и грош, которые налицо и показал. Те сейчас бабки бросили, все марш на пустырь, и я вместе с ними. Один там копается, другой в ином месте, все без успеха; я что не копну, то грош или пятак; всех привел в изумление и сам пришел в какой-то безотчетный восторг. Бабушка в это время сидела на лавочке у нашего дома с другими крестьянками. Я несколько раз приносил ей свои находки, и поднялись в этой компании толки о бывшем хозяине пустыря, который-де в самом деле мог зарыть в землю деньги. Между тем день пошел к вечеру, приехал отец. Бабушка начала хвалиться моим счастьем. Отец выслушал как-то холодно, посмотрел на меня и, должно быть, сейчас смекнул в чем дело. Он приказал работнику убрать лошадь, а сам пошел в горницу и прямо под кровать. Потянул один мешок, другой, видит: сомнительно в связке; сосчитал. Недочеты до двух рублей. Я стою в соседней комнате не жив, не мертв. Вдруг слышу зов. Вхожу. Отец грозно спрашивает, говорит: –Так-то находишь деньги! Молод еще мошенничать! Сказывай, кто научил?

Слезы у меня брызнули, пал я на колени: «Тятенька, голубчик! Виноват! Сам сделал никто, меня не учил». И рассказал, как давно мне уже досадно было, что товарищи все что-нибудь находят, а я ничего. Но родитель мой, выслушав признание, только к бабушке обратился: «Вот, матушка, что значит без надзора дети».

Так розги и не были пущены в дело, а велено лишь положить пред образом несколько земных поклонов <...>

<...> Бабушку тогда больше всех любил, но недолго пользовался ее опорой. В 1805 году она крепко захворала и через несколько недель скончалась. Горько я плакал, не о том, кажется, что она померла, а о том, что без нее некому будет меня оборонить: мать хоть втихомолку меня и жалела, но отцу не смела сказать ни слова. Однако не знаю, я ли сделался осторожней или отец снисходителен, только редко случалось мне быть битым, разве иногда оплошаешь, заиграешься в бабки и

упустишь время обеда <...> Так рос я до седьмого года. Любил слушать сказки, особенно когда рассказывала тетка Данильевна, да чтобы самому вычитывать из книги, где, сказывала она, их много, втихомолку стал учиться грамоте, выучил азы и несколько даже мог складывать, но не смел говорить об этом отцу. Он сам заметил, что я все рос в его книгах, которых у него было немало. Как-то в веселый час он вдруг и спрашивает: «Ты, может. Хочешь учиться?»

Я молчу.

—Что же ты язык прикусил?

—Да, — говорю, — тятенька, я бы желал.

—Молод еще.

Однако из первой своей поездки в Ярославль привез Часовник и Псалтырь. «Ну, — говорит, — Санька, теперь молись Богу, книги готовы, скоро поступишь к мастеру». И точно, дождавшись декабря, в день Святого пророка Наума, отслужив молебен, прямо из церкви отец сам повел меня к приходскому дьячку Ивану Петровичу. Дали мне азбуку церковной печати и костяную указку. «Мастер» мой (так называли у нас читателя), в присутствии отца, взяв мою руку с указкой, провел первую линию букв с произношением каждой, я повторял за ним, потом несколько раз сам громко выговорил «аз, буки» и так далее до «живите». Тем и кончился начальный урок.

Родитель мой, хотя тоже ограниченного учения, был любитель чтения, не ограничиваясь одними духовными книгами. Увлекала его и гражданская словесность того времени, так что после него осталось несколько периодических изданий: «Вестник Европы», «Почта духов», «Живописец», а из книг, помню, были: «Сочинения» Карамзина, «Кадм и Гармония», «Золотой осел», много разных романов и театральных пьес, между прочим, Фонвизина. На получаемые в подарок деньги я тоже составлял свою библиотеку, которую прятал на полатах: «Еруслан Лазаревич», «Бова Королевич», «Илья Муромец», «Емеля Дурачок», а блаженством моим было бойко читать все это по вечерам домашним, только без отца. Ему это мое упражнение было неприятно, завел он другое: не позволил читать без его назначения гражданские книги и заставил ежедневно упражняться в Священной Истории, Четьи-Минеи и кафизмах, требуя в почтенном изъяснения и награждая за то чашкой чая <...>

Воспоминания русских крестьян XVIII-первой половины XIX века / Вступ. статья, сост. В.А. Кошелева; коммент. В.А. Кошелева, Б.В. Мельгунова и В.П. Бударгина. — М., 2006. С.108-156.

Галахов Алексей Дмитриевич (1807–1892)

Он был широко известен в России в последней трети XIX– начале XX в. как создатель учебника и хрестоматии, по которым изучало историю русской литературы не одно поколение гимназистов. После

Октябрьской революции в школьных программах появились другие учебные пособия, имя его забылось и сейчас знакомо только историкам педагогики и литературы, а также присяжным читателям мемуаров и переписки 1840–1850-х гг.

Однако Галахов был не только педагогом, но и талантливым литератором, активным «вкладчиком» (повести, полемические статьи, многочисленные рецензии) ряда журналов 1840–1850-х гг., прежде всего – «Отечественных записок». Уже в конце 1840-х гг. он начал печатать воспоминания и не раз возвращался к ним, публикуя свои мемуарные очерки в разных журналах.

Записки человека

Приезжая из города в деревню, дворянские дети оставались там, как правило, на попечении своих родственников. Дети начинали приобщаться к деревенской жизни, вплоть до своего взросления, и не всегда воспринимали окружающую обстановку как должную. В данном отрывке рассказывается о рационе питания и о повседневном образе жизни, бытовых проблемах, которые возникали в сельской помещичьей среде.

<...> И вот к такой-то бабушке, строгой с домашними, но любившей своих внучат до баловства, явился я с почтением на другой или третий день после приезда из Сапожка. Она оставила меня обедать. Мы сели за стол втроем: бабушка, сестра и я; четвертый прибор, приготовленный для брата, оставался незанятым. Когда после первого кушанья – холодного, с которого тогда начался обед, подали горячее, дверь распахнулась настежь, и брат мой, разгоревшийся донельзя, весь в поту и пыли, вбежал в столовую с большою палкой в руке, чуть-чуть не с дубиной. Он не обратил на меня никакого внимания, как будто мы только что виделись; едва ли он даже заметил меня. «Где это рыскал? – смеясь, спросила его бабушка. – Полно тебе травить свиней, собачник; садись обедать». – «А что это такое?» – «Щи» – «Я не хочу шей; что будет после?» – «Жареный поросенок». – «И поросенка не хочу. А потом?» – «А потом пшенная каша со сливками». – «Ну вот, когда подадут кашу, пришлите за мной». И с этими словами вон из комнаты дотравливать свиней. Я был изумлен таким образчиком митрофанства. Мне, жившему при отце и матери, не могло прийти и в голову не сесть за обед в одно время с другими или выйти из-за стола до окончания обеда. Потом и я на деревенском приволье несколько поизмывался от брата, который, в свою очередь, смотря на меня, делался менее разнузданным.

Мне нравилось приходить к бабушке, которая позволяла нам больше свободы или своеволия, если угодно. Бывало, как только отец и мать, следуя завету Мономаха, лягут отдохнуть после раннего обеда, я с радостью спешил на тот двор. Бабушка обедала еще раньше нас, и потому ее послеобеденный отдых оканчивался в то самое время, как он начинался у моих родителей, уже более цивилизованных. По приходе моем немедленно выдвигался столовый ящик и оттуда выгружались сдобные пышки, свежие

огурцы, яблоки – чего хочешь, того просишь. Два-три часа праздной вольности были для меня сладким временем, ежедневной вакацией. Зато, как только в четыре часа ударяли к вечерне, я тревожно выглядывал в окно, ожидая няню, которая приходила с нашего двора, со своим обычным припевом: «Пожалуйте домой! папенька и маменька встали».

Жизнь мордовских помещиков в течение трех лет (1814–1816), проведенных мною в деревне, представляла зрелище невозмутимого пребывания на лоне крепостного права. Это была пора затишья тревожных слухов о крестьянском вопросе, которому суждено было возникнуть позднее, в 1818 году, хотя и ненадолго. Таким образом, душевладельцы, со своей точки зрения, могли бы считать себя вполне блаженными, если бы некоторых не точила мысль о заложенных в казну имениях, о наращении процентов за несрочные уплаты и о грозящих за то взысканиях. Правда, на их счастье, или, вернее, несчастье, как условия залога, так и производство взысканий отличались большою снисходительностью. Закладчик пред самой катастрофой находил средства извернуться и отвести грозу, хотя этот отвод походил на поправку Тришкина кафтана <...>

Галахов А.Д. Записки человека / Вступ., статья, сост., подг. текста и коммент В.М. Боково. – М.:

Новое литературное обозрение, 1999. – С. 24-25.

Пассек Татьяна Петровна (1810-1889)

Книга Т.П. Пассек «Из дальних лет», созданная в семидесятых-восемидесятых годах XIX века, принадлежит к числу наиболее интересных и своеобразных произведений русской мемуарной литературы XIX века. Одна из примечательных ее особенностей заключается в большом разнообразии содержания, далеко выходящего за пределы пережитого самой Пассек или известного ей по непосредственным впечатлениям.

Из дальних лет

В среде поместных дворян, нередко рождались незаконнорожденные дети, как правило, судьба их не многим отличалась от крепостных детей, тем более, если дело касалось девочек.

<...> Несмотря на то, что Петр Алексеевич любил мать детей своих и, кажется, еще больше самих детей, это не мешало ему обращать внимание и на красивых крестьянок. Так, от одной из новосельских крестьянок родилась у него дочь – Лиза, вылитая в него. Он держал ее на деревне в улучшенном крестьянском быту, собирался дать ей вольную, с двумя тысячами рублей приданого, да так и простирался до смерти, и она осталась в крестьянском крепостном состоянии <...>

Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания. В 2-х т. Т. 1. – М., 1963. – С.54.

В данных отрывках из воспоминаний Пассек Т.П. описываются бытовые условия проживания дворянских детей в деревенской усадьбе.

<...> Была весна. Мы наняли барскую усадьбу в небольшой подмосковной деревне <...>

<...> Как бы сквозь утренний туман показалась детская комната, разделенная на две половины колоннами; за колоннами – две маленькие кроватки. Солнце закатывается, лучи его широкой полосой падают сквозь итальянское окно на полутени всех предметов вытягиваются. Зайчик радужным кружком мелькает по стене, старушка няня вертит в руке хрустальную граненую подвеску, упавшую с люстры, радуется, как я ловлю зайчика и дивлюсь, что ой убегает из-под нажавшей его ручонки.

Из-за детской выдвигаются терраса, пруд, парк, аллеи лип, на террасе прелестная молодая женщина – это мать моя, я играю подле нее на полу, она берет меня на колени, расчесывает мои длинные белокурые волосы и собирается их стричь, я плачу, меня секут прутом <...>

Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания.

В 2-х т. Т. 1. – М., 1963. – С.76-77.

<...> В комнатах было свежо и пахло смолой; кроме нескольких плетеных стульев и двух-трех турецких диванов, вся мебель в доме состояла из некрашенных скамеек с решетчатыми спинками, столов различной величины, шкафов и кроватей с белыми занавесками из серпанки от комаров, которых в Карповке водилась тьма-тьмушая от близости воды и леса.

Я помню, как меня каждый день сажали на один из этих сосновых столов, такой длинный и широкий, что я могла по нем прохаживаться. Он стоял подле окна, из которого виднелась речка и ржаное поле, пересеченное широкой дорогой, вплоть до темно-зеленой стены леса. Когда мы приехали, поле это зеленело озимью, с наступлением жаров зазолотилось и по нем, как бы брызнуло синими васильками; перед уборкой хлеба оно волновалось морем наливших колосьев.

Мало-помалу стол этот сделался моей детской. Я переселила на него свои игрушки, свою дымчатую кошку Машку и, играя ими, целые часы не спускалась на пол. Дворовые девочки натаскивали мне на стол с речки цветных камушков, из леса – цветов, моха, веток, из которых я строила сады и цветники.

У нас беспрестанно являлись то зайчик, то белка, то еж, то гнездышко с белыми или пестрыми яичками. Все это встречалось с криками радости, звери кормились по чуланам, надоедали и выпускались на волю, большей же частью белки и зайцы, улучив свободную минуту, сами убежали в лес. Один еж со своим семейством прожил довольно долго на погребнице. Вскоре явилась около моего окна прикрепленная клетка с перепелом. Я любила слушать, как он на вечерней заре перекликался с товарищами, скрывавшимися во ржи; любила слушать, как птички поют, как роща шумит, сосна скрипит под ветром, дятел долбит дерево; засматривалась, как солнце кроется за речку, как заря румянит небо <...>

Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания. В 2-х т. Т. 1. – М., 1963. – С.98.

Татьяна Петровна Пассек в этом эпизоде рассказывает о своей первой встрече с маленьким Александром Герценым. Интересно то, что эта встреча произошла в деревенской усадьбе, и эти воспоминания относятся к ее трехлетнему возрасту.

<...> под белой кисейной занавеской спит трехлетняя девочка. Девочка эта я, меня будит громкий, оживленный разговор в комнате рядом с детской и ребяческий голос. В одной рубашонке, босиком, я встаю с постели, растворяю дверь и останавливаюсь на пороге. У большого стола стоит моя мать, а подле нее – незнакомая молодая дама, они держат за ручки стоящего на столе ребенка и надевают на него мой теплый левантиновый капотец стального цвета. Огорченная этим зрелищем, я громко реву и обращаю на себя общее внимание. Ребенок этот был Александр Иванович Герцен, известный в литературе под псевдонимом Искандера. Незнакомая дама – его мать, Луиза Ивановна Гааг. Вероятно, страх лишиться капотца до того отчетливо запечатлел этот случай в моей памяти, что мне кажется, я и теперь все это вижу.

Впоследствии из рассказов близких мне людей я узнала много мелких событий из моей детской жизни, – они пополнили мою память, – и еще больше узнала крупных случаев из жизни окружавших меня лиц <...>

*Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания. В 2-х т.
Т. 1. – М., 1963. – С.77.*

Отношение к животным

<...> Дела свои Катерина Петровна вела не просто, а сообразась с приметами, и всегда выходило точь-в-точь. Приметы у нее основывались одни на явлениях природы, барометром другим служила кошка. Если на чистом небе были не видны мелкие звезды, она готовилась летом к буре, зимой – к морозу. Звездные ночи в январе предвещали ей урожай на горох и ягоды; гроза на благовещение – к орехам; мороз – к груздям. Когда кошка лизала хвост – Катерина Петровна ждала дождя, мыла лапкой рыльце – ведра, стену драла – к метели, клубком свертывалась – к морозу, ложилась вверх брюхом – к теплу.

Замечательнее всего был способ, которым она приручала к дому кошек. Одни знакомые подарили мне большую дымчатую кошку Машку; к сокрушению моему, Машка беспрестанно убежала на старое место, «Постой же ты, пострел, – сказала выведенная из терпенья Катерина Петровна, – уймешься ты у меня бегать со двора»; говоря это, она схватила кошку за уши, три раза протащила вокруг комнаты, затем хвостом потерла о печку, и, что ж бы вы думали, как рукой сняло. Кошка точно приросла к дому. С этой кошкой я не расставалась до моего поступления в пансион. Ночью она спала у меня в ногах на постели, днем я с ней играла. Она лежала подле меня на столе, вслед за мной с него прыгивала на пол и бегала за мной в рошу. Кроме Машки, я играла иногда и с братом, но так как в детстве он был очень тих и неповоротлив, то чаще бегала с дворовыми девочками, такими же резвыми, как и я. Они качали меня в корзине, повешенной в саду между двух березок, вместо качелей; научили играть в

камушки, прыгать на доске и строить домики из песка и деревянных чурочек. Хороших игрушек у нас не было; купят, бывало, у проезжего торговца гремушку или глиняную утку свистулькой, и свистишь в нее до тех пор, пока всем надоешь и велют уняться или выгонят вон из комнаты. Из числа моих игрушек я берегла больше всего карандаш, листочки бумаги, гольши и три книжки: «Золотое зеркало», да две книги большого формата, с картинками, изображавшими замечательные виды, здания, народы, житейские дела. Книги эти, должно быть, попали к нам из новосельской библиотеки. Я досмотрела их до дыр <...>

Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания. В 2-х т. Т. 1. – М., 1963. – С.101.

Условия проживания дворянских детей в деревне заставляли их общаться к реалиям повседневной сельской жизни, они находят отражение в данном отрывке источника.

<...> Из деревни нас заводили на скотный двор пить парное молоко. Кроме парного молока, нас поили для укрепления здоровья березовицей.

Весной березы, назначенные на сруб, подсекали и подвязывали под насечки глиняные кувшины, в которые натекал сладкий, чистый, как вода, сок, известный под названием «березовицы». Этой березовицей нас поили всю весну. Также для укрепления здоровья заставляли нас есть сосновый сок. Крестьянки соскабливали этот сок из-под коры сосны и приносили нам в крашенных деревянных блюдах уложенный складками, точно белые атласные ленты. На вкус он приторно-сладок и сильно отзывается смолой. Я его ела по принуждению, он был мне противен до того, что не могла его видеть без содрогания.

В то время одним из условий правильного воспитания считалось, приучать детей есть все без разбора. Отвращение их от некоторых предметов пищи относили к причудам. Насколько это полезно в нравственном отношении – вопрос другой, что же касается до его действительности, то, по большей части, страхом и наказаниями отвращение уничтожали.

В детстве многие не могут есть того или другого, даже вид противных предметов производит в иных болезненное ощущение, с годами это отвращение не только что само собой проходит, но иногда те же самые предметы становятся любимой пищей. Так, в детстве моем дыни производили во мне лихорадочную дрожь, раки – ужас; у нас их часто подавали за ужином. Я заранее осведомлялась и если узнавала, что будут раки, то скорее убиралась в детскую и укладывалась спать. Уловка эта мне не всегда удавалась, заметивши ее, поднимали меня с постели, несли за стол и принуждали есть раков, несмотря на мои слезы и страх, вероятно выражавшийся и в моем детском личике <...>

Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания. В 2-х т. Т. 1.– М., 1963.– С.103.

Детские страхи, являются неотъемлемой частью психологических особенностей детского организма. Мир взрослых существует парал-

лельно, они, как правило, не понимают детей и всецело навязывают им свой образ жизни.

<...> Всего же больше я боялась чужих людей и гостей. Как только приезжали к нам гости, я пряталась под кровать, за дверь, подлезала под кресла и, когда, отыскавши меня, начинали умывать и одевать прилично, я впадала в лихорадку и ревела до того, что лицо и грудь покрывались красными пятнами. Матушка, выведенная из терпения, большей частью отступалась от меня и уходила. Вслед за нею являлась Петровна утешать и усовещивать.

– Ну, как тебе не стыдно, чего ты боишься, – уговаривала она меня, – гости все хорошие, чай, гостинцев-то, гостинцев-то что навезли! а ты утри глазки, умойся холодной водицей, оправься и войди в гостиную с лицом веселым да присядь хорошенько, маменьку-то и утетишь. Утешить этим маменьку мне не удавалось.

– Вишь ведь ты какая своебышная, – упрекала меня старушка, видя, что я стою как пень, полуодетая в своем нарядном платьице, – что тебе ни говори – свое делаешь <...>

*Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания. В 2-х т.
Т. 1. – М., 1963. – С.104.*

Самыми близкими воспитателями маленьких дворянских детей являлась мать и няня (в деревне из дворовых крестьян). Няни до определенного возраста занимались воспитанием детей. Порой самыми близкими и теплыми чувствами пронизаны детские воспоминания о добрых и ласковых женщинах из народа и не всегда любовных воспоминаниях о матерях.

<...> Какие кроткие картины пробуждаются в душе моей при воспоминании о моей няне: небольшая ростом, с тихим, необыкновенно добродушным выражением лица, с ласковым голосом, она в своей темной ситцевой юбке с кофтой и беленьком миткалевым чепчике была необыкновенно симпатична.

Привязанность моя к ней доходила до болезненности. В младенчестве моем я почти ни на шаг не отпускала ее от себя, не сходила у нее с рук; обнявши ее и прижавшись к ее груди, укрывалась от всякого рода детских невзгод. Когда она выходила из детской, я в испуг бросалась за нею или, уцепившись за подол ее юбки, тащила по полу.

Мать не могла выносить равнодушно моя, добродушная, но пылкая и порывистая, такого зрелища. Если я попадалась ей на глаза в подобную минуту, она хватала меня, как ни попало – за руку, за ногу, вытаскивала в другую комнату, летом на террасу и секла прутом. Няня бросалась за мною, со слезами умоляла мать меня помирловать, обещалась за меня, что «вперед не буду» и если ничто не удавалось, прикрывала меня своими старыми руками и принимала на них предназначенные мне удары розги. Высеченную – уносила в детскую, утешала, приголубливала и развлекала игрушками или сказкой. Сказок она знала множество, и своим простым умом и сердцем верила в истинность этих рассказов. Слушая

ее, я отдыхала и от боли и от горя и вместе с нею отдавалась дивному повествованию или, убаюканная им, засыпала на ее коленях.

Вечером, укладывая меня в постель, она тихо творила молитву перед образом, висевшим в головах моей кровати, крестила меня, брала стул и садилась подле; клала на меня руку, чтобы я, засыпая, не встрепенулась, испугавшись чего-нибудь, и начинала или рассказ или пела, как у кота колыбель хороша, а у меня и получше того, или как ходит кот по лавочке, водит кошку за лапочки, и я, не спуская с нее глаз, тихо засыпала. Утром, проснувшись, встречала тот же исполненный мира и любви взор, под которым заснула <...>

Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания. В 2-х т. Т. 1. – М., 1963. – С.105-106.

Ушинский Константин Дмитриевич (1824-1870)

Русский педагог, оказавший большое влияние на формирование детской литературы в 60-е гг. 19 в. Созданные им учебные книги «Детский мир» 1861 и «Родное слово» 1864 г. предназначались не только для школы, но и для семьи. Он писал так же рассказы научно-познавательного характера, которые сам писатель называл деловыми или справочными. («Как рубашка в поле выросла», и др.)

Как рубашка в поле выросла

В представленном рассказе речь идет о процессе изготовления детской одежды как поучительное наставление на будущее.

<...> Видела Таня, как отец ее горстями разбрасывал по полю маленькие блестящие зерна, и спрашивает: «Что ты, тятя, делаешь?» – А вот сею ленок, дочка: вырастет рубашка тебе и Васютке. – Задумалась Таня: никогда она не видела, чтобы рубашки в поле росли. Недели через две покрылась полоска зеленою шелковистою травкою, и подумала Таня: «Хорошо, если бы у меня была такая рубашечка!» Раза два мать и сестры Тани приходили полоску полоть, и всякий раз говорили девочке: «Славная у тебя рубашечка будет!» Прошло еще несколько недель: травка на полоске поднялась, и на ней показались голубые цветочки. «У брата Васи такие глазки, – подумала Таня, – но рубашечек таких я ни на ком не видела». Когда цветочки опали, то на место их показались зеленые головки. Когда головки забурели и подсохли, мать и сестры Тани повыдергивали весь лен с корнем, навязали снопиков и поставили их на поле просохнуть.

Когда лен просох, то стали у него головки отрезывать, а потом потопили в речке безголовые пучки и еще камнем сверху завалили, чтобы не всплыли. Печально смотрела Таня, как её рубашечку топят, а сестры тут ей опять сказали: «Славная у тебя, Таня, рубашка будет». Недели через две вынули лен из речки, просушили и стали колотить, сначала дос-

кою на гумне, потом трепалом на дворе, так, что от бедного льна летела кострика во все стороны. Вытрепавши, стали лен чесать железным гребнем, пока он не сделался мягким и шелковистым. «Славная у тебя рубашка будет!» – опять сказали Тане сестры. Но Таня подумала: «Где же тут рубашка? Это похоже на волоски Васи, а не на рубашку».

Настали длинные зимние вечера. Сестры Тани надели лен на гребни и стали из него нитки прясть. «Это нитки, – думает Таня, – а где же рубашка?» Проглянула зима, весна и лето, настала осень. Отец установил в избе кросна, натянул на них основу и начал ткать. Забегал проворно челнок между нитками, и тут уж Таня сама увидела, что из ниток выходит холст. Когда холст был готов, стали его на морозе морозить, по снегу расстилать, а весной расстилали его по траве, на солнышке, и взбрызгивали водою. Сделался холст из серого белым, как кипень. Настала опять зима. Накроила из холста мать рубашек; принялись сестры рубашки шить, и к Рождеству надели на Таню и Васю новые, белые, как снег, рубашечки.

Ушинский К.Д. Как рубашка в поле выросла // Родное слово. Книга 2., 1864. С.88.

Демьян Бедный (1883-1945)

Настоящая фамилия, имя и отчество – Придворов Ефим Алексеевич, русский поэт, публицист. Родился 1 (13) апреля 1883 в дер. Губовка Александровского уезда Херсонской губ. в семье крестьянина. Испытал в детстве большое влияние дяди, народного обличителя и атеиста, взял его деревенское прозвище в качестве псевдонима.

Автобиография

Со стороны близких дети испытывали не только заботу и любовь, но и неоправданную жестокость.

Придворов, Ефим Алексеевич, крестьянин села Губовки, Херсонской губернии Александровского уезда – таково мое подлинное имя и звание. Родился я 1/13 апреля 1883 года в вышеназванном селе. <...>

С семи лет и до тринадцати мне пришлось вытерпеть каторжную совместную жизнь с матерью в деревне у деда Софрона, удивительно душевного старика, любившего и жалевшего меня очень. Что касается матери, то... если и остался жильцом на этом свете, она менее всего в этом повинна. Держала она меня в черном теле и была смертным боем. Под конец я стал помышлять о бегстве из дому и упивался церковно-монашеской книгой «Путь ко спасению». <...>

Демьян Бедный. Автобиография / Трифонов Н.А. Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Хрестоматия. Пособие для студентов пед. ин-тов / Сост. Н.А. Трифонов. – 4-е изд. – М.: Просвещение, 1980. – С. 581-582.

Есенин Сергей Александрович (1895-1925)

Русский поэт. Родился в крестьянской семье, ребенком жил в семье деда. Среди первых впечатлений Есенина духовные стихи, распевавшиеся странствующими слепцами, и бабушкины сказки.

О себе

Какими только событиями ни была заполнена жизнь деревенских мальчишек!

Родился в 1895 году, 21 сентября в Рязанской губернии, Рязанского уезда, Кузьминской волости, в селе Константинове.

С двух лет был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери, у которого было трое взрослых неженатых сыновей, с которыми протекло почти все мое детство. Дядя мои были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку. Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и пока не захлебывался, он все кричал: «Э!, Стерва! Ну куда ты годишься?..». «Стерва» у него было слово ласкательное. После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавал по озерам за подстреленными утками. Очень хорошо лазил по деревьям. Среди мальчишек всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах. За озорство меня ругала только одна бабка, а дедушка иногда сам подзадоривал на кулачную и часто говорил бабке: «Ты у меня дура, его не трожь, он так будет крепче!» Бабушка любила меня из всей мочи, и нежности ее не было грани. По субботам меня мыли, стригли ногти и гарным маслом гофрили голову, потому что ни один гребень не брал кудрявых волос. Но и масло мало помогало. Всегда я орал благим матом и даже теперь какое-то неприятное чувство имею к субботе.

Так протекало мое детство. Когда же я подрост, из меня очень захотели сделать сельского учителя и потому отдали в церковно-учительскую школу, окончив которую я должен был поступить в Московский учительский институт. К счастью, этого не случилось.

Есенин С.А. О себе // Есенин С.А. Стихотворения и поэмы. – Барнаул: Алт. кн. изд., 1973. – С. 3.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

Характерной чертой деревенского детства в рассматриваемый период было отношение к детям как к взрослым людям. Эксплуатация детей начиналась с раннего детства, равно как и вовлечение их в занятие преступной деятельностью. Положение становилось еще бо-

лее ужасающим, если крестьянская семья сталкивалась с экономическими трудностями.

Убийство матерью восьмерых детей

В Финляндии 24-летняя Александра Микаэльсдохтер вступила в незаконную связь с владельцем хутора близ Гельсингфорса (по слухам, ее собственным отцом). Рождавшихся ежегодно детей мать сразу убивала. Была приговорена судом к 64 годам каторжных работ.

Неделя, 1873. № 16. 21 апреля. С. 575-576.

По деревням (между Новгородом и Череповцом).

О похищении детей

<...> Детей из бедных крестьянских семей прельщают то деньгами вперед, то деньгами на выход, то наукой и учением, а родители рады, что их дети пристроятся. Все это, конечно, «жизнь», да только уродливая. Похищение детей, которые затем пропадают, так что нет о них ни слуху, ни духу, явление распространенное, что расстраивает крестьянскую семью. Положим, что семья эта бедна и хочет для сына науки, но ведь умерший сын уже не придет домой. А семья станет еще беднее и одиночнее.

Неделя, 1877. № 18. 1 мая. С. 623.

Разные известия

Неслыханное преступление о растлении девятинедельного ребенка. Крестьянин деревни Осдотовой – Горы Яковлев пришел в гости к соседке, которой не было дома. В избе Яковлев нашел только девятинедельную девочку в люльке, которую качал старший сын крестьянки. Яковлев выслал мальчика из избы к соседу попилить дрова, а сам в это время взял девочку из люльки и растлил ее. Дитя осталось в живых, девочка лишь почернела. Яковлев в преступлении не признается, но все улики на лицо и он арестован; судебные следствия производятся. Преступнику 22 года.

Неделя, 1879. № 6. 6 мая. С. 199.

Нам пишут. Из Козельского уезда (Черниговская губерния)

В селе Вороньках произошло страшное детоубийство: отец убил своего сына. Обстоятельства убийства: крестьянин С. Гусак имеет 6 сыновей от 2 жен. Семейство было наделено землей по 2 десятины в руку, т.е. 6 десятин пахотной земли. Гусак, осознавая, что на таком клочке земли все семейство просуществовать не сможет; поэтому заботливый отец отдал 2 сыновей в «прими», одного – в солдаты. Осталось 3 сына, одного из которых он убил осознанно обухом топора в спину. Остальные сыновья помогали укрывать труп.

Неделя, 1879. № 26. 26 августа. С. 610.

Нам пишут. Из станции Урюпинской: О безотрадном положении воспитания наших детей

Сын богатого крестьянина Попова, проживающий с тремя мальчиками у преподавателя Урюпинского реального училища А.К. Котса, был избит Котсом (вернувшегося ночью из клуба): вытянут розгами. Котс избивал их и ранее, в чем мальчики просто не жаловались.

Неделя, 1879. № 1. 7 сентября. С. 25.

Бич детей

Болезни и массовые эпидемии, уносившие жизни тысяч детей только в одной губернии, повторялись из года в год.

Председатель Суджанской уездной управы, г. Арнольди, высказал в Курском губернском земском собрании, что дифтерит более страшный бич, нежели чума. И это верно. Всякая другая эпидемия пронесется по пораженной местности, вывет известное число жертв и исчезает, повторяясь лишь чрез очень значительные промежутки времени. Такова чума, такова холера. Не то дифтерит. Раз проникши в какую-либо местность, он прочно в ней заседает, медленно, но верно завоевывает все большую и большую территорию и методически подкашивает одну за другою юные жизни. Не говоря уже о том, что он истребляет наше молодое поколение, нашу надежду, нашу силу, он страшен по своему упорству, по своей настойчивости, если можно так выразиться, которая подтачивают энергию в борьбе с ним. Посмотрите, что было в прошлом году. Как волновал, как ужасал дифтерит! Сколько бесконечных толков вызывал он! Как мужественно ополчались на борьбу с ним! Теперь не то. Теперь мы стали гораздо хладнокровнее, как будто дифтерита нет, как будто он погасает. Мы привыкаем к нему, и энергия в борьбе с ним ослабевает. Но ведь привычка к дифтериту – это вещь ужасная, тем более ужасная, что у нас в России и при нормальных условиях из 1000 детей доживает до 5-летнего возраста только 600.

Очередное губернское земское собрание 1879 г. ассигновало на борьбу с дифтеритом 75 т. р., выработало обязательные правила для борьбы с этим бичом детей и постановило снарядить врачебно-санитарные отряды. По-видимому, результатом этих мер было уменьшение смертности. Однако, на мой взгляд, борьба земства с дифтеритом в течение 1880 г. едва ли может быть названа особенно плодотворной. В течение 1879 г. число умерших детей простиралось до 4 т., но в шести уездах дифтерита вовсе не было. По статистическим данным губернской управы, число заболеваний в феврале увеличилось с 1246 до 1582, хотя процент смертности уменьшился. В марте число заболеваний уменьшается, и затем самым лучшим месяцем является апрель, когда заболевших было только 472, а процент смертности понизился до 5%. Но скоро наступает разочарование. С мая и по октябрь число заболеваний и смертность последовательно увеличиваются, и октябрь дает вновь 1368 заболевших, 42,2% выздоровевших и 41% умерших. В итоге, в течение

10 месяцев 1880 г. В Курской губ. было заболевших – 9776, выздоровевших – 6140 и умерших – 3404 (около 35%). Можно полагать, что когда сделаются известными данные за ноябрь и декабрь, приведенные итоги значительно изменятся, и конечно не в пользу 1880 года. Так, в земском собрании было уже заявлено, что в подгородных местностях Курска с ноября месяца стал быстро развиваться дифтерит. А сколько из умерших не занесено в списки!

Очевидно, утешительного тут мало. Между тем в губернии действовали три врачебно-санитарных отряда, из губернских сумм израсходовано 31,768 р., применялись обязательные правила. Губернская управа следить за всеми рекомендуемыми для лечения дифтерита средствами. Недавно она выслала в санитарный отряд новое, очень дорогое средство против дифтерита – лоликарпин, которое, судя по донесению врача, производит чудеса: из 19 больных гангренозною формою дифтерита, над которыми испытано новое средство, 16 окончательно выздоровели.

В виду вышеприведенных данных чем, объяснить то обстоятельство, что земское собрание даже не входило в обсуждение замечаний, которые сделаны уездными собраниями и земскими врачами относительно данных губернским земством обязательных правил? Между тем, некоторая из них по меньшей мере стоили обсуждения. Так, пункт 8-й предписывает детей, еще здоровых, при появлении дифтерита в хате, переселять в хату бездетного односельчанина. Можно, конечно, устанавливать что угодно, если не думать об осуществлении устанавливаемого. Требуя огромных затрат, раздражая население, эта мера не приводит к цели, в виду передачи болезни другими путями. Щигровский уездный врач жалуется на то, что общий характер правил клонится к лечению, но отнюдь не к предупреждению заболевания. В этом отношении с ним сходятся Грайворонское и Суджанское земства. Первое указывает на неосуществимость устройства отдельных больниц для дифтеритных. «Ни за что не отдадим своих детей на верную смерть! – говорят крестьяне в ответ на такое предложение. Суджанское земство, где дифтерит проявляется с особенною силою, указывает на нерасположение населения к лечению дифтеритных. Нерасположение это имеет за себя много солидных доводов. Пред этою опасною болезнью нередко разбиваются усилия лучших медиков. Понятно, что отставной полуграмотный военный фельдшер, а таковых большинство – волей-неволей, вместо, пользы, приносит один вред. Каждая неудача в лечении вызывает боязнь и нерасположение к лечению со стороны матерей. Если при этом взять во внимание трудное состояние больного, беспокойство и муки, претерпеваемый им во время прижигания, мазанья и полосканья горла, которая чаще всего все-таки не дают выздоровления, то будет совершенно понятно даже озлобление матерей против всех, кто является насильно лечить их детей. Суджанское земство приходит к заключению, что обязательное лечение решительно должно быть отвергнуто, и лечить должно только тех, кто того пожелает. Мне кажется, что в этом заключении много правды. Земства жалуется на «бедность и невежество мас-

сы, которая, вдобавок, довольна апатично относится к смертности молодого поколения» (Новооскольское земство). Так не раздражайте понапрасну это невежество и тем самым не заставляйте его вооружаться против тех мер, которые, несомненно, полезны и могли бы быть осуществлены без труда! Насильственное лечение порождает среди крестьян самые чудовищные слухи и рассказы, заставляет население чуть не с коляями встречать врачей и санитаров. А между тем меры, которые препятствуют распространению дифтерита, остаются без применения. Правила запрещаюся, впредь до прекращения болезни, выезд из села детей до 14-летнего возраста, а также въезд в него детей других селений и деревень. Мера прекрасная, но где средства осуществить ее?
Неделя, 1881. № 1. 4 января. С. 30.

Детская смертность (В. Португалов)

На съезде врачей Владимирской губернии было признано, постановлено, что причина страшной смертности детей кроется главным образом в полнейшем неумении крестьянских женщин физически воспитывать своих детей, в полнейшем неведении её, что для детского организма вредно и что полезно. Каждый из нас знает, что крестьянский ребенок с самого рождения своего встречается с целою массою неблагоприятных для его здоровья моментов: или он голоден, или чересчур сыт; его постоянно одуряют закачиванием, оставляют лежать в мокрых, запачканных пеленках, его так спутывают свивальниками, что он не может, не свободно дышать, не свободно двигаться. Одним словом, присмотревшись ближе к физическому воспитанию крестьянских детей, приходится удивляться ни тому, что их умирает много, а необыкновенной выносливости тех, которые ухитряются остаться в живых. На этом же съезде доктор Сычугов представил данные, что во Владимирской губернии дети до 5 лет вымирают в количестве 66%, т.е. что из 100 родившихся до 5 лет остаются в живых 34, а умирает в 2 больше.

Затем, на съезде врачей Саратовской губернии особенно выдались доклады докторов Ныкаева и Романова о детской смертности. Г. Романов утверждает, что громадная смертность детей на 1 году жизни обусловливается расстройствами органов пищеварения, зависящих от неразумного питания грудных детей. А питание это состоит в том, что с самого 1 дня рождения крестьянки начинают прикармливать своих детей различными суррогатами грудного молока, в виде каши и жеваного хлеба. Во рту ребенка постоянно можно заметить прокислую соску. Если у ребенка развиваются колики в животе, и он плачет от боли, ему еще с большими усилиями толкают соску в рот, чтобы он замолчал и накармливают грудью и кашей, объясняя крик ребенка голодом.

Доктор Романов заявляет, что одной бедности нашего крестьянина ещё нельзя объяснить факт сильной смертности детей; не следует умолять также и другие явления, именно: невежество, незнание самых основных правил разумного питания грудных детей. Он утверждает, что можно при таком экономическом состоянии как у татар, которое не

выше, чем у русского населения, кормить детей лучше и более подходящей пищей. Прикармливание детей со дня их рождения вошло в обычай, в житейское правило в жизни крестьян и не есть сознательная подчинение необходимости. В справедливость этого убеждает факт, что осенью и зимой, когда крестьяне все время проводят дома около своих ребят, они тем не менее прикармливают кашей и не обходятся без соски. И так, заканчивает г. Романов, не одна бедность нашего крестьянина виновата в сильной смертности грудных детей, но еще больше – круглое невежество родителей. Подтверждением этого может служить еще тот факт, что не меньшая смертность детей наблюдается среди нашего купечества, чиновничества, мещан, живущих хотя и в лучших экономических условиях, чем крестьяне, но также не имеющих почти никаких понятий о вскармливании детей и уход за ними. Отсюда понятно, продолжают гг. Романов и Никольский, что борьба со злом должна быть двоякая: с одной стороны – поднятие экономического уровня населения, а с другой – распространение в народ правильных гигиенических понятий. Борьба с первым злом пока не посильна, а потому оставляет в стороне, последний – же путь более доступен и с организацией земской медицины здравия гигиенического понятия мало-помалу распространяются в народ земскими врачами. В видах более быстрого распространения знаний желательно, чтобы народная школа пришла на помощь земским врачам.

Доктор Никольский приходит к заключению, что громадная детская смертность в крестьянском населении обуславливается главным образом несоответственным питанием ребенка в 1 год его жизни и полным незнанием ухода за ним. Экономические условия в данном случае если не играют роль, то менее существенную, чем указанные первые 2 фактора. Наглядным примером того, что детская смертность обуславливается неправильным питанием и уходом, служат данные о детской смертности среди магометан, живущих в экономических условиях намного худших, чем у русских.

Прежде всего доказано, как на запад Европы, так и у нас, что самое опасное время года для новорожденных не зимний холод, а летняя жара. Затем убедились, что материнское молоко для ребенка ничем не заменимо. По исследованию и справкам оказалось, что между женским и коровьем молоком огромная разница в количественном и в качестве белковидных веществ, и, наконец, в том, что женское молоко абсолютно не содержит никаких микробов или их зародышей, коровье же молоко всегда их содержит во множестве. Эти-то микробы и причиняют все зло: не выносит борьбы с ними нежный детский организм. Детские поносы, детская холера, летние детские расстройства кишечника – все это плоть коровьего молока, зараженного микробами. И такое молоко для детей – сущий яд. Устраните это ядовитое молоко, и вы уменьшите детскую смертность на половину. Упускают из виду, что молоко является разнощиком скарлатины, дифтерита и безнадежной чахотки и все путем микробов. Далее Воган и дру-

гие нашли, что в молоке образуется особое ядовитое вещество из породы птомаинов, названная им пиротоксикон, кому он приписывает чуть не целую эпидемию, истребившая детское население. Вы видите, какое это горестное несчастье – лишить ребенка материнского молока и обречь его на коровью кислятину. Кипячение как будто предохраняет, но не всегда и не наверняка. Правда, не редки случаи, когда мать сама не может кормить, когда нет средств нанять кормилицу или нельзя её достать и остается одно – кормить коровьим молоком.

Неделя, 1888. № 50. С.1610-1614.

Истребительница детей

В одном из сел в районе Херсона обнаружена Истребительница новорожденных детей, повитуха Лаврухина, известная населению под именем «Чубочки». У неё отыскано целое детское кладбище с трупами и скелетами. Это дело взбудоражило население.

Неделя, 1900. № 10. С.328.

Р. У. Слошной ужас

В с. Александровке, Херсонской г., отец топором зарубил пятерых своих детей. Вот подробности этого страшного дела.

Еремей Сердюк устроил для детей своих пирушку, напоив их водкой. Когда дети крепко уснули, он зажег пред иконой лампаду, помолился и принялся за выполнение задуманного. По словам самого преступника, он долго ждал, пока старшая дочь повернется лицом вверх, и, когда дождался, взял нож и начал пилить ей горло. Нож был тупой, и несчастная терпела ужасные муки. Крики её мешали ему «работать». Тогда он схватил топор и перерубил ей шею. Тоже он проделал и с остальными детьми.

Покончив со своими жертвами, зверь-отец пошел к соседям и в сельское управление, где и рассказал о совершенном им злодеянии, причем держался довольно спокойно. Преступник объясняет совершенное им преступление тем, что хотел избавить своих полуголодных детей от физических и нравственных страданий.

Лица, хорошо знающие преступника, объясняют, по словам «Род. Края», преступления следующими, печально сложившимися обстоятельствами: последние неурожайные годы подорвали его хозяйство; к тому же весной текущего года у него украли пару лошадей, а затем и семена, приготовленные к посеву. Чтобы выпутаться из затруднительного положения, Сердюк нанимается в экономию Фальц-Фельна. В его отсутствие жена попадает в какой-то мелкой краже. Об этом дают знать отцу. Он возвращается; дети жалуются, что сверстники на улице им проходу не дают, называя их мать воровкой. И в результате – ужасное преступление.

Наш край, 1908. №21. С. 2.

РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сергей Тимофеевич Аксаков

(1791-1859)

Русский писатель, литературный и театральный критик, автор многочисленных произведений, но более всего известен широкому читателю как автор повести “Детские годы Багрова-внука” (1858) и сказки “Аленький цветочек”. Главное место в художественном наследии Аксакова занимает автобиографическая проза. В процессе работы возникла книга, описывающая жизнь ребенка от младенчества до девятилетнего возраста на фоне тщательно воссозданного быта русской усадьбы конца XVIII века – начала XIX века, на фоне грандиозных по степени одухотворенности картин природы.

Основной предмет книги определил сам автор – жизнь человека в детстве, детский мир, созидающийся под влиянием ежедневных новых впечатлений... Читатель видит предметы и явления, описанные в книге глазами маленького героя, чувствует свежесть и непосредственность детского восприятия.

Сережа Багров, безусловно, является автобиографическим героем, и до сих пор “Детские годы Багрова-внука” – одно из лучших произведений автобиографически-мемуарной прозы, в центре, которого герой-ребенок. Герой произведения живет в сложных, иногда очень драматичных для него соприкосновениях с миром взрослых. Сопряжение, взаимовлияние этих двух миров – детского и взрослого – таит в себе возможность невозможных потерь.

Детские годы Багрова-внука

Детские болезни и их лечение были актуальной проблемой не только для крестьянских детей, но и для детей дворянского происхождения, проживающих в деревне. Родители, особенно если этот был ребенок мужского пола, проявляли трепетную родительскую заботу и прилагали огромные усилия для сохранения и поддержания жизненных сил больного ребенка. В этих отрывках ярко показана материнская забота и беспокойство за здоровье ребенка.

<...> Я иногда лежал в забытии, в каком-то среднем состоянии между сном и обмороком; пульс почти переставал биться, дыханье было так слабо, что прикладывали зеркало к губам моим, чтобы узнать, жив ли я; но я помню многое, что делали со мной в то время и что говорили около меня, предполагая, что я уже ничего не вижу, не слышу и не понимаю, – что я умираю. Доктора и все окружающие давно осудили меня на смерть: доктора – по несомненным медицинским признакам, а окружающие – по несомненным дурным приметам, неосновательность и ложность которых оказались на мне весьма убедительно. Страданий матери моей описать невозможно, но восторженное присутствие духа и

надежда спасти свое дитя никогда ее не оставляли. «Матушка Софья Николаевна, – не один раз говорила, как я сам слышал, преданная ей душою дальняя родственница Чепрунова, – перестань ты мучить свое дитя; ведь уж и доктора и священник сказали тебе, что он не жилец. Покорись воле божией: положи дитя под образа, затепли свечку и дай его ангельской душеньке выйти с покоем из тела. Ведь ты только мешаешь ей и тревожишь ее, а пособить не можешь...» Но с гневом встречала такие речи моя мать и отвечала, что, покуда искра жизни тлеется во мне, она не перестанет делать все, что может, для моего спасенья, – и снова клала меня, бесчувственного, в крепительную ванну, вливала в рот рейнвейну или бульону, целые часы растирала мне грудь и спину голыми руками, а если и это не помогало, то наполняла легкие мои своим дыханьем – и я, после глубокого вздоха, начинал дышать сильнее, как будто просыпался к жизни, получал сознание, начинал принимать пищу и говорить, и даже поправлялся на некоторое время.

Так бывало не один раз. Я даже мог заниматься своими игрушками, которые расставляли подле меня на маленьком столике; разумеется, все это делал я, лежа в кровати, потому что едва шевелил своими пальцами. Но самое главное мое удовольствие состояло в том, что приносили ко мне мою милую сестрицу, давали поцеловать, погладить по головке, а потом нянька садилась с нею против меня, и я подолгу смотрел на сестру, указывая то на одну, то на другую мою игрушку и приказывая подавать их сестрице <...>

Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука // Библиотека мировой литературы для детей. Вып. 2. – М., 1994. – С.14.

<...> Я приписываю мое спасение, кроме первой вышеприведенной причины, без которой ничто совершиться не могло, – неусыпному уходу, неослабному попечению, безграничному вниманию матери и дороге, то есть движению и воздуху. Вниманье и попеченье было вот какое: постоянно нуждаясь в деньгах, перебиваясь, как говорится, с копейки на копейку, моя мать доставала старый рейнвейн в Казани, почти за пятьсот верст, через старинного приятеля своего покойного отца, кажется, доктора Рейслейна, за вино платилась неслыханная тогда цена, и я пил его понемногу, несколько раз в день... Я считаю также, что двенадцатичасовое лежанье в траве на лесной поляне дало первый благотворный толчок моему расслабленному телесному организму. Не один раз я слышал от матери, что именно с этого времени сделалась маленькая перемена к лучшему <...>

Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука // Библиотека мировой литературы для детей. Вып. 2. – М., 1994. – С.43.

Самым сильным страхом для многих детей был страх остаться без родителей. Даже в раннем возрасте, страх оказаться в большом мире, потерять статус и стать в один ряд с крестьянскими детьми, являлся самым жутким. В этом эпизоде описываются психологические переживания Алеши Багрова.

<...> Мне представлялось, что маменька умирает, умерла, что умер также и мой отец и что мы остаемся жить в Багрове, что нас будут наказывать, оденут в крестьянское платье, сошлют в кухню (я слышал о наказаниях такого рода) и что наконец и мы с сестрицей оба умрем. Воображаемые картины час от часу становились ярче, и, сидя за книжкой над каким-нибудь веселым рассказом, я заливался слезами. Сестрица бросалась обнимать меня, целовать, спрашивать и, не всегда получая от меня ответы, сама принималась плакать, не зная о чем. Евсеич и нянька, которая в ожидании молодых господ (так называли в доме моего отца и мать) начала долее оставаться с нами, – не знали, что и делать. Обыкновенные в таких случаях уговариванья и утешенья не имели успеха. На вопросы, о чем мы плачем, я отвечал, что «верно, маменька больна или умирает»; а сестрица отвечала, что «ей жалко, когда братец плачет». Сказали о наших слезах тетушке. Она приходила к нам и на свои о том же вопросы получала такие же ответы.

Тетушка уговаривала нас не плакать и уверяла, что маменька здорова, что она скоро воротится и что ее ждут каждый день; но я был так убежден в моих печальных предчувствиях, что решительно не поверил тетушкиным словам и упорно повторял один и тот же ответ: «Вы нарочно так говорите». Тетушка с досадою ушла от нас. На другой день, когда мы пришли здороваться к дедушке, он довольно сурово сказал мне: «Я слышу, что ты все хнычешь, ты плакса, а, глядя на тебя, и козулька плачет. Чтоб я не слышал о твоих слезах». Я так испугался, что даже побледнел, как мне после сказывали, и точно, я не смел плакать весь этот день, но зато проплакал почти всю ночь <...>

Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука //Библиотека мировой литературы для детей. Вып. 2. – М., 1994. – С.87.

В данном отрывке рассказывается о процедуре крещения, об отношении ребенка к данному виду таинства, о его желании приобрести статус крестного в отношении своего брата.

<...> Его только что вымыли, одели в новую распахонку, завернули в новую простынку и в розовое атласное одеяльце: он, разумеется, плакал; мне стало жалко, но у груди кормилицы он сейчас успокоился. Видя приготовления к крестинам и слыша, что говорят о них, я попросил объяснения этому, неслыханному и невиданному мною, делу. Мне объяснили, и я захотел непременно быть крестным отцом моего брата. Мне говорили, что этого нельзя, что я маленький, что у меня нет кумы, но последнее препятствие я сейчас преодолел, сказав, что кумой будет моя сестрица. Видя мое упорство и не желая довести меня до слез, меня обманули, как я после узнал, то есть поставили вместе с сестрицей рядом с настоящим кумом и кумою. Крещение, символических таинств которого я не понимал, возбудило во мне сильное внимание, изумление и даже страх: я боялся, что священник порежет ножницами братцыну головку, а погружение младенца в воду заставило меня вскрикнуть от испуга <...> Но я неотступными просьбами выпросил

позволение подержать на своих руках моего крестного сына, – разумеется, его придерживала бабушка-повитушка, – и я долго оставался в приятном заблуждении, что братец мой крестный сын, и даже, прощаясь, всегда его крестил <...>

Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука //Библиотека мировой литературы для детей. Вып. 2. – М., 1994. – С.11.

Разница в пище у городских и сельских обывателей была заметна, а в отношении рациона питания детей, тем более. В данном отрывке рассказывается об ограничениях в пище, которые родители устанавливали детям в различных случаях (в данном случае после болезни).

<...> «Дети, чать, с дороги кушать хотят; покормите же их. Ну, ступайте, улаживайтесь на новом гнезде».

Мы все вышли. В гостиной ожидал нас самовар. Бабушка хотела напоить нас чаем с густыми жирными сливками и сдобными кренделями, чего, конечно, нам хотелось; но мать сказала, что она сливок и жирного нам не дает и что мы чай пьем постный, а вместо сдобных кренделей просила дать обыкновенного белого хлеба. «Ну, так ты нам скажи, невестушка, – говорила бабушка, – что твои детки едят и чего не едят: а то ведь я не знаю, чем их потчевать; мы ведь люди деревенские и ваших городских порядков не знаем». Тетушка подхватила, что сестрица сама будет распоряжаться и что пусть повар Степан к ней приходит и спрашивает, что нужно приготовить. Хотя я не понимал тогда тайной музыки этих слов, но я тут же почувствовал что-то чужое, недоброхотное. Мать отвечала очень почтительно, что напрасно матушка и сестрица беспокоятся о нашем кушанье и что одного куриного супа будет всегда для нас достаточно; что она потому не дает мне молока, что была напугана моей долговременной болезнью, а что возле меня и сестра привыкла пить постный чай <...>

Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука //Библиотека мировой литературы для детей. Вып. 2. – М., 1994. – С.73.

Внутренний мир ребенка не всегда был понятен окружающим его взрослым, а иногда и сверстникам, по разным причинам. В произведении Аксакова С.Т. чувства, мысли юного человека наполняются социальным смыслом, что и подготавливает его к равноправному участию в большой, настоящей жизни. Алеши приводит свои (детские) доводы, по поводу общения или отрицания его со своими сверстниками.

<...> Во все время моего детства и в первые годы отрочества заметно было во мне странное свойство: я не дружился со своими сверстниками и тяготился их присутствием даже тогда, когда оно не мешало моим охотничьим увлечениям, которым и в ребячестве я страстно предавался. Это свойство называли во мне нелюдимством, дикостью и робостью; говорили, что я боюсь чужих. Мне всегда были очень досадны такие обвиненья, и, конечно, они умножали мою природную застенчивость. Это свойство не могло происходить из моей природы, весьма

сообщительной и слишком откровенной, как оказалось в юношеских годах; это происходило, вероятно, от долговременной болезни, с которою неразлучно отчуждение и уединение, заставляющие сосредоточиваться и малое дитя, заставляющие его уходить в глубину внутреннего своего мира, которым трудно делиться с посторонними людьми. Еще более оно происходило от постоянного, часто исключительного общения матери и постоянного чтения книг. Голова моя была старше моих лет, и общество однолетних со мною детей не удовлетворяло меня, а для старших я был сам молод <...>

Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука //Библиотека мировой литературы для детей.

Низкий уровень жизни крестьян в деревне, естественно, неблагоприятно отражался на благополучии их детей, одной из таких субъективных причин могли быть неурожаи, и размышления об этом представлены в отрывке.

<...> «Это еще не беда, что хлеба мало господь уродил, у нас на селе старого довольно, а у кого неостанет, так господский-то сусек на что? Вот беда крестьянину семейному, с малыми детьми, когда бог его скотинкой обидит, без молочка ребятам плохо, батюшка Алексей Степаныч. Вот у десятника Архипова было в доме восемь дойных коров, а теперича не осталось ни шерстинки, а ребят куча. Прогневали Бога!»<...>

Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука //Библиотека мировой литературы для детей. Вып. – 2. М., 1994. – С.155.

Бунин Иван Алексеевич (1870-1953)

Русский прозаик, поэт, переводчик. В произведении И. Бунина «Кастрюк» представлен пример повседневной жизни деревенских детей описываемого периода. Обязательное осуществление надзора представителей старшего поколения семейства, наличие разноплановых детских развлечений, проявление доброго отношения к ребенку и участия в его деятельности может свидетельствовать о попытке автора проиллюстрировать читателю пример серьезного отношения к воспитанию детей внутри крестьянской семьи. Кроме того, проживание на одной территории помещичьих и крестьянских детей нередко сопровождалось враждебностью между ними. Это зависело во многом от установки поведения помещичьих детей по отношению к детям крестьян. Хотя дружба между ними, в конечном счете, могла приносить обоюдную пользу в вопросах воспитания и развития.

Кастрюк (отрывок)

<...> Внезапно выскочив из-за крайней избы, с полевой дороги, всю прыть маленьких лошадок летели по деревенской улице барчуки

из Залесного. Подпрыгивая и хватаясь за холки, они гнались вперегонки, и ветер пузырями надувал на их спинах ситцевые рубашки. Теленок шархнул от них в сенцы, куры и впереди них петух, приседая к земле, неслись куда глаза глядят. Но отчаяннее всех улелетывала по деревенской улице маленькая белоголовая девочка в одной рубашонке. Обезумев от страха, она вскочила на огороды, несколько раз с размаху упала по дороге и вдруг увидала в воротах риги дедушку. С звонким криком бросилась она в его колени.

– Что ты, что ты, дурочка? – закричал и дед, ловя ее за рубашку.

– Барчуки... на жеребцах! – захлебываясь от слез, едва могла выговорить внучка.

Дед усадил ее на колени, начал уговаривать.

Внучка скоро затихла и, изредка всхлипывая, обиженным, вздрагивающим голосом начала рассказывать, как было дело. Поглаживая ее по голове, дед задумчиво улыбался. <...>

Внучка шепотом предложила пойти наломать веничков, про которые мать уже давно толковала. <...>

Пообедав, внучка с ребятами ушла в лужок за баранчиками. Все они так жалобно просились пустить их, что дед не мог устоять. <...>

Долог этот день показался ему!

Дашка воротилась из лужка и присоединилась к ребятам, игравшим в спуске.

«Ай уж и мне пойтить к ним свистульки лепить?» – думал дед с горькой улыбкой и, наконец, не выдержал. <...>

Бунин И. Кастрюк// Бунин И. Избранное. – Алма-Ата: Жазуши, 1983. – С. 35-32.

Игнатович Инна Ивановна (1879-1967)

В условиях крепостной системы, существующей в России, жестокое отношение к крепостным детям обоего пола являлось нормой. Не зависимо от того, какие работы они выполняли, система наказаний была неотъемлемой частью за провинности, иногда приводимой к гибели детей. На нескольких примерах это показано в приведенных отрывках из источника.

О смерти крестьянского мальчика

<...> Помещик Рязанской губернии, Суханов, отправился на охоту и взял с собою в числе прислуги двенадцатилетнего мальчишку. Этот ребенок не мог оценить всю важность возложенной на него обязанности – он просмотрел зайца. Суханов ударил его ружейным прикладом в ногу, а когда он упал на землю, стал бить его пинками в грудь и живот, приговаривая: «Издыхай, скотина!» Мальчик остался на земле, а по окончании охоты Суханов сначала посадил его с собою на дрожки,

но, так как он от слабости сидеть не мог, Суханов столкнул его с дрючек, высказав: «Ну, издыхай скорей!» С помощью других лиц мальчика кое-как довели домой, где он два дня поболел и умер <...>

Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения.

Издание Л.Ф. Пантелеева. – СПб. , 1902. – С. 141.

Ценность крестьянского ребенка – как и щенка

<...> У другого помещика один крестьянский мальчик зашиб камешком ногу борзой собаки из барской своры. Барин заметил это, и были принуждены назвать виновника. На следующий день барин назначил охоту. Привели на место охоты мальчика. «Приказано раздеть, рассказывает Пурлевский, и бежать ему, нагому; а вслед за ним со всех свор пустили в вдогонку собак, значить, травить его. Только борзые добегут до мальчика, понюхают и не трогают... Подоспела мать, леском обежала и ухватила свое детище в охапку. Ее оттащили в деревню и опять пустили собак. Мать помешалась, на третий день умерла». Неудивительно после таких случаев, что иные щенки ценились выше людей <...>

Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения.

Издание Л.Ф. Пантелеева. – СПб. , 1902.– С. 142.

Жестокое отношение помещицы в отношении дворовых девок

<...> Свирская, жена предводителя дворянства, дело о которой по жалобе крестьян на жестокое обращение было начато в 1853 г., совершала такие жестокости, что с трудом верится их возможности. Посылая дворовых девок за водою за две версты в одном платье во всякую погоду, она заставляла их пить принесенную воду с мылом, если она казалась ей не из того колодца. Провинившихся она заставляла есть протухлые яйца, била арапником до ран, сажала обнаженных на лед или снег, катала по льду и по снегу без всякой одежды, заставляла девочку Сиклетию есть кирпич, битое стекло (от чего та умерла), бумагу, кости, обливала на морозе холодной водою; другую девочку заставляла есть наполовину обрезанную косу <...>

Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения.

Издание Л.Ф. Пантелеева. – СПб. , 1902. – С. 145.

Самоубийство мальчика

<...> Особенно интересно дело помещика Карцова, возникшее в 1852 г. Дело началось по поводу мальчика, покончившего с собою из-за страха перед наказанием за совершенное воровство. При следствии выяснилось жестокое обращение Карцова со своими крепостными. При обыске были найдены в господском доме три железные цепи; были также, по словам крестьян, кандалы и рогатки, но Карцов успел спрятать их до обыска <...>

Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения.

Издание Л.Ф. Пантелеева. – СПб. , 1902.– С. 148.

Некрасов Николай Алексеевич
(1821-1878)

Русский поэт, писатель и публицист. Происходил из дворянской, некогда богатой семьи. Детство Некрасова протекло в родовом имении Некрасова, деревне Грешнева, Ярославской губернии и уезда, куда отец, вышедши в отставку, переселился. Огромная семья (у Некрасова было 13 братьев и сестер), запущенные дела и ряд процессов по имению заставили его взять место исправника. Во время разъездов он часто брал с собой Николая Алексеевича. Приезд исправника в деревню всегда знаменовал собой что-нибудь невеселое: мертвое тело, выбивание недоимок и т. п. – и много, таким образом, залегло в чуткую душу мальчика печальных картин народного горя.

Соловьи

В стихотворении «Соловьи» поэт раскрывает тему воспитания детей посредством соприкосновения с миром природы. Не имея возможности посещения центров культуры и искусства, крестьяне старались привить своим детям любовь к прекрасному, имеющимся средствам: созерцанием красот родной природы, наслаждением пения птиц.

<...> Качая младшего сынка,
Крестьянка старшим говорила:
«Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

Сейчас буренку обряжу,
Коня навяжем травку кушать,
И вас в ту рощицу свожу –
Пойдем соловушек послушать.

Там их, что в кузове груздей, –
Да не мешай же мне, проказник! –
У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут
И стар и молод. На поляне
Девицы красные поют,
Гуторят пьяные крестьяне.

<...>

Середний сын kota дразнил,
Меньшой полз матери на шею, <...>

Некрасов Н.А. Соловьи //Некрасов Н.А. Стихотворения и поэмы. – М.: «Московский рабочий», 1996. – С. 18-120.

Григорович Дмитрий Васильевич
(1822-1899/1900)

Русский писатель, член-корреспондент Петербургской АН (1888). Отец его был помещик, отставной гусар, служил управляющим имением матери писателя В.А. Сологуба; мать – француженка, дочь погибшего на гильотине во время террора роялиста де Вармона. Григорович рано лишился отца, устроившего семью в Каширском уезде Тульской губернии, и вырос на руках матери и бабушки, которые дали ему французское воспитание.

Антон-горемыка

В приводимом отрывке произведения Д.В. Григоровича «Антон-горемыка» автор с завидной точностью рисует многогранный оттенок внутрисемейных отношений как прямых родственников (родителей и детей), так и не прямых родственников (дяди и племянника).

В самой глухой, отдаленной чаще троскинского осинника работал мужик; он держал обеими руками топор и рубил сплеча высокие кусты хвороста, глушившие в этом месте лес непроходимую засекой. <...> Шагах в пяти от него стояла высокая телега, припряженная к сытенькой пегой клячонке; поодаль, вправо, сквозь обнаженные сучья дерев виднелся полунагой мальчишка, карабкающийся на вершину старой осины, увенчанную галочьими гнездами. <...> Он опускал топор и обращался к мальчику, сидевшему на осине:

– Эй, Ванюшка! Ишь куда забрался! того и гляди, ветром снесет, ступай наземь!..

– Не замай, дядя Антон, – откликнулся парнишка, – небось не снесет!

Дядя Антон, успокоенный каждый раз таким увещанием, брал топор, нахлобучивал поглубже на глаза шапку и снова принимался за работу. Так повторялось неоднократно, пока наконец воз не наполнился доверху хворостом. Внимание мужика исключительно обратилось тогда к племяннику; его упорное неповиновение как бы впервые пришло ему в голову, и он не на шутку рассердился.

– Ах ты, баловень! – закричал он, стучая обухом топора в осину, – долго ли говорить тебе? Слезай! вот я те, озорника, поартачишься у меня, погоди!..

– А вот же не слезу, коли так, – отвечал мальчуган, взбираясь все выше и выше.

– Не слезешь?.. ладно же, оставайся один в лесу, пусть те едят волки... проклятого!..

Угроза, казалось, подействовала на ребенка; он обхватил ручонками коренастый ствол дерева, приготавливаясь спуститься наземь при первой попытке дяди исполнить обещание.

– А бить станешь? – вымолвил он, наклонив из-за ветки кудрявую свою головку и глядя пристально на дядю.

– Ну, ну, слезай, знай слезай...

– Взаправду не станешь?..

– Говорят, не стану, ступай скорей!

Ванюшка спустился сажени на две и опять повис на сучке.

– И на лошадь, дядя Антон, посадишь?

– Ладно, ладно, ступай только.

– Не обманешь?

– Экой пострел, прости господи! говорю, посажу – чего еще?

Последнее обстоятельство окончательно успокоило парнишку; с быстротою и ловкостью белки проскользнул он между верхними сучьями и в одно мгновение ока очутился на земле подле дяди.

<...> Проезжая мимо, Ванюшка, начинавший было корчиться от стужи на своей кляче, вдруг вытянулся, присанился и крикнул, во сколько хватило силенки:

«Эй! пошли прочь!.. раздавлю!.. ишь лошадь едет...» Толпа дала дорогу, окидывая седока завистливыми взглядами. Одна девчонка, рыженькая, курносая, взъерошенная и вдобавок еще хромая, пустилась догонять воз, прыгая и вертясь на одной ножке.

– Дядя Антон, дядя Антон, посади на воз! – кричала она. – Посади, голубчик, на воз... золотой, посади, право-ну, посади!..

– Пошла прочь, – вымолвил Антон, грозя хворостиной, – чего привязалась! Вот я те!..

Девчонка остановилась, дала ему проехать несколько шагов и потом снова поскакала; только теперь, как бы назло, она коверкалась и ломалась несравненно более, кричала звонче, приступала настойчивее, пока наконец, выбившись из сил, поневоле должна была отказаться от своего преследования, но и тут не упустила случая высунуть Антону язык и поднять рубашонку.

<...> Несмотря на то, хозяева лачужки заметно ускоряли шаг, и лица их, по мере приближения к ней, просветлялись приветливой улыбкой. Ванюшка никак даже не мог удержаться, чтобы не крикнуть в порыве восторга несколько раз сряду: «Дядя Антон, домой приехали! Ишь, дядя Антон, ишь, дом-то, вон он!.. вон он какой!..» При въезде на двор на встречу им выбежала девочка лет шести; она хлопала в ладоши, хохотала, бегала вокруг телеги и, не зная, как бы лучше выразить свою радость, ухватилась ручонками за полы Антонова полушубка и повисла на нем; мужик взял ее на руки, указал ей пальцем на воз, лукаво вытащил из середины его красный прутик вербы, подал его ребенку и, погладив его еще раз по голове, снова пустил на свободу. Девочка была в неопisanном восторге от роскошного подарка.

– Ну, Ваня, будет! Слезай-ка с лошади да ступай скорее с сестренкой в избу, на печку, – сказал дядя. – Небось оба поесть хотите?

– Дядя Антон, голубчик, золотой ты мой! дай распрячь лошадку, я опосля поем, – кричал мальчишка.

– И то замерз совсем, куды те справиться!

– Ничаво, дядя, голубчик, ничаво, право-слово ничаво... Ты, Аксюшка, ступай в избу, ишь озябла ты... а я приду.

Не все же понукать да драться: дядя покорился; вскоре все трое вошли на крылечко, а оттуда и в избу.

<...> – Эй, ребятишки! – крикнул Антон, – вы и взаправду завалились на печку, – ступайте сюда... а у меня тюря-то славная какая... э! постойте-ка, вот я ее всю съем... слезайте скорее с печки... <...>

В это время Аксюшка подбежала к дяде, всползла к нему на колени и обняла смуглую его шею тоненькими своими ручонками.

– Эка девчонка-то у меня баловливая какая, бабушка, – вымолвил мужик, целуя ребенка. – Эка озорливая девчонка-то, – продолжал он, глядя ее по головке. – Сядь-ка ты сюда, плут-девка, сядь-ка поближе к своему дядьке-то да поешь... ну, а Ванюшка где?..

– А он, дядя Антон, на улицу ушел к ребятам.

– Ишь, пострел какой, прости господи, только и норовит, как бы ему из дому прочь; погоди, Аксюшка, дай ему вернуться, вот мы ему с тобой шею-то накастыляем... Слышь, бабка, озорник-ат мой от дому все отбивается.

– А господь с ним, не замай его, – молвила Архаровна, – пушай его балует, пока невеличек...

<...> – Что ж, родимый, – спросила вдруг старуха, – брат небось весточку посылает?..

– Нет, с той самой поры, как в солдаты взяли, ни слуху ни духу; и жена и муж – словно оба сгинули; мы летось еще посылали к ним грамотку да денег полтинничек; последний отдали; ну, думали, авось что и проведем, никакого ответа: живы ли, здоровы ли – господь их ведет. Прошлый год солдаты у нас стояли, уж мы немало понаведывались; не знаем, говорят, такого, – что станешь делать... <...>

– Кто там? – повторил мужик, подняв окно.

– Это я, дядя Антон, – отозвался тоненький серебристый голосок в сенях, и в избу вбежала девочка лет двенадцати.

На бледном, чрезвычайно продолговатом личике этого ребенка и вообще во всей его наружности было что-то такое, что невольно обращало на себя внимание; этот тоненький нос с легким, едва приметным погибом на середине, узенькие губы, приятно загнутые по углам, чистый, правильный очерк головы, нежные черты прозрачного личика и тоненькие тщедушные члены отличали его сразу от известного уже типа коренастых, грубо обточенных детей крестьянских. Особенно поражали в ней эти черные выразительные глаза, которым необыкновенная бледность и худоба щек придавали еще более блеску и величины. Черные волосы смоляного отлива, небрежно обстриженные когда-то в кружок, рассыпались неровными прядями вокруг ее нежной, утиной шейки. Одежда ее отличалась также от крестьянской. Она состояла из неуклюжего платья синей домотканой полосухи, прорванного на локтях, с заплатками из белой холстины, – платья, которое снизу едва прикрывало босые ноги девочки до колен; вверху от шеи до перехвата оно ниспадало угловатыми, широкими складками, обтягивало и обтирало ей грудь и плечи. Девочка остановилась посередине избы, раскрыв губы и прижимая грудь ручонками: она едва переводила дух от усталости. <...>

Трепещущая от страха Варвара стояла в сенях и, закрыв лицо разодранной рукавом рубахи, тяжело всхлипывала. Услышав шаги Ни-

киты Федорыча, она мгновенно открыла лицо свое, на котором изображались следы глубокого отчаяния, простерла руки и с криком повалилась к нему в ноги.

– Батюшка! батюшка!.. не погуби! – твердила она, рыдая и орошая грязный пол и сапоги управляющего потоками слез, – не погуби... нас... сирот горемычных...

– Ступай-ка сюда, сюда! – произнес Никита Федорыч, топнув ногою.

Он указал ей на контору. Оба вошли. Фатимка, притаившись в темном углу сеней, глядела с каким-то страхом на всю эту сцену; но только что скрылась Варвара, она, как котенок, выпрыгнула из своей прятки, подбрела к дверям конторы, легла наземь и приложила глаза к скважине. Каждый раз, как голос Никиты Федорыча раздавался громче, бледное личико ребенка судорожно двигалось; на нем то и дело пробегали следы сильного внутреннего волнения; наконец все тело ее разом вздрогнуло; она отскочила назад, из глаз ее брызнули в три ручья слезы; ухватившись ручонками за грудь, чтобы перевести дыхание, которое давило ей горло, она еще раз окинула сени с видом отчаяния, опустила руки и со всех ног кинулась на двор. Так обогнула она флигель, потом опять перелезла через забор и, очутившись в крестьянских огородах, пустилась все прямо, по задкам деревни. У крайних изб, за ригами, между обвалившимися плетнями стояла толпа девчонок и ребятишек; завидя ее, все в один голос принялись кричать: “Горюшка идет! Горюшка! Горюшка!” Тут Фатимка, как бы собравшись с последними силами, пустилась как стрела и, размахивая отчаянно ручонками, прокричала задыхающимся голосом:

– Беда с Варварой! бьют! бьют!!

В то самое мгновение в толпе раздался детский вопль и слова: “Ой, мамка! мамка, мамка!” В то же время из среды ребятишек выбежала рыженькая хромая девочка, уже знакомая читателю, и поскакала навстречу Фатимке, вертясь на одной ножке и пронзительно взвизгивая: “Горюшка! Горюшка!..”

– Полно тебе, Анютка: услышат! – проговорила та, удерживая ее за руку и торопливо подбегая к Аксюшке и Ванюшке, племянникам Антона, которые ревели в два кулака.– Ну, Ваня, ну, Аксюшка, – продолжала она, обхватив их ручонками, – беда! беда пришла тетке Варваре... беда! “бык-от” и дядю вашего хочет, вишь, куды-то отправить... я все, все слышала... все в щелочку глядела... не кричите, неравно услышат... право, услышат...

Все это проговорила она с необыкновенным одушевлением; ее бледные щечки разгорелись, она живо при каждом слове размахивала руками, непрерывно поправляя длинные пряди черных своих волос, которые то и дело падали ей на лицо. Аксюшка положила свой кулачок в рот и, удерживая всхлипывания, еще пуще зарыдала.

<...> Хромая Анютка принялась было опять за свои прыжки, но на тот раз со всех сторон посыпались на нее брань и ругательства; она поневоле легла наземь и ползком потащилась за всеми вдоль плетня на брюхе... <...>

Григорович Д.В. Антон-горемыка //Григорович Д.В. Повести. – М.: «Советская Россия», 1986. (Б-ка юношества). – С. 67-172.

Дрожжин Спиридон Дмитриевич
(6 (18).12.1848 – 24.12. 1930)

Поэт. Родился в д. Низовка Тверской губ. в семье крепостного. В школе обучался «две неполных зимы». С 1860, более тридцати лет, в поисках заработка скитался по России, сменил множество профессий: был половым, подручным буфетчика, приказчиком, рабочим, продавцом в книжных магазинах. Как поэт он развивался под воздействием песенного народного творчества. С 80-х стал широко известен как талантливый «поэт-самоучка», бытописатель русской деревни, как человек, воплощавший душевную чистоту и природную одаренность русского крестьянина. В дореволюционный период Д.С. Дрожжин писал в стихах о жизни крестьянства. Одним из таких произведений стало написанное в 1882 г. стихотворение «В избе».

В избе

В небольшом отрывке стихотворения, посвященном крестьянскому мальчику, автор очень точно раскрывает две грани крестьянского детства: внешнюю нищету («грязная рубашонка») и стремление к эстетическому наслаждению (путем восприятия сказочного фольклора). Активная воспитательная роль при этом отводится С.Д. Дрожжиным дедушке как представителю старшего поколения семьи – носителю традиционных нравственных устоев.

Невеселая картина:
Дождь стучит в окно,
Чуть горит в светце лучина,
По углам темно.

Стены мокрые от пота,
Каплет с потолка;
Здесь живет нужда-забота,
И тоска, тоска.

Людям душу надрывает
Дни и круглый год.
У светца старик зевает,
Молча крестит рот;

Рядом в грязной рубашонке
Внук его сидит.
Старый дедушка ребенку
Сказку говорит,

Мир волшебный открывает
Перед ним, шутя,
И под сказку засыпает
Малое дитя.

В избу сноп внесла соломы
Горемыка мать,
Постлала и от истомы
Стала засыпать.

Лишь отцу его не спиться,
Он сидит угрюм
И не может позабыться
От тяжелых дум.

5 января 1882

Дрожжин С.Д. В избе // Русская поэзия второй половины XIX века. – 2-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2003. (Библиотека отечественной классической художественной литературы). – С. 271.

**Жемчужников Алексей Михайлович
(1821 -1908)**

Русский лирический поэт, сатирик и юморист. Значительная часть реалистической поэзии Жемчужникова проникнута гражданскими мотивами и исполнена высокого нравственного чувства.

Нищая

Стихотворение «Нищая» связано со спорами в обществе 60-х – 90-х годов XIX века (отмена крепостного права, нигилизм, славянофильство и т.д.). В указанном произведении четко прослеживается желание автора показать всю безысходность существования молодой женщины, и как следствие – ее ребенка-младенца. Заслуживает особого внимания пример глубокой любви матери к своему ребенку, проявления заботы о нем и в противоположность этому – равнодушие людей к конкретной судьбе человека. Примечательно, что, лихо проехав мимо беды маленького человечка, они мчались в монастырь молиться богу, выпрашивать милость себе и своим близким.

С ней встретились мы среди открытого поля
В трескучий мороз. Не лета
Ее истомили, но горькая доля,
Но голод, болезнь, нищета,
Ярмо крепостное, работа без прока
В ней юную силу сгубили до срока.

Лоскутья одежд на ней были надеты;
Спеленатый грубым тряпьем,
Ребенок, заботливо ею пригретый,
У сердца покоился сном...
Но если не сжалятся хорошие люди,
Проснувшись, найдет ли он пищи у груди?

Шептали мольбу ее бледные губы,
Рука подаянья ждала...
Но плотно мы были укутаны в шубы;
Нас тройка лихая несла,
Снег мерзлый взметая, как облако пыли...
Тогда в монастырь мы к вечерне спешили.

1857.

Жемчужников А.М. // Русская поэзия второй половины XIX века. – 2-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2003. (Библиотека отечественной классической художественной литературы). – С. 153-154.

Засодимский Павел Владимирович (1834 – 1912)

Маленькие люди и их страдания – таково обычное содержание рассказов и повестей Засодимского. Его произведения вошли в отдельный сборник под заглавием «Повести из жизни бедных», СПб., 1876, затем в «Отечественных записках» обратил на себя внимание публики роман из деревенской жизни «Хроника села Смурина»; в 1878-1880 гг. в «Слове» помещены «Кто во что горазд», «Терехин сон» и др.

Засодимский много писал и для детей, сотрудничая в «Семье и школе», «Детском чтении», «Роднике» и «Игрушечке». Лучшие из его рассказов для детей вышли отдельными изданиями: «Задушевные рассказы» и «Бывальщина и сказки».

От сохи к ружью (отрывок)

В произведении П.В. Засодимского представлен яркий пример теплых внутрисемейных отношений, и как следствие – открытого проявления любви к ребенку как матери, так и отца. Судьба детей в крестьянской семье зависела не только от объективных реалий окружающего мира, но и от субъективных условий проживания в семье. Глава семьи с устойчивыми моральными принципами, трезвый и трудолюбивый, организовывал благоприятные условия для своих детей. Так могло быть и с героем отрывка – Пашуткой. Но его ждало другое испытание – детство ребенка, растущего без отца.

<...> Время – июль 1877 года. Место действия – глухой деревенский уголок в одной из наших северо-восточных провинций. <...>

Наступал тихий, благодатный вечер. В олешняке над рекой громко чирикала малиновка; заунывная песенка доносилась откуда-то издалека.

– Вон, люди паужинать собираются... Пора и нам! – сказал Яков, кладя на плечо косу и прихватывая другою рукой пустой бурак из-под воды.

– Пора и то! – промолвила Марфуша, отходя к соседней копне.

Там, зарытый в сено и обмотанный в тряпье, спал ее сынишка. Во сне малютка ухватил правой ручонкой горсть сухой розовой макушки, а другую подложил под свою разгоревшуюся щечку и спал тем блаженным, беззаботно-спокойным сном, каким, читатель, нам уже не спать. Марфуша бережно взяла его на руки и, прихватив на плечо грабли, пошла за мужем. Малютка не пробудился, только потянулся на другой бок и еще крепче прижался головой к материнской груди.. Марфуша заботливо поглядывала на своего спящего Пашутку. И как ей было не поглядывать на него! Ведь это – ее единственный сынок, ее первенец, ее радость. К тому же и бабушка, и сестра, и все говорят, что Пашутка походит на отца... А Якова она крепко любит. Мужик хороший, добрый, непьющий, ни разу пальцем ее не тронул... <...>

Марфуша, управившись, тоже вышла на крыльцо и, присев на ступеньку, стала убаживать своего маленького крикуна. Расстегнув ворот, она обнажила свою могучую белую грудь и приложила к ней малютку. Тот мигом замолк, и слышно было его самодовольное мычанье и причмокивание... Пусть пьет малютка, пусть он, сердечный, набирается сил и бодрости: их понадобится ему в жизни много-много... Теперь ему нет еще дела ни до государственных, ни до земских податей. Теперь он не признает никакого государства... Он дышит даровым воздухом, сладко спит на груди материнской, и сны не тревожат его. Ни староста, ни «мир» ему не страшны: мать никому не даст его в обиду. Радостно смотрит теперь молодая мать на его розовые пухлые щеки, на полузакрытые светлые глазенки и на этот маленький ротик, крепко прильнувший к ее соску. А Пашутка расположился со всем удобством, ухватившись левою ручонкой за грудь матери.

– Смотри-ка, Яков,– какой провор! – сказала Марфуша, глазами указывая на сына.

Яков повернул к ним голову и ухмыльнулся.

– Ишь ты, баловник! – промолвил он, наклоня над сынишкой свое загорелое, темное бородатое лицо и ласково поглаживая его по волосам, мягким и светлым, как чесаный лен.

Пашутка при этом на мгновение широко раскрыл глаза и, усиленно зачмокав, еще ближе прильнул к груди, еще крепче сжал свой кулачок.

– Пальцы-то как запускает... Ах, батюшки!.. Изю всей-то мочи...– смеясь, говорила Марфуша.

– Бойся, чтоб не взяли...– пояснил отец.– Ну, да ладно! Не отымут твою забаву... Оставяйся с ней на здоровье! <...>

– Яков! А Яков! – кричал староста.– Подь сюда!

– Чего тебе? Чего орешь-то?..– отозвался Яков, в полоборота оглядываясь на старосту.

– Завтра тебе в волость нужно... бессрочных собирают. Из правленья, вон нарочный...– выкрикивал староста, тяжело переводя дух. <...>

Заплакал ребенок... Марфуша машинально, по привычке, расстегнула рубаху и прижала к себе ребенка. А у самой глухие рыдания так и рвутся из груди; сердечушко ноет, болит, словно кто-нибудь железными щипцами зажимает его. И плачет она, наклонившись над Пашуткой, и кропя; Пашуткину голову ее горячие слезы. Уже смокли от слез его светлые волосики. А он и не чувствует, что мать с горя убивается он – знай себе – тянет свою соску... <...>

...А на Обросимове напрасно Марфуша ждала своего мужа. Не возвратился он домой... Когда сын подрос и в первый раз спросил мать: где тятя? – она сквозь слезы ответила ему:

– Тятя твой на войну ушел... <...>

Засодимский П.В. От сохи к ружью // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века / Вступ. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. – М.: Современник, 1986. – С. 454-471.

Пропал человек (отрывок)

<...> Но смерть уж, известно, такая гостья, что от нее ни богач, ни нищий ни крестом, ни пестом не отделается... Правда, у него еще умерло в свое время пятеро «младенчиков», но без этого ведь никак нельзя, да это горе – к слову сказать – на Косичеве и за горе не считалось. На Косичеве даже матери не жалеют своих малюток. Помрет ребенок – «слава те, господи», избавились, значит, от лишнего рта, пестовать некого и не за кем ухаживать, от дела отрываючись... Отрубят небольшую осиновою или сосною плаху, расколуют ее почти пополам, обе половины кое-как выдолбят, и в этот гробик, более похожий на корыто, чем на гроб, кладут «покойничка», завернутого в кусок серой холстины, несут в церковь, а оттуда – в могилу. Сегодня ребенок умер, завтра он уже – в земле... Ребят не лечат. Есть, конечно, где-то там «фершал», но где ж его искать, когда за ним ходить, особливо в рабочую пору, то есть в то время, когда именно всего более мрут ребята?.. На Косичеве не дорожат ни своей, ни чужой жизнью, и вообще человеческая жизнь здесь не ценится ни в грош.

Зато четверо ребят, оставшихся в живых у Андрея Прохорова, вышли не какие-нибудь дурни, но все люди здоровые и неглупые <...>.

Засодимский П.В. Пропал человек // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века / Вступ. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. – М.: Современник, 1986. – С. 410-429.

Терехин сон (отрывок)

В небольшом эпизоде произведения «Терехин сон» П.В. Засодимского обозначено сразу несколько разноплановых вопросов крестьянского детства: существование примеров малодетных или бездетных семей, внешнее проявление любви и доброго отношения к детям со стороны обоих родителей, а так же наличие высоких показателей детской смертности.

<...> Жилось худо, но зато иногда чудесные сны снились Терехе. <...>
Приснилось ему, что он умер... <...>

И пошел он к избе, указанной ему ангелом. Только что ступил он под тень деревьев, как тотчас же повстречал отца с матерью. Низко поклонился он им до земли, потом они крепко обнялись и поцеловались. <...>

В ту минуту к Терехе, весело подпрыгивая и что-то напевая, подбежал мальчуган, совсем белоголовый, с светлыми, льняными волосами, с румяным, разгоревшимся личиком, – знать, шибко возился, плутишка!

– Тятя! Тятя пришел! – весело кричал он, хватая Тереху за полу и приподнимаясь на цыпочки.

– А-а! Мишуха! Иди-ка, иди! – заговорил Тереха и, взяв мальчугана к себе на руки, с счастливой улыбкой, молча посмотрел в его добрые, детские глазки и стал целовать его. (Мишуха умер в дифтерите пять лет тому назад, и Тереха с женой больно скучали по нем. Он был у них единственный сын).

– Каково же, брат, ты здесь живешь, а? Ну-ка, рассказывай! – говорил Тереха, держа сына на руках, как почасту держал он его и при жизни, на земле, когда жена, бывало, уходила к скотине или обряжалась по дому.

– Рассказывай-ка! – повторил он, ласково глядя Мишуху по его мягким, льняным волосам.

– Живу, тятя, хорошо! Нас здесь много-много, – ответил ему мальчуган, одною ручонкой обвившись вокруг его шеи, а другую запустив ему в бороду.

– А тосковал я по нем – страсть! Только не говорил никому, – заметил Тереха, обращаясь к старикам. <...>

Засодимский П.В. Терехин сон // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века / Вступ. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. – М.: Современник, 1986. – С. 410-429.

Златовратский Николай Николаевич (1845 – 1911)

Прозаик. Родился в г. Владимир. Отец его был чиновником канцелярии губернского предводителя дворянства, по образованию и происхождению, как и мать Златовратского, принадлежал к духовному сословию. Отец Златовратского начинал издавать «Владимирский Вестник», в котором должен был принять участие Добролюбов – товарищ по Педагогическому институту и друг одного из двух братьев отца Златовратского. Эти дядья, в связи с частыми и продолжительными поездками к деревенским родственникам, оказали решительное влияние на раннее пробуждение в Златовратском страстного интереса к народной жизни.

Авраам

В рассказе Н.Н. Златовратского «Авраам» автор показывает определенную специфику крестьянской педагогики. Герой рассказа старик Ав-

раам формулирует основное правило семейного воспитания – держать детей «в послушании, в страхе божием». Потому и взрослыми детьми доволен: «Дети у меня, надо правду сказать, на редкость дети!» Но, пожалуй, главная философская мысль автора, отраженная в произведении – доброе отношение к детям предполагает наличие двустороннего взаимовоспитания: старшим поколением младшего и наоборот.

<...> Часам к утру старик тихонько приотворял дверь в мою половину, и если замечал, что я начинаю ворочаться, то говорил: «Не наставить ли?» – и, предварительно разбудив своего приемного внука, принимался разводить с ним самовар. В продолжение получаса я мог слышать, как дед обучал внука «порядку». Утренний чай мы всегда пили вместе; впрочем, по какому-то обету, Абрам пил не чай, а только кипяток. Я всегда приглашал Васю. Старик недовольно покачивал головой, говорил, что это «баловство», но в конце концов соглашался и ограничивался тем, что обучал внука «учливости».

– Сядь с глаз подальше!.. Не егози перед глазами у старшего! – приговаривал он, отхлебывая кипяток. – Не болтай ногами – беса тешишь!.. Чего сахар слонявишь? Кусай учливей! и т. п.

Вася только бойкими взмахами своей кудрявой головы откидывал волосы со лба, и видно было, что он не особенно боялся своего названного деда. Он и сам был не прочь сделать ему выговор. Нередко, во время увлечения деда каким-нибудь рассказом, Вася вдруг конфузил его замечанием: «Утри, дедушка, бороду-то! Вишь, распустил потоки, а еще перед барином сидишь!» – и дед, молча и послушно, спешил принять к сведению замечание шестилетнего внука. Так они и вообще мирно жили, уча и наставляя друг друга, пока дело не доходило до такого явного непослушания с одной стороны, как, например, высывывания языка в ответ на самые солидные моральные истины, и до окончательного решения наломать гибких прутьев – с другой. Впрочем, тем дело и кончалось. Шестилетний внук, конечно, умел бегать лучше, чем шестидесятилетний дед. <...>

<...> Тем не менее было заметно, что ему очень нравилось, когда я его звал дедушкой Авраамом.

– Что ж, доволен ты своим положением?

– Доволен, – твердо произнес старик <...>.

– <...> В чем всей нашей жизни положение состоит? <...>

– А в том и есть, чтобы слабому опору оказывать. Пораскинь-ка умом, ан оно так и выйдет. Сызначала, когда я, по младенчеству своему, слаб был, родители мне опору оказывали. Возрос я, родителям своим, по дряхлости ихней, подпору обязан оказать... Так ли? У самого малыши пошли, их обязан в возраст произвести, ихней слабости поддержку дать. Поставил их на ноги – ну, и предел, значит, свой положил.

– Ну, а внучки? – кивнул я на Васю.

– Внучки – уж это сверх всего, это уж не в пример прочему. Это уж смотря как, значит, привержен, – говорил он, поглаживая по голове внука, подошедшего за стаканом к столу, – это уж смотря по послушности да смиренству перед дедом, – прибавил он, улыбаясь. <...>

– И детьми твоими ты доволен?

– Дети мои доволен. Дети у меня, надо правду тебе сказать, на редкость дети! Потому я их держал в послушности, в страхе божием. Вот, например, Антон – изойди всю волость, такого к работе приверженного не найдешь. А смиренства, тихости, так по нынешним временам и нигде не встретишь! Чтобы он кому сгрубил, кого обидел или обманул – этого никогда запомнить даже нельзя! Истинно землепашец! Земле радеет, И жену ему бог дал, не хочу грешить, бабу правильную... Тоже тихостью да смиренством перед всеми взяла.<...>

Взяли вот мальчика, хоть и близкая родня, а все же не свой... Думается им: воспитаешь его, на него всю ласку положишь, а он, в возраст придя, тебе же укоры делать станет. От своего это точно снесешь, а от чужого-то как будто и обидно. <...>

Златовратский Н.Н. Авраам // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века / Вступ. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. – М.: Современник, 1986. – С. 206-208.

Куприн Александр Иванович (1870-1938)

Русский писатель. Родился в Пензенской губернии в небогатой дворянской семье. Отец, Иван Иванович Куприн, умер от холеры спустя год после рождения Александра. Куприн А.И. умер в ночь на 25 августа 1938 года после тяжёлой болезни. Похоронен в Санкт-Петербурге, на Литераторских мостках, рядом с могилой Тургенева.

Олеся

В произведении «Олеся» А. Куприн иллюстрирует общую неллицеприятную картину массового опьянения деревенских жителей, в которой дети являются неотъемлемой частью. Не играя активной роли в передаваемом автором информационном поле, дети вместе с тем олицетворяют собой пример отсутствия в крестьянском социуме должного понимания принципов воспитания морально устойчивой личности в тех семьях, где глава имел большую слабость к спиртному.

<...> Трезвых уже не было ни одного человека. Общее опьянение дошло до того предела, когда мужик начинает бурно и хвастливо преувеличивать свой хмель, когда все движения его приобретают расслабленную и грузную размашистость, когда вместо того, например, чтобы утвердительно кивнуть головой, он оседает вниз всем туловищем, сгибает колени и, вдруг потеряв устойчивость, беспомощно пятится назад. Ребятишки возились и визжали тут же, под ногами лошадей, равнодушно жевавших сено. В ином месте баба, сама еле держась на ногах, с плачем и руганью тащила домой за рукав упиравшегося, безобразно пьяного мужа... <...>

Куприн А.И. Олеся // Куприн А.И. Повести и рассказы / Сост., послесл. и примеч. Л.А. Смирновой. – М.: Сов. Россия, 1987. – С.7-138. (С.125).

Лесков Николай Семенович
(4 (16) февраля 1831 – 21 февраля (5 марта) 1895)

Русский писатель. Внук священника, Н. Лесков всегда подчеркивал свою родовую связь с сословием, изображение которого считал своей «специальностью» в литературе. Хотя отец Лескова «не пошел в попы», семинарское воспитание определило его духовный облик. Заседатель Орловской уголовной палаты, «превосходный следователь», получивший дворянство по выслуге и женившийся на девушке из дворянской семьи, в 1839 г. он вышел в отставку, купил хутор в Кромском уезде и уехал из Орла со всей семьей (из семерых его детей писатель был старшим). В деревне Лесков сошелся с крестьянскими детьми, до «мельчайших подробностей» узнал «простонародный быт», совместно мытье в бане, специфику санитарного состояния бытовой жизни.

Детские годы

<...> Об этой поездке и о самой Лифляндии я не сохранил много воспоминаний: помню только одно, что бабушка моя, баронесса, была чрезвычайно большая, полная женщина и что она очень любила всех мыть. У них была баня, в которой бабушка проводила целый субботний вечер: здесь она мыла головы не только двум своим незамужним дочерям, а моим теткам, но и самому барону – своему мужу, а моему деду, которого я по этому случаю считал большим бесстыдником.

После я, однако, узнал, что дед совсем не по своей охоте ходил в баню, где его бабушка мыла, а делал это, только уступая настоятельным требованиям баронессы, «для сохранения домашнего спокойствия».

Впрочем, я и сам тоже был в мытье у бабушки, разумеется, совершенно против моей воли: помню, что мне это стоило много горючих слез, потому что я был от природы чрезвычайно стыдлив, и как меня ни уговаривали и ни упрашивали «утешить gros мутерхен»¹, – я не мог раздеться при женщинах. Возмутительная операция эта была совершена надо мною с самым грубым насилием и при таком численном превосходстве со стороны моих врагов, что я никак не мог не сдать, хотя и бился до потери сознания. Бабушка и сама была еще необыкновенно сильна, но, не надеясь на себя, она призвала к себе на помощь троих здоровых белобрых латышских девок, с длинными плоскими торсами на коротеньких ногах. Увидав этих моих мучительниц, я застонал и, зажмурив глаза, начал их брыкать ногами и плевать, но их это нимало не испугало, и я был раздет ими донага, причем заявлял мой протест только плачем и стенаниями, на которые эти бесчувственные грации с рубенсовским колоритом тела не обращали никакого внимания и повлекли меня в баню, где меня ожидали сугубые муки. Обставленная тазами и лоханками, бабушка сидела на широкой скамье на самой середине бани, а по сторо-

¹ Бабушку (нем.).

нам ее стояли еще две латышки с такими же, как первые, плоскими торсами и короткими ногами. Меня вели за обе руки и подпихивали сзади, так что я решительно ничем не мог защитить свою скромность и притом скоро перестал о ней заботиться, потому что подвергся мукам иного свойства. Теперь я страдал уже от того, что бабушка, принимаясь за мытье, действовала руками с каким-то невообразимым ожесточением, а в то же самое время, чтобы я не шевелился, она зажимала меня, как в тиски, между своими крепкими коленями, покрытыми на сей случай только одним мокрым холщовым фартуком. Этот мыльный фартук своим прикосновением производил на меня такое отвратительное впечатление, что я бился и визжал как сумасшедший и, наконец, однажды ущипнул бабушку так больно, что она, выхватив меня из своих колен, зажала в них снова по другому образцу и отхлопала ладонью так больно, что я помню это пору почти так же живо, как сочный, рубенсовский колорит латышских дев, на которых я нехотя смотрел, удивляясь занимательности некоторых их форм. Однако, хотя я тут и пострадал, но в общем ходе дел поездка в Лифляндию была удачна: бабушка была очень добра и ко мне, и к татам, и даже к отцову денщику Окулову, который пленил ее свою способность к мытью и глаженью. <...>

Лесков Н.С. Детские годы // Собрание сочинений. В 11-ти т. – Т.5.- М., 1957. – С. 211-213.

Продукт природы (отрывок)

<...> Самым любимым занятием у всех было «искаться»¹. Это было что-то вроде спорта. Мужики, бабы, дети – все постоянно искались, и занятие это было не только препровождением времени, но оно было вызвано и настоятельной необходимостью, потому что вошь ела «народы» беспощадно.

Я не знаю, что такое называют вшивой болезнью, но думаю, что она не должна быть страшнее того, что я видел на переселенческих барках. Никакие усилия очиститься от насекомых не помогали. Несмотря на то, что крестьяне очень невзыскательны насчет опрятности, тут они взвыли:

– Съела вошь!.. Жалуйте – милуйте!... в глаза лезет: зрак хочет выпить!

По баркам было неприятно и страшно ходить. Особенно ночью или в жаркую пору дня, когда истома размаривала людей и они хотели спать, но не могли крепко заснуть от зуда, который производили насекомые. В немом исступлении все скреблись ногтями и ерзали на одном месте или катались на пядь в одну сторону и на пядь в другую и потом вдруг вскакивали, сидели, поводя вокруг осовевшими глазами, – иногда плакали и всегда непременно все «чухались». И это как только начнется в одном месте, так и «пойдет котильоном» повсеместно.

<...> В довершение картины и для большего мучения моих чувств выскочил какой-то мужичонка и начал тыкать мне в глаза маленького

¹ Пишут, что это же самое составляло главное занятие русских поселенцев, которых перевезли в 1892 году на океанском пароходе из Одессы во Владивосток. Впрочем, этих, кроме «вшей», занимали еще карты, которых у нас не было. (Прим, автора.)

умирающего мальчика, у которого во всех складках тела, как живой бисер, переливали насекомые.

– Вот! – кричал мужик, – вот, смотри это! – а потом он швырнул ребенка на пол, как полено, и обнажил свои покрытые лохмотьями ребра, и тут я увидел, что у него под мышками и между его запавшими ребрами нечто такое, чего не могу изобразить<...>

Лесков Н.С. Продукт природы // Лесков Н.С. Повести и рассказы / Сост., вступ. ст., прим. М.С. Горячкиной. – М.: Изд-во «Детская литература», 1981. – С.332-336.

Наумов Николай Иванович (1838 – 1901)

Русский писатель-народник. Дед его был дьяконом, отец служил в Сибири, вращался в кругу декабристов и выдавался своей честностью. Рано лишившись матери, Наумов рос одиноким, заброшенным ребенком.

Умалишенный (отрывок)

В рассказе Н.И. Наумова «Умалишенный» показаны картины воспитания детей в состоятельной крестьянской семье. «Балованному дитятку» не было удержу в детстве ни от сурового отца, ни от односельчан. Попытки отца научить его грамоте и приучить к делу были тщетны. Такие «плоды воспитания» могли привести к трагическим результатам.

Еще страшнее была судьба малолетней дочери этого «балованного дитяти», которую отец едва не зарезал. Здесь автор иллюстрирует основное правило воспитания: характер и судьба человека закладываются в детские годы.

<...> – Балованное дитятко был Осип... нечего греха таить! – так начал рассказ свой старик Корнеев. – Родитель-то его, покойная головушка, Микита Дмитрич, души в нем не чаял. Мужик-то был он денежный, скупенек. Дом-то был, как полная чаша, только на деток урожаю бог не давал. Осип-то родился от сестры моей!.. она и вышла-то за него за вдового... уж почесть под старость его... И то опять надо в рассудок взять, какой бы отец не радовался, глядя на умное детище, да не мировил ли ему? Супротив Осипа и среди погодков его, да кто и постарше-то его был, так едва ли ровня-то нашелся бы: он сызмальства, слышь, за словом-то в карман не лез. По себе теперь глядя судишь: уж стар человек, какого народа не видывал на веку, какого горя на плечах не вынес, а все в ину пору не скоро человека спознаешь, каков он есть, а ведь Оську бывало, угораздит сразу смекнуть, кто чем прихрамывает... Диво! Ну, и озорной уж был, упаси господи... на баловство ли, на пакость ли какую, кроме Оськи, не было молодца, и бивали его не раз, и отец-то в эфтих случаях потачки не давал, да нет... не унимался! Когда уж в возраст-то стал входить, так мало ли греха с ним из-за девок бывало. Страсть!.. Раз это настиг девку в лесу да за то, слышь, что она где-то

посмеялась над ним, отрезал ей косу; хотели мы тогда миром унять его... постегать, но так только, ради слез отца, простили... присудили тогда отцу-то его бесчестье девки заплатить! Отец-то его брал подряды от купцов по доставке товаров из Ирбита и в Ирбит, ну, и сына-то, значит, радел к этому же делу приручить. И задумал старик-то отдавать его в грамоту, подговорил дьячка учить его; дьячок-то, покойник Антон Матвеич, мужик был простой, к чарочке более склонный и нрава-то был непокойного, не раз даже на священника длань поднимал, опасались его в нетрезвом-то виде. Ну, вот и сошлись они, дьячок да Оська, и пошла у них грамота! Сколько смеху-то на деревне было! Однава это дьячок-то шибко прибил Осипа, а Осип возьми да и высмоли ему сонному бороду и голову, так что дьячок-то обстричься должон был... Нечего было делать отец-то заплатил дьячку бесчестье, да на том и порешили с грамотой. <...>

<...> Однажды, часу в одиннадцатом вечера, когда уж вся деревня покоилась глубоким сном, в квартиру, занимаемую членами комиссии, прибежал испуганный казак с известием, что Осип едва не зарезал свою малолетнюю дочь, но у него успели вырвать нож, и он нанес только во время борьбы легкую рану в руку казака. Когда привели Осипа и спросили, за что он хотел зарезать дочь, он сел на лавку и обхватил голову руками.

– Добро я хотел ей сделать, – отвечал он. – Неужто у меня не болит сердце-то о моем детище? Ведь она кровь моя; ну, какая ей услада в жизни-то будет!.. Отец не в своем разуме, мать потаскуха, неужели ей сладко будет на миру-то в батрачках мыкаться? И всякий-то будет глумиться над ней!.. Э-эх, в могиле-то ей легче бы было... в могилке-то ти-ихо, не шелхнет!.. Зимой-то ее снежком укрыло б, а летом-то травкой, цветиками.

И Осип зарыдал...<...>

Наумов Н.И. Умалишенный // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века / Вступ. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. – М.: Современник, 1986. – С. 189-190, 202.

У перевоза

Рассказ Н.И. Наумова «У перевоза» – это портретная зарисовка жизни крестьянских детей. Первая – судьба двух-трех летнего ребенка, который путешествует вместе со старушкой-странницей. Кто он? Может подкидыш, может внук? Что с ним будет: выживет ли, погибнет в пути? Неизвестно. Это судьба «мелких» людей и «мелких» детей, которых в России было немало в XIX в.

В другом отрывке – другая судьба: судьба десятилетнего мальчика, оставшегося в семье за хозяина взамен отца, сидящего в остроге. Рано выросли такие дети, окунаясь в семейное горе и нужду. Это, пожалуй, самая тяжелая и серьезная школа жизни.

<...> На косогоре, около спуска к берегу, на разошедшей и повернутой вверх днищем лодке, сидела старушка странница с перекинутой через плечо котомкой; голова ее, несмотря на лето, была плотно укутана большим платком, полушубок был весь в заплатах; синяя, рядная

рубаха едва прикрывала исхудалые ноги, обутые в грубые шерстяные чулки и лапти. Несколько молодиц, окруживших ее, внимательно слушали рассказ о разных виденных ею чудесах, прерывая ее время от времени глубокими вздохами да возгласами: «Согрешили мы, грешные, ох согрешили!» У самых ног странницы ползал ребенок лет двух или трех, рылся в песке, выкапывая коренья и пихая их в рот. <...>

<...> В это время по дороге из-за леса показалась еще телега, запряженная худенькой чалой лошаденкой; вся сбруя на ней была из веревок; из хомута местами ключьями висела солома. Лошадью правил мальчик лет десяти, задом к нему сидела довольно пожилая женщина в байковом шушуне, Держа на коленях узорный туесок. Съехав с крутого спуска к берегу, они остановились около телеги с дегтярной бочкой. Мальчик тотчас же начал выпрягать уставшую лошадь, поминутно отмахивая назад залеплявшие глаза его длинные светло-русые волосы, потом на поводу повел ее на луг. Женщина, поставив туесок, тоже слезла с телеги.

– Никак, Митревна? – взглянув на нее, сказал как бы про себя мужичок, осматривавший лапоть, – так и есть. Здорово, Митревна!.. в город?

– ...<...> О хозяине-то твоём не слышать?

– Сидит, Левонтий Савич, все-то сидит! <...>

– Ишь! Ну, да знамо, в острог только дверь широка, а отголь узка... лихо попасть... Хлопочешь?

– Как не хлопотать, из сил хлопочу, да все пути нету... <...>

– Эко жаль-то какая, а?

– Ну, что, как изаболь этакое-то попричится с ним, куды я без него тогда с малыми-то детищами, Левонтий Савич? – со слезами говорила уже Митревна, сморкаясь в кончик головного платка, – и так-то с ног совсем сбилась! Не поверишь, все-то хозяйство в разруху идет, а Ванюшка-то, где ему еще заправлять! малый паренек-то хоша и помогает, да какая его помочь-то, все не то, как сам-то бы! <...>

Наумов Н.И. У перевоза // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века / Вступ. статья и коммент.

Ю.В. Лебедева. – М.: Современник, 1986. – С. 144-146.

Некрасов Н.А.

Песня Еремушке

В стихотворении «Песня Еремушке» автор рисует своеобразные общественные настроения: уставшая от работы женщина-крестьянка, поющая песню крестьянскому ребенку-сироте, надеется на допустимый поворот судьбы последнего и изменение его социального статуса, дающего возможность «с вельможами дружество водить».

«Стой, ямщик! жара несносная,
Дальше ехать не могу!»
Вишь, пора-то сенокосная –
Вся деревня на лугу.

У двора у постоялого
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку
Да, зевая, крестит рот.
Сел я рядом с ней на лесенку,
Няня дремлет и поет:

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Сила ломит и соломушку –
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

В люди выдешь, всё с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодцами пригожими
Шутки вольные шутить.

И привольная и праздная
Жизнь покатится шутя...»
Эка песня безобразная!
«Няня! дай-ка мне дитя!»

– «На, родной! да ты откуда?»
– «Я проезжий, городской».
– «Покачай; а я покудова
Подремлю... да песню спой!»

– «Как не спеть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
– Баю-баюшки-баю! <...>».

1859

Некрасов Н.А. Песня Еремушке //Некрасов Н.А. Стихотворения и поэмы. – М.: «Московский рабочий», 1996. – С. 62-64.

Соловьи

В стихотворении «Соловьи» поэт раскрывает тему воспитания детей посредством соприкосновения с миром природы. Не имея возможности посещения центров культуры и искусства, крестьяне старались привить своим детям любовь к прекрасному имеющимися средствами: созерцанием красот родной природы, наслаждением пения птиц.

Качая младшего сынка,
Крестьянка старшим говорила:
«Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

Сейчас буренку обряжу,
Коня навяжем травку кушать,
И вас в ту рожицу свожу -
Пойдем соловушек послушать.

Там их, что в кузове груздей, -
Да не мешай же мне, проказник! -
У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут
И стар и молод. На поляне
Девушки красные поют,
Гуторят пьяные крестьяне.
<...>
Средний сын kota дразнил,
Меньшой полз матери на шею, <...>

Некрасов Н.А. Соловьи //Некрасов Н.А. Стихотворения и поэмы. – М.: «Московский рабочий», 1996. С. 18-120.

Решетников Федор Михайлович (1841-1871)

Русский писатель, в своих произведениях освещающий крестьянскую жизнь российской деревни XIX в.

Тетушка Опарина

В выбранном для хрестоматии отрывке из рассказа «Тетушка Опарина» Ф.М. Решетников в очень точных художественных зарисовках представил картины крестьянского быта и взаимоотношений между людьми. В цитируемом фрагменте хозяйка поведала о тяжелых временах своего детства. Судьба девочки в крестьянской семье была пре-

допределена сложившимися в крестьянском социуме морально-этическими представлениями о воспитании будущей жены как подневольной супруги и невестки. Особенно следили родители за соблюдением дочерью правил девичьей чести и умением вести домашнее хозяйство.

<...> Хозяйка ушла в избу, и минуты через три из избы послышался крик хозяйки и плач девочки.

– Это што? Я тебя што заставила делать?.. лодырничать?! Вот! вот!

Хозяйка била девочку.

– В угол, на колени! – кричала хозяйка.

Скоро я заснул.

Рано утром встала хозяйка, растолкала пинками девочку и заставила топить баню. Так как я лежал в сенях не против двери в избу, то и не видал, что делала хозяйка, только слышал, что она щепала лучину, шлепала тяжело ногами по полу, ругала кошку за то, что та вертится около ног, ругала кого-то чертом, что-то шептала, и когда воротилась девочка, она ее два раза ударила по чему-то и ругала за то, что та хлебную чашку не опрокинула, а просто зря бросила, не вымыла как следует деревянную чашку – и т.п. Хозяйка стряпала, а девочка бегала взад и вперед то по избе, то по сеням, ругая шепотом хозяйку. <...>

Решетников Ф.М. Тетушка Опарина // Крестьянские судьбы:

Рассказы русских писателей второй половины XIX века / Вступ. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. – М.: Современник, 1986. – С. 88.

Слепцов Василий Алексеевич (1836-1878)

Русский писатель. Родился в г. Воронеже. Учился на медицинском факультете Московского университета. Увлёкся изучением народного быта и странствовал пешком по Владимирской губернии. Дебютировал в печати в конце 1850-х годов. Автор фельетонов-обзрений, циклов очерков («Владимирка и Клязьма», «Письма об Осташкове»), рассказов и драматических этюдов: «Питомка», «Ночлег», «Казачи», «Мёртвое тело», повести «Трудное время», незавершённого романа «Хороший человек».

Свиньи

В рассказе В.А. Слепцова «Свиньи» наглядно представлено негативное, а в ряде случаев уничтожительное восприятие социумом крестьянских (в данном случае деревенских) детей, приравненных к домашним животным.

<...> Приехал окружной, собрал мужиков и начал их учить, как графа встречать <...> Ребятишек на этот случай велено всех убрать и на улицу ни под каким видом не пускать; кур, гусей и собак тоже всех запереть. <...>

Слепцов В.А. Свиньи // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века / Вступ. статья и коммент.

Ю.В. Лебедева. – М.: Современник, 1986. – С. 63-64.

Толстой Лев Николаевич (1828-1910)

Граф, русский писатель, член-корреспондент (1873), почетный академик (1900) Петербургской Академии Наук. Начиная с автобиографической трилогии “Детство” (1852), “Отрочество” (1852), “Юность” (1855), исследование “текучести” внутреннего мира, моральных основ личности стало главной темой произведений Толстого. Мучительные поиски смысла жизни, нравственного идеала, скрытых общих закономерностей бытия, духовный и социальный критицизм, вскрывающий “неправду” сословных отношений, проходят через все его творчество.

Он уделял большое внимание воспитанию детей, об этом свидетельствует его педагогическая деятельность в Ясной поляне. В 1872 году выходит в свет «Азбука» – плод его четырнадцатилетнего труда, затем «Новая азбука» 1875. В работе над созданием многих литературных источников Толстым было написано для детей 629 произведений различных жанров. Горячо протестуя против официальной системы обучения в школе, писатель считал, что главная педагогическая цель – воспитание в растущем человеке высоких нравственных качеств. Его произведения дают возможность увидеть окружающий мир глазами автора и почерпнуть его собственное видение действительности.

Детство

Это произведение по своему характеру автобиографично, в нем автор описывает детские впечатления и переживания, повествующие о становлении личности и сложности нравственного развития ребенка.

<...> Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают. Вышешают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений.

Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своем высоком креслице; уже поздно, давно выпил свою чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься с места, сидишь и слушаешь. И как не слушать? Матап говорит с кем-нибудь, и звуки голоса ее так сладки, так приветливы. Одни звуки эти так много говорят моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально гляжу на ее лицо, и вдруг она сделалась вся маленькая, маленькая – лицо ее не больше пуговки; но оно мне все так же ясно видно: вижу, как она взглянула на меня и как улыбнулась. Мне нравится видеть ее такой крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она делается не больше тех мальчиков, которые бывают в зрчках; но я пошевелился – и очарование разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его. Но напрасно.

Я встаю, с ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

– Ты опять заснешь, Николенька, – говорит мне матап, – ты бы лучше шел на верх.

– Я не хочу спать, мамаша, – ответишь ей, и неясные сладкие грезы наполняют воображение, здоровый детский сон смыкает веки, и через

минуту забудешься и спишь до тех пор, пока не разбудят. Чувствуешь, бывало, впросонках, что чья-то нежная рука трогает тебя; по одному прикосновению узнаешь ее и еще во сне невольно схватишь эту руку и крепко, крепко прижмешь ее к губам.

Все уже разошлись; одна свеча горит в гостинной; татапа сказала, что она сама разбудит меня; это она присела на кресло, на котором я сплю, своей чудесной нежной ручкой провела по моим волосам, и над ухом моим звучит милый знакомый голос:

– Вставай, моя душечка: пора идти спать.

Ничьи равнодушные взоры не стесняют ее: она не боится излить на меня всю свою нежность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крепче сжимаю ее руку.

– Вставай же, мой ангел.

Она другой рукой берет меня за шею, и пальчики ее быстро шевелятся и щекочут меня. В комнате тихо. Полутемно; нервы мои возбуждены щекоткой и пробуждением; мамаша сидит подле самого меня; она трогает меня, я слышу ее запах и голос. Все это заставляет меня вскочить, обвить руками ее шею. Прижать голову к ее груди и, задыхаясь сказать:

– Ах, милая, милая мамаша, как я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной. Очаровательной улыбкой, берет обеими руками мою голову, целует меня в лоб и кладет к себе на колени.

– Так ты меня очень любишь? – Она молчит с минуту, потом говорит: – Смотри всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будет твоей мамаша, ты не забудешь ее? Не забудешь, Николенька?

Она еще нежнее целует меня.

– Полно! И не говори этого, голубик мой, душечка моя! – вскрикиваю я, целуя ее колени, и слезы ручьями льются из моих глаз, – слезы любви и восторга.

После этого, как бывало, придешь на верх и станешь перед иконами, в своем ваточном халатце, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: «Спаси, господи, папеньку и маменьку». Повторяя молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, любовь к ней и любовь к богу как-то странно сливались в одно чувство.

После молитвы завернешься, бывало, в одеяльце; на душе легко, светло и отрадно; одни мечты гонят другие, – но о чем они? Они неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на светлое счастье. Вспомнишь, бывало, о Карле Иваныче и его горькой участи – единственном человеке, которого я знал несчастливым, – так жалко станет, так полюбишь его, что слезы потекут из глаз, и думаешь: «Дай бог ему счастья, дай мне возможность помочь ему, облегчить его горе; я всем готов для него пожертвовать». Потом любимую фарфоровую игрушку – зайчика или собачку – уткнешь в угол пуховой подушки и любишь, как хорошо, тепло и уютно ее там лежать. Еще помолитесь о том, чтобы бог дал счастья всем, чтобы все были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бок, мысли и мечты перепутаются, смешаются, и уснешь тихо, спокойно, еще с мокрым от слез лицом.

Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели – невинная веселость и беспредельная потребность любви – были единственными побуждениями к жизни?

Где те горячие молитвы? Где лучший дар – те чистые слезы умиления? Прилетал ангел-утешитель, с улыбкой утирал слезы эти и навевал сладкие грезы неиспорченному детскому воображению.

Неужели жизнь оставила такие тяжелые следы в моем сердце, что навеки отошли от меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминания? <...>

Толстой Л. Н. Детство, отрочество, юность / Отв. ред. А.В. Ясиновская. М.: Детская литература, 1970. – С. 48-50.

Эртель Александр Иванович (1855-1908)

Русский писатель. Родился в селе Ксизово (ныне Задонский район Липецкой области). Позже детские годы жил в Александровке-Савельевке, где его отец, обрусевший немец, управляющим в имении помещиков Савельевых.

С 1896 года занял должность управляющего в одном тамбовском имении. На литературное поприще Эртель выступил в 1879 году, обратив на себя внимание критики и публики очерком «Два помещика». Затем последовал длинный ряд очерков и рассказов под заглавием «Записки степняка».

Из одного корня (отрывок)

Приведенный ниже отрывок произведения А.И. Эртеля демонстрирует специфику девичьего воспитания в деревенской семье: привитие высокой степени скромности и трудолюбия.

<...> Передавая лошадей Михайле, я вошел в избу. <...> В избе никого не было, кроме девушки в обыкновенном крестьянском костюме. Это была сестра Трофима Кузькина – Алена. Я видел ее мельком еще летом, на жнитве, но теперь не узнал, а больше догадался, благодаря рассказу Василия Мироныча о том, что она перебралась к офицерше. На вид ей было лет шестнадцать, если судить по узеньким, почти детским плечам, тонкому, худому стану и не развившейся еще груди. Но при взгляде на лицо, и особенно на глаза, ей можно было дать, пожалуй, и двадцать лет. Глаза эти были какие-то темные, строгие и необыкновенно пытливые. Вообще и выражение всего красивого, смуглого личика было серьезное, а отчасти, пожалуй, и суровое. Особенно помогали этому постоянные складочки между черными, густыми бровями и всегда как будто сжатые губы. Я уж сказал, что лицо у нее было красивое. Нужно добавить, что оно было *очень* красиво и – что глав-

ное – необыкновенно привлекательно своим строгим, серьезным выражением и пытливым взглядом глаз из-под полуопущенных длинных ресниц. Когда она усмехалась, – что было очень редко, – глаза эти вдруг загорались каким-то чрезвычайно задорным огоньком, который и пропал мгновенно, так что долго думалось, не обман ли зрения это прихотливое сверканье...

Когда я вошел, Алена с усердием чистила небольшой самоварчик. Увидав меня, она мгновенно, незаметным почти движением руки, ототкнула высокоподбранную юбку и смахнула рукавом рубашки пыль с лица, но несколько не оробела и не сконфузилась. <...>

– Как же, Алена, чайку бы мне выпить?

– За братцем Трофимом схожу, – сказала она, еще более хмурясь.

Я ничего не имел против этого. Мне и самому становилось как-то неловко наедине с дикаркой-девушкой. <...>

Эртель А.И. Из одного корня // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века / Вступ. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. – М., 1986. – С. 392-394.

Поплешка (отрывок)

Упоминание примеров детской смертности встречается в произведениях отечественных авторов достаточно часто. Не пытаясь описать специфику отношения крестьянства к указанному явлению, А.И. Эртель в своем произведении «Поплешка» показал его масштабы: почти половина рожденных в одной семье детей не доживают до взрослого возраста.

<...>Из дровней выскочил мужичок.<...>

Он на бегу поклонился мне, и по его лицу, в этот миг освещенному луною, расплылась неопределенная улыбка. <...>

– Чей ты? – спросил я. <...>

– Поплешкой меня звать. Отца – Викторкой, меня – Поплешкой... <...>

– ...а мне вот двадцать пятый год идет... <...>

В это время луна осветила Поплешку, и лицо его показалось мне очень старым.

– Да ты старик! – невольно воскликнул я.

– А ты как думал, – с некоторой гордостью произнес он, – я женат седьмой год, у меня вон трое детей, матушка, да два дитенка померли летось...

Эртель А.И. Поплешка // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века / Вступ. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. – М.: Современник, 1986. – С. 402-404.

РАЗДЕЛ II. ШКОЛА, ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ

Получение образования в Российской империи в XIX веке носило словесный характер. Солдатские дети, а они в основном были выходцами из крестьян, направлялись в батальоны военных кантонистов. В 1805 году всем солдатским детям было присвоено наименование кантонистов. Рекрут выходил из крепостной зависимости и поступал со всем своим потомством в аналогичную зависимость от военного ведомства. Военное ведомство стремилось дать кантонистам образование, соответствующее интересам военной службы. Дети обучались грамоте и военному делу. Лишь при Александре II, 26 августа 1856 года, солдатские дети были освобождены от принадлежности к военному ведомству.

Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, прописанное в указе Сената 30 сентября. – О назначении годового срока на приведение в известность всех вообще солдатских детей, принадлежащих Военному ведомству, но не причисленных к Батальонам Военных Кантонистов.

<...>. 1) На приведение в известность всех вообще детей нижних Воинских чинов, принадлежащих Военному ведомству, но не причисленных еще в батальоны, полубатальоны и роты военных кантонистов, назначить Гражданскому Начальству новый годичный срок <...> 2) Обязать <...>, чтобы <...> все приведенные в известность по губерниям солдатские дети непременно причислены были к Батальонам, Полубатальонам и Ротам Военных Кантонистов по принадлежности, и имели установленные параграфом 3 положения 9 Июня 1827 года билеты от Батальонов и Полубатальонов.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Том VI. 1831 г. – № 4792. – Сентябрь 10. – СПб., 1832. С. 14.

Сенатский, по Высочайшему повелению. – О солдатских детях, оставляемых в гражданском ведомстве.

<...>. 2) На будущее время принять за правило, чтобы солдатские сыновья, оставляемые в гражданском ведомстве <...>, подобно солдатским детям, получившим постоянную оседлость в казенных, или удельных селениях, были причисляемы в казенные или удельные крестьяне по принадлежности, <...>. С тем, что сыновья их, по высочай-

шему повелению 14 Октября 1836 года, должны причисляться в военные кантонисты <...>

Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Том XII. 1837 г. – № 10727. – Ноябрь 22. – СПб., 1838. С. 915.

Сенатский, по Высочайшему повелению. – О приостановлении высылки солдатских детей в батальоны военных кантонистов.

Правительствующий Сенат слушали рапорт Военного Министра, от 28 Января 1856 года, следующего содержания: Государь Император Высочайше повелеть соизволил: для отвращения затруднений в размещении кантонистов в некоторых заведениях военных кантонистов, по значительному состоянию наличных кантонистов, высылку в настоящем году солдатских детей, имеющих установленный для сего возраст и проживающих в губерниях, приписанных к Смоленским и Киевским, батальонам военных кантонистов, а также к неранжированным батальонам 3-го и 4-го учебных стрелковых полков, приостановить, по примеру 1855 года, ограничась только высылкою из губерний приписанных к батальонам военных кантонистов: Псковским, Казанским, Пермским, Саратовским в Симбирском, солдатских детей, следующих возрастов: в первые – пятнадцать и шестнадцать лет, а в последние четыре – четырнадцать и пятнадцать лет, с тем, чтобы солдатским детям, остающимся невысланными, производить определенный провиант, а сиротам и сиротское довольствие.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Том XXXI. 1856 г. – № 30182. – Февраля 16. – СПб., 1857. С. 89.

В 1816 – 1819 гг. прибалтийские крестьяне Александром I были освобождены от крепостной зависимости. В свою очередь правительство Российской Империи законодательно закрепило получение образования крестьянскими детьми в Прибалтийской губернии, подготовку преподавательских кадров.

Высочайше утвержденные: 1) Положения о крестьянах Эстляндской губернии, и 2) Дополнительные к сему Положению особые правила для водворенных в Эстляндской губернии Шведских крестьян.

Глава I. О крестьянских школах.

1275. Волостные общества, заключающая в себе более трех сот душ обоюга пола, учреждают и содержат на свой счет одну школу; – общества с меньшим числом народонаселения соединяются для этой цели с другими.

1276. Для образования способных школьных учителей, учреждаются Дворянством две учительския Семинарии: одна для уездов Гарриенскаго и Викскаго, другая для уездов Ервенскаго и Верлянскаго.

1276. Образованные в этих Семинариях школьные учителя обязаны по выпуске прослужить в своем обществе двенадцать лет в звании школьных учителей.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II. Том XXXI. 1856г. – № 30693. – Июля 5. – СПб., 1857. С. 520 – 522.

В результате земской реформы, проведенной Александром II в 1864 году, обязанности по заботе о детях, ранее возложенные на Приказы Общественного Призрения, были переданы земствам. Земствами открывались и финансировались начальные школы, где обучались дети крестьян.

Положение о губернских и уездных земских учреждениях.

Издание 1892.

Глава I. Положения общие.

2. К пределам ведомства земских учреждений <...> принадлежат:

10) попечение о развитии средств народного образования и установление законом участие в заведовании содержимыми на счет земства школами и другими учебными заведениями <...>

Приложение к статье 6.

II. Содержание земских смет.

Примечание 1. Производство определенных земскими учреждениями ежегодных пособий на содержание состоящих в ведении правительства учебных заведений, по принятии сих пожертвований правительством, обязательно для земских учреждений, если в постановлениях о назначении таковых пособий не сделано указаний относительно срочности или условности означенных выдач и если правительство не изъявит согласия на прекращение дальнейшего отпуска оных.

Примечание 2. Производство определенных земскими учреждениями ассигнований на строительные надобности состоящих в ведении правительства учебных заведений, по принятии этих ассигнований правительством, обязательно для подлежащего земства, если в постановлениях о назначении таковых ассигнований не сделано указаний относительно условности означенных выдач и если правительство не изъявит согласия на прекращение дальнейшего ассигнования средств или же на освобождение земства от принятого им на себя обязательства.

Свод законов Российской империи. Т. II. – Бм., 1915. С. 1 – 15.

Устав об общественном призрении 1857 и 1892 гг. издания привел к единому знаменателю разрозненное законодательство в сфере социальной защиты детей. В него вошли статьи, относящиеся к получению образования несовершеннолетними в различных детских учреждениях, подтверждающие, что получение образования в Российской Империи носило сословный характер.

Устав о общественном призрении. Издание 1892 года.

Отделение II. Учение сирот.

27. Сироты, как мальчики, так и девочки, обучаются тем предметам, кои положены для приходских училищ, именно: 1) Закону Божию, по краткому катехизису и священной истории; 2) чтению по книгам церковной и гражданской печати и чтению рукописей; 3) чистописанию; 4) четырьмя первыми действиями арифметики.

Отделение II. Распределение из купеческого, мещанского и других состояний.

О распределении сирот мальчиков.

64. Сироты мальчики из детей купеческого, мещанского и других состояний, по достижении двенадцатилетнего возраста, распределяются: 1) в местные гимназии пансионерами; 2) в фельдшерские школы; 3) в школы садоводства, шелководства, виноделия и земледельческие; 4) к благотворителям, и 5) к купцам, фабрикантам, заводчикам, художникам, ремесленникам, в типографии казенные и частные.

70. Воспитанники сиротских домов могут поступать в университеты или на счет сумм общественного призрения, или на счет родственников, благотворителей и проч.

О распределении сирот девочек.

100. Призренные в сиротских домах сироты из дочерей купеческих, мещанских, цеховых и других состояний, по достижении двенадцатилетнего возраста, распределяются: 1) в девичьи воспитательные заведения и в институты, учрежденные для обучения повивальному искусству; 2) к благотворителям, и 3) к мастерам и мастерицам.

Свод законов Российской империи. Т. XIII. – СПб., б.з. С. 130 -135.

О разных родах состояний, и различии прав, им присвоенных.

Издание 1899.

Отделение 1. О Дворянских Депутатских Собраниях.

378-1, <...> 8) На собрание предводителей и депутатов дворянства возлагается: распоряжение учрежденными дворянством при участии казны сословными стипендиями в высших и средних учебных заведениях гражданского ведомства и образованными на основании Высочайше утвержденного, 25 мая 1899 года, мнения Государственного совета и переданными в ведение дворянского общества бесплатными вакансиями в кадетских корпусах для сыновей потомственных дворян.

9) определенное законом участие в заведении учрежденными дворянством пансионами-приютами для воспитанников средних учебных заведений гражданского ведомства губернии из сыновей потомственных дворян.

Свод законов Российской империи. Т. IX. – СПб., б.з. С. 46 – 47.

***О разных родах состояний, и различии прав, им присвоенных.
Издание 1899.***

Отделение 2. О Предводителях Дворянства.

293. На предводителей дворянства возлагаются:

10) Участие в деле народного образования.

Свод законов Российской империи. Т. IX. – СПб., б.з. С. 45.

***Устав учебных заведений Министерства народного просвещения.
Издание 1910.***

Раздел V. О начальных училищах разных наименований.

3424. Министерству народного просвещения предоставляется в губерниях, на которые распространяется положение действие Положения о земских учреждениях <...>: 1) открывать в значительнейших селениях образцовые училища, предпочтительно одноклассные и частью двухклассные, избирая для сего селения, в коих состоятся приговоры сельских обществ о безвозмездной уступке, из общественного надела земли под устройство дома под училище и о принятии на свой счет ремонта, отопления и освещения училищных домов и содержания прислуги.

Примечание: (по Прод. 1906 г.) Попечителям учебных округов разрешается <...> с отпуском: одноклассному училищу не более 500 рублей, а двухклассному не более 1000 рублей ежегодно.

А. О приходских училищах по Уставу 1828 года.

3426. Особенная цель учреждения приходских училищ есть распространение первоначальных, более или менее всякому нужных, сведений между людьми и самых нижних состояний.

3432. <...> За порядком в училищах в сельских или волостных надзирает сельский староста или волостной старшина, по принадлежности.

3434. В учителя приходских училищ определяются штатным смотрителем уезда люди всякого состояния, но не иначе как доказав на испытании в уездном училище, что имеют нужные для сего знания и способность обучать. При сем смотритель осведомляется об их нравственных качествах и поведении, стараясь удостовериться заранее, что они без вреда для учащихся могут быть допущены к исправлению должности учителей.

3436. В приходские училища могут быть допускаемы дети всех состояний и обою пола, но не моложе 8 лет, а девицы не старше 11; от вступающих не требуется никакой платы и никаких предварительных сведений.

3437. <...> Закрытие училища дозволяется только по особенным, достойным уважения причинам, и не иначе, как с разрешения Попечителя учебного округа, Генерал-Губернатора или Губернатора, по принадлежности.

3438. Во всех приходских училищах обучаются: 1) Закону Божию, по краткому катехизису и Священной истории; 2) чтению по книгам церковным и гражданской печати и чтению рукописей; 3) чистописанию; 4) четырем первым действиям арифметики.

3439. В посадах и селениях, где много ремесленников, или иного рода промышленников, может быть учреждаем в приходских училищах второй класс, для преподавания некоторых предметов, назначаемых для нижнего класса училищ уездных.

3440. Способ обучения в приходских училищах может быть двоякий: обыкновенный или по методе Ланкастера.

3443. В училищах сельских обучение начинается по окончании полевых работ и продолжается до начала оных в следующем году.

3445. Обучение в приходских училищах бывает ежедневно по 4 часа, кроме дней воскресных и праздничных. <...>

3452. Следуя установленному в оных (приходских училищах) порядку, учитель должен всегда принимать в соображение как возраст, так и степень понятия учащихся, изъясняться простым и вразумительным для каждого образом, и, обращая наибольшее внимание на малоуспевающих, не забывать однако же и отличать прилежных в поощрение прочим.

3453. Учители, и в особенности обучающие Закону Божию Священники, не должны так же терять из виду главной, т.е. нравственной цели воспитания <...>. Объясняя ученикам своим святыи истины Христианской веры и правило добродетели, они должны стараться, чтобы вверенные им дети не только без затруднения понимали их наставления, но и привыкали чувствовать <...> своих настоящих и будущих обязанностей к Богу, к себе, ближним и поставленным над ними властям. Надежнейшее средство успеха есть привязанность учащихся к наставнику; он легко может приобрести ее, действуя на них не одними угрозами и страхом, а более кротким, ласковым убеждением и поучительным примером, удерживая их с отеческою нежностью от проступков и заблуждений, разрешая их сомнения, замечая в них и поощряя все похвальные побуждения: сострадание к несчастию, любовь к справедливости, ревность к учению, к трудам своего звания и вообще к полезной деятельности.

3454. <...> учитель может в случае нужды употреблять следующие меры исправления, но не иначе, как истощив уже все другие: увещания, выговоры, запрещение участвовать в играх, оставление ученика на несколько часов в запортом классе, и так далее. Выговор не должен заключать в себе никаких бранных выражений <...>

3456. Они стараются приучать вверенных им детей к опрятности, к порядку, к наблюдению всех приличий, осведомляясь о их поступках и вне училища.

3478. Начальные народные училища учреждаются земством, городскими и сельскими обществами и частными лицами, с предварительного разрешения Инспектора народных училищ и с согласия председателя Уездного Училищного Совета, о чем и доводится до сведения сего Совета. <...>

Свод законов Российской империи. Т. XI. – СПб., б.г. С. 47 – 92.

Статистические данные о наличии начальных школ

В 60-е гг. XIX в. в отдельных городах и даже целых губерниях Российской империи начали проводиться учеты населения низовыми статистическими учреждениями — губернскими (областными) статистическими комитетами. Наиболее крупными были однодневные переписи населения в Санкт-Петербурге и Москве. Они представляют интерес, в том числе, при изучении системы образования и уровня грамотности населения Российской империи.

Анализ однодневных переписей школ в Российской империи позволяет сделать вывод о численном росте начальных школ и обучающихся во II половине XIX — начале XX в. (Например, в Санкт-Петербургском Учебном Округе с 1880 по 1911 гг. число сельских школ увеличилось в 4,4 раза; число сельских школ в Виленском Учебном Округе за 14 лет, с 1880 по 1894 г., увеличилось почти в 4 раза, учащихся — на 182,9 % и т.д.).

Следует отметить, что в сельской местности преобладали начальные школы и школы грамоты. Несмотря на увеличение числа обучающихся девочек, в сельской местности мальчики по-прежнему численно преобладали в школах.

В целом, данные переписей указывают на то, что в центральных районах страны система сельского образования развивалась быстрее, чем на окраинах, что закономерно связано с тенденциями социально-экономического развития страны. (Например, в Санкт-Петербургском Учебном Округе с 1880 по 1911 гг. число сельских школ увеличилось в 4,4 раза; в Виленском Учебном Округе с 1880 по 1894 г. увеличилось почти в 4 раза, учащихся — на 182,9 %; в Оренбургском Учебном Округе с 1880 по 1894 гг. увеличилось на 39,4 %, учащихся — в 2,5 раза, но и при таком быстром росте число учащихся едва достигло 7,4 % всего числа детей в возрасте 7 — 14 лет).

Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведённая 18 января 1911 г/Под ред. Покровского В.И. Вып. II. Ч.1. — СПб., 1913. — С. 1 — 27.

Московский Учебный Округ

По данным Центрального Статистического Комитета, в 11 губерниях нынешнего Московского Учебного Округа в 1856 г. насчитывалось 1776 учебных заведений, с 86360 учащимися.

Число начальных школ в 1863 г.

	Число школ	мал.	дев.
Городских приходских	225	11417	1899
Сельских при церквях	4706	65351	8488

Число начальных школ в 1863г.

	Число школ	мал.	дев.
В селениях государственных крестьян	1197	32702	3935
В селениях удельных крестьян	577	5380	2523

В 3919 сельских начальных школах перепись 1880 г. насчитала 168275 учеников и 26224 учениц, а всего 194499 учеников; 3130 законоучителей, 2996 учителей и 1135 учительниц.

По данным анкеты И.В.Э. Общества, в 11 губерниях Московского Учебного Округа к 1 янв. 1894 г. насчитывалось *начальных школ со включением школ грамоты*:

	Начальные школы	мал.	дев.
В городах	1044	45503	32489
В селениях	10637	407409	99066

В какой мере увеличилось число сельских школ, учащихся в них и учащихся с 1880 по 1894 г.:

	В 1880г.	В 1894 г.	Увелич. в %
Число школ	3919	10673	171,4
Учащих (кроме законоучителей)	4131	12418	200,6
Мальчиков	168278	407409	142,1
Девочек	26224	99066	277,8

На 1 янв. 1894 г. школ грамот в селениях приходилось 3221, мальчиков – 56013, девочек – 11844.

По данным переписи 18 янв. 1911 г. число школ в городах 1964, в селениях 16629.

Среднее число учебных дней в городах – 174, в селениях – 152. Эти цифры тождественны с петербургскими, но от киевских несколько отличающиеся:

Среднее число рабочих дней в уч. году	В городах	В селениях	В Округе
В начальных школах Московского Уч. Округа	174	152	154
Петербургского Уч. Округа	174	152	154
Киевского Уч. Округа	180	154	156

Разница в пользу киевского Округа объясняется сравнительным обилием в нём еврейских школ, в которых рабочий учебный год продолжительнее, чем в каких-либо иных.

По данным переписи 18 янв. 1911 г. всего учащихся в возрасте от 7 до 14 лет обучалось: в городах, посадах и местечках 98242 мальчика и 81701 девочка, в селениях 654109 мальчиков и 319212 девочки.

**Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведённая
18 января 1911 г / Под ред. Покровского В.И.
Вып. VII. Ч.1. СПб., 1914. – С. 4 – 13.**

Санкт-Петербургский Учебный Округ

Из 1598 *сельских начальных школ* существовавших 20 марта 1880 г. было открыто:

до 1861 г.	180 шк.
1861-63	71

1864-68	114
1869-73	399
1874-1880	693

Неизвестно когда 141

С 1880 по 1911 г. число сельских школ увеличилось в 4,4 р., законоучителей – в 4,9, учителей – в 2,8, учительниц – в 14, учеников – в 4,1, учениц – в 8,5.

Сельские школы

Год	число школ	мальчиков	девочек
1880 г.	1598	1225	398
1894 г.	2717	1934	2141
1911 г.	7041	3394	5567

С. 7.

Школы грамоты в селениях

Год	число школ	мальчиков	девочек
1894 г.	914	14191	3309
1911г.	193	3165	1305

По переписи 18 янв. 1911 г. начальных школ в Санкт-Петербургском Учебном Округе насчитывалось 8304: 1070 – в городах, 7234 – в селениях.

По школьным спискам: в городах – 50358 мальчиков и 48136 девочек, в селениях – 207737 мальчиков и 102783 девочки.

По именной переписи: в городах – 45351 мальчик и 43908 девочек, в селениях – 201217 мальчиков и 99151 девочка.

Не явилось на перепись: в городах – 5007 мальчиков и 4228 девочек, в селениях – 5620 мальчиков и 3632 девочки. Не явилось на перепись 19378 учащихся, что составило 4,7 %.

Учебный год в начальных школах городских поселений продолжается, за исключением воскресных и праздничных дней и вакационного времени, 174 дня, в селениях – 152.

**Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведённая
18 января 1911 г / Под ред. Покровского В.И.
Вып. VIII (10). Часть 1. – СПб., 1914. – С. 1 – 18.**

Виленский Учебный Округ

Школы в селениях бывших государственных крестьян к 1 янв. 1866 г.

Сельские школы

Губернии	число школ	мальчиков	девочек
Виленская	34	1435	124
Витебская	23	844	143
Гродненская	44	2674	325
Ковенская	42	1937	121
Минская	62	1752	391
Могилевская	24	820	45
Всего	229	9462	1153

Число сельских начальных школ, учащихся в них на 1880 г.

Губернии	число школ	мальчиков	девочек
Виленская	244	193	48
Витебская	168	129	50
Гродненская	386	363	31
Ковенская	179	174	10
Минская	353	250	114
Могилевская	184	117	71

За 1866-1868 гг. и 1880 г. число сельских школ в Округе за 14 – 15 лет увеличилось на 39,3 %, число же учащихся в них возросло – на 157,2 %, т.е. больше чем в 2 $\frac{1}{2}$ р.

За 14 лет, с 1880 по 1894 г., число сельских школ увеличилось почти в 4 р., учащихся – на 182,9 %.

Выбыло в 1909 – 1910 уч.году из сельских школ: министерских одноклассных – 22,0 %, народных одноклассных – 18,9 %, еврейских одноклассных – 18,3 % и двухклассных – 34,4 %, церковно-приходских одноклассных – 16,8 %, железнодорожных – 13,8 %, школ грамоты – 7,2 %.

Искусственно вычисленный состав детского населения Виленского Округа.

Возраст	В городах		В селениях	
	мал.	дев.	мал.	дев.
7 л.	15989	16088	150396	150781
8 »	16804	16787	154150	152923
9 »	14274	14278	132005	128173
10 »	15734	15632	143800	142569

Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведённая

18 января 1911 г/Под ред. Покровского В.И.

Вып. VII. Ч.1. – СПб., 1914. – С. 1 – 17.

Оренбургский Учебный Округ

В состав Оренбургского Учебного Округа входят губернии: Оренбургская, Пермская, Уфимская, и области Уральская и Тургальская.

Из 939 школ: городских – 51, сельских – 888. В городских школах – учащихся 3891, в сельских – 24396 ¹.

По школьной переписи 1880 г. зарегистрировано 1238 начальных сельских школ с 63758 учащимися.

За 12 – 15 лет число сельских начальных школ увеличилось на 39,4 %, учащихся в 2 $\frac{1}{2}$ р.² Но и при таком быстром росте число учащихся едва достигло 7,4 % всего числа детей в возрасте 7 – 14 лет.

¹ В 1865 – 1868 гг.

² В 1865-68 гг. и 1880г.

Число начальных школ к 1 янв. 1894 г. (с включением школ грамоты)

	число школ	мальчиков	девочек
В городах	212	10374	5911
В селениях	2676	103368	34259

Число начальных школ к 1 янв. 1894 г. (без школ грамоты)

	число школ	мальчиков	девочек
В городах	192	9980	5753
В селениях	1977	88830	30620

Число школ грамот к 1 янв. 1894 г.

	число школ	мальчиков	девочек
В городах	20	394	158
В селениях	699	2381	582

Увеличение в % с 1880 по 1894 г.

	число школ	мальчиков	девочек
В Оренбургской губ.	69,4	88,9	222,0
В Пермской »	128,4	94,0	115,0
В Уфимской »	124,8	126,4	222,0

При переписи 18 янв. 1911 г. в Оренбургском учебном Округе зарегистрировано:

	В городах	В селениях
начальных школ	411	5597
Учащихся		
а) по школ. спискам		
мальчиков	25192	233556
девочек	18631	95051
б) по именной переписи		
мальчиков	24034	217890
девочек	17674	85302
Не явилось на перепись		
мальчиков	1158	15666
девочек	957	9749

В городах, в 1910 г., на 100 школ насчитывалось 101 законоучитель, в селениях – 68.

О числе учащихся в начальных школах всех ведомств по переписи 18 янв. 1911 г.

Возраст	В городах		В селениях	
	мал.	дев.	мал.	дев.
7 л.	431	317	4479	2351
8 »	3122	2626	23726	14040
9 »	4651	4014	41565	20638
10 »	5599	4544	51698	22203
Возраст не известен	267	180	1192	739

Справочники по низшему образованию, издаваемые в Российской империи, дают нам сведения, в том числе, по сельскому образованию.

Представленный отрывок характеризует учебные планы и содержание образования в двухклассных и одноклассных сельских училищах, создаваемых по положению 25 мая 1874 г.

Справочник по низшему образованию. Часть 1. СПб – Киев, 1913. С. 1 – 2.

Двухклассные и одноклассные сельские училища Министерства Народного Просвещения

§1. Двухклассные и одноклассные сельские училища, открываемые Министерством Народного Просвещения, на основании Выс. утв. 29 мая 1869 г. Мн. Г.С., имеют целью доставить детям сельского населения возможность приобрести элементарное образование в более полном и законченном виде сравнительно с другими сельскими начальными училищами, устраиваемые по положению 25 мая 1874 г. и других соответствующих сему положению узаконениям о начальных училищах.

§2. Двухклассные и одноклассные училища открываются как для мальчиков, так отдельно и для девочек; в случаях крайней необходимости допускается обучение в одном училище детей обоего пола.

§3. В двухклассных и одноклассных училищах преподаются обязательно следующие предметы: а) Закон Божий, б) русский язык с чистописанием, в) арифметика, г) история, д) география и естествознание, е) церковное пение и ж) черчение (только в двухклассных училищах). Примечание: обучение Закону Божию детей неправославных предоставляется попечению их родителей или лиц, заступающих их место.

§4. Объём преподавания сих предметов и число уроков по каждому для двухклассных училищах определяется программами; курс же одноклассных училищ соответствуют курсу 1-го класса двухклассных. Примечание: время начала и окончания уроков назначает инспектор училищ, сообразуясь с местными условиями.

Еженедельное число уроков в сельских двухклассных училищах.

Утв. Министерством Народного Просвещения 31 мая 1869 г.

	1-й класс			2-й класс	
	1 г.	2г.	3г.	4г.	5г.
Закон Божий	6	6	4	4	3
Рус. яз. с чистописанием	7	7	10	8	6
Арифметика	5	5	6	6	6
История	–	–	–	2	3
География и естествознание	–	–	–	2	4
Черчение	–	–	4	4	4
	18	18	24	26	26

Ежедневно, по окончании уроков, дети (по возможности все) занимаются полчаса пением.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Кольцов Алексей Васильевич
(1809 – 1889)

Знаменитый народный поэт и литературный деятель. Детство Кольцова протекало в суровой патриархальной купеческой семье; отец был единственным владыкой дома и всех держал в строгом повиновении. После окончания училища он стал помогать своему отцу в его торговых делах и тогда впервые ближе познакомился с деревней и донскими степями. Это знакомство сразу оказало на него сильное влияние; ему открылся мир чарующих звуков и красок, и он впитывал их в себя, чтобы потом передавать свои, этому миру родные, мысли и чувства жизни.

Кольцов смотрит на все окружающее теми же широко открытыми наивными глазами, какими смотрели поэты-творцы народной песни, оставшиеся неизвестными именно потому, что не успели в душе своей обособиться от массы, все переживали, как сам народ и заодно, и в унисон с ним.

В своих работах автор рассказывает, как всякий крестьянский парень или девушка любит, радуется, грустит, жалуется на судьбу или томится в узкой сфере раз навсегда закрепленного быта.

О детях из деревни и об их обучении

<...> Что простолюдины вообще менее образованы, – это зависит от того, что у них весьма мало средств получить образование. Зато если какое-нибудь благоприятное обстоятельство поможет, крестьянский мальчик не редко образуется и развивается с удивительной быстротой. Это, без сомнения, зависит от того, что поселяне живут ближе к природе. Если мы обратимся к истории, то найдем, что из простолюдинов наших очень нередко выходили люди, отличавшиеся и силой души, и светлым умом, и чистым благородством своих стремлений, в самых трудных положениях, на самых высоких степенях государственных, в самых разнообразных отраслях наук и искусств <...>

Кольцов А.В. Произведения //Детская литература: хрестоматия / Сост. Я. А. Чернявка, Г.В. Регушевская. М., 1980.– С. 73.

Лабзина Е.А.

Воспоминания

На воспитание дворянских детей влияние оказывали не только родители и родственники, но и воспитатели из народа (няни), которые им прививали навыки народного мастерства, в данном случае речь идет о вышивании.

<...> Когда она учила меня вышивать, то говорила: «Учись, матушка, может быть, труды твои будут в жизни твоей нужны. Ежели угодно будет Богу тебя испытать бедностью, то ты, зная разные рукоделия, не будешь терпеть нужды и будешь доставать хлеб честным образом и еще будешь веселиться. Ежели сердце твое будет невинно и совести будут казаться легки и за все будешь благодарить Господа твоего».

И так протекала моя счастливая жизнь до тринадцати лет, и я всеми родными была чрезвычайно любима. Я в тринадцать лет была, – и никто не верил, а все говорили, что мне уж шестнадцать лет <...>

Лабзина Е.А. Воспоминания. Описание жизни одной благородной женщины //История жизни одной благородной женщины. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – С.21.

Пассек Т.П.

Из дальних лет. Воспоминания

Воспитание в деревне детей дворян

<...> Семейство свое Петр Алексеевич окружал роскошью и ничего не щадил для образования, удобства и удовольствия своих детей. При них находились няньки, мамки, гувернер, гувернантка, учителя. При Христине Петровне постоянно жили компаньонки. Ближе всех к ней была разумная, кроткая жена одного чиновника из Корчевы – Аграфена Ивановна Горчакова, с двумя дочерьми, крестницами Петра Алексеевича, ровесницами и подружками моей матери и тетки. От них и от тетки моей я много слышала об этой ушедшей в даль жизни. Они не раз рассказывали мне, какие праздники задавал Петр Алексеевич своим крестьянам и соседям помещикам. Как на широком барском дворе собирались хороводы, раздавались песни, играл пастушеский рожок и шла веселая пляска, угощение и раздавались подарки. Для соседей помещиков, случалось и приезжих из столиц, устраивались празднества с иллюминациями, фейерверком, оркестром музыки и хором певчих в саду. В английском домике подавали десерт и чай; в зале, освещенной восковыми свечами, горевшими в трех люстрах с хрустальными подвесками, готовился ужин с богатым серебром, саксонским фарфором, граненым хрусталем, вазами с фруктами и букетами цветов<...>

Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания. В 2-х т. Т. 1. – М., 1963. – С.54-55.

Александр Сергеевич Пушкин (1799-1837)

Величайший русский поэт. Многие его произведения вошли в детское чтение, так как поэт интересовался вопросами детского воспитания. Он поднял русскую детскую литературу на новую высшую ступень развития. Характерной чертой его творчества был самый

живой, глубокий интерес к социально-политической и повседневной жизни как России, так и Запада. Эту особенность – острое восприятие социально-политической действительности, общественное чутье – поэт сохранил на протяжении всей своей жизни.

<...> В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное: ребенок окружен одними холопами, видит одни грустные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем. Воспитание в частных пансионах не многим лучше; здесь и там оно кончается на 16-летнем возрасте воспитанника. Нечего колебаться: во что бы то ни стало должно подавать воспитание частное.

Надлежит всеми средствами умножить невыгоды, сопряженные с оным (например, прибавить годы унтер-офицерства и первых гражданских чинов).

Уничтожить экзамены. Покойный император, удостовераясь в ничтожестве ему предшествовавшего поколения, желал открыть дорогу просвещенному юношеству и задержать как-нибудь стариков закоренелых в безнравствии и невежестве. Отселе указ об экзаменах, мера слишком демократическая и ошибочная, ибо она нанесла последний удар дворянскому просвещению и гражданской администрации, вытеснив все новое поколение в военную службу. А так как в России все продажно, то и экзамен сделался новой отраслью промышленности для профессоров. Он походит на плохую таможенную заставу, в которую старые инвалиды пропускают за деньги тех, которые не уели проехать стороной. Итак (с такого-то году), молодой человек, не воспитанный в государственном училище, вступая в службу, не получает вперед никаких выгод и не имеет права требовать экзамена.

Уничтожение экзаменов произведет большую радость в старых титулярных и коллежских советниках, что будет хорошим противодействием ропоту родителей, почитающих своих детей обиженными <...>

Пушкин А.С. О народном воспитании: Полное собрание сочинений в 9 томах. – М.: 1954. Т5. – С. 27.

<...> *Что такое дворянство?* Потомственное сословие народа высшее, т.е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. Кем? Народом или его последователями. С какой целью? С целью иметь мощных защитников или близких ко властям и непосредственных предстателей. Какие люди составляют сие сословие? Люди, которые имеют время заниматься чужими делами. Кто сии люди? Люди, отменные по своему богатству или образу жизни. Почему так? Богатство доставляет ему способ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву *du souverain* (государя). Образ жизни, т.е. не ремесленный или земельческий – ибо все сие налагает на работни-

ка или земледела различные узы. Почему так? Земледелец зависит от земли, им обработанной, и более всех неволен, ремесленник от числа требователей торговых, от мастеров и покупателей. Нужно ли для дворянства приуготовительное воспитание? Нужно. Чему учиться дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? Так; но образ жизни может их развить, усилить – или задушить. – Нужны ли они в народе, так же как, например, трудолюбие? Нужны, ибо они la sauve garde (охрана) трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества <...>

Пушкин А.С. О народном воспитании: Полное собрание сочинений в 9 томах. – М.: 1954. Т5. – С. 305.

Серафимович (Попов) Александр Серафимович (7 января 1863 – 19 января 1949)

Русский советский писатель и публицист. В своей автобиографии А.С. Серафимович с присущей ему литературной красочностью описал свои детские годы, проведенные им в казачьей станице. Особое внимание в документе уделено автором существующей специфике образования деревенских детей и отношения последних к указанному процессу.

Автобиография

Я родился в 1863 году среди бескрайних степей в станице Нижне-Курмоярской, которая раскинулась по пескам на берегу тихого Дона.

Отец – из обедневшей казачьей семьи, шестнадцатилетним юношей был послан своей матерью в полк – дома нечем было жить – и семнадцать лет тянул лямку в полках. Был и в Польше, и на Кавказе, и в Финляндии. Но никогда не был в строю, а все время прослужил в полковой канцелярии. Через 17 лет ему дали чин, но и после этого он продолжал работать в канцелярии.

Он умер, когда мне было 12 лет, и мы жили уже на Дону, в станице Усть-Медведицкой. Мать, тоже казачка, стала биться с четырьмя детьми в непроходящей бедности.

Должно быть, эта бедность, пренебрежение со стороны зажиточной станичной обывательщины, выросшее к нашей семье после смерти отца, и, главное, чудесное сердце матери, – она не пропускала ни одного бедняка, ни одного несчастного, чтоб не поделиться с ним последним куском, – вероятно, все это связало меня с низами, с обиженными, с трудящимися.

Да и гимназия, в которую я к тому времени поступил, связывала с трудовыми казачьими массами.

Учителя услужливо творили волю своего начальства, вгоняли в нас муштру, обескрыливали, вытравляли здоровье, и мы их ненавидели. Учащиеся в массе были дети трудового казачества с мозолями на руках от земледельческих работ у себя дома, и в гимназию они вносили навык и психологию труда.

Рано я начал давать уроки, чтобы помочь семье.

В третьем классе закачалась моя вера в бога, и я (страшно религиозный) очень страдал. Ночью я падал на колени, смотрел на звезды и молил: «Господи, спаси меня от неверия, видишь, я гибну». Он не спас, и к четвертому классу на церкви я смотрел как на идольские капища, а на попов – как на мошенников, за деньги обманывающих народ. <...>

Усть-Медведицкая станица была глухое, захолустное место, потерявшееся среди бескрайних степей, – ни железной дороги, ни пароходства, ни театров: жили как трава.

Единственное, что спасало, это – природа. Бывало, вырвешься из постылых классов, убежишь, выпрыгнешь в окно из гимназической церкви, куда нас загоняли силой под страхом карцера, подхватишь котелок, хлеба, сумочку пшена и зальешься с товарищами за Дон. Бесконечный луг, сквозь камыши блестят озера, громадные дубы смотрят в воду, а под самым Доном белой стеной стоят меловые горы. Ловили рыбу, бесконечно купались, были среди птиц, среди немолкнувшего царства насекомых, среди помольщиков на мельнице, рыбаков, среди трудящихся, и все это потом легло в рассказы.

Очень развитое воображение, образный язык, умение дать картину я получил от матери.

Казачьи студенты привозили из центра книги. Писарев, Чернышевский произвели колоссальное впечатление, внедряя материалистический подход к людям, к событиям, к оценке всего. <...>

Серафимович А.С. Автобиография / Тифонов Н.А. Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Хрестоматия. Пособие для студентов пед. ин-тов / Сост. Н.А. Трифонов. – 4-е изд. – М.: Просвещение, 1980. – 640 с., ил. С. 580.

Шелгунов Николай Васильевич (1824-1891)

Принадлежал к плеяде шестидесятников, сгруппировавшихся вокруг журналов «Современник» и «Русское слово». Он известен как публицист, литературный критик, очеркист и мемуарист. Его критическая деятельность, как и его публицистика, решали задачу непосредственного революционного просвещения и воспитания масс. Он автор нескольких статей по детской литературе.

Детское чтение

В данном источнике автор высказывает свое мнение о детском мировоззрении, их развитии и становлении.

<...> Нигде не проявляется так резко и могущественно русская удаль и порыв к свободной жизни, как на матушке Волге. <...> Конечно, дети неприхотливы; для них ложь вымысла большей частью незаметна, но это не оправдание плохим рассказам. Возьмите, например, жизнь Коль-

цова, Никитина, – да разве это не драма? Разве действительная жизнь не лучшее поучение? Разве вы измыслите искуснее домашнее безобразие и гнетущую бедность? И какой богатый материал представляют биографии русских замечательных людей!

Очень удачна мысль развивать в детях любовь к природе и наблюдательность указанием, как выводить насекомых, устраивать аквариум (нужно бы террарий) и т.п. А уж какой был бы восторг детям, если бы редакция прислала к весне маленькие пакетики с семенами цветочных и огородных растений – огурцов, арбузов, дынь, моркови и т.п. и красивых скороцветных цветов! Сколько радостей при устройстве гряд, приготовлении земли, полоньи, содержании в чистоте, поливе, истреблении вредных насекомых, сохранении полезных! Да ведь это целая жизнь – веселая, практическая, полезная! <...>

Шелгунов Н.В. Детское чтение // Журнал для детей под ред. А.Островского. 1869., С. 83-84.

Сабанеева Е.А.

Сабанеева Е.А. в воспоминаниях рассказывала не столько о виденном лично, сколько о том, что слышала от родни: матери, дедов, теток. Ее «Воспоминаниях о былом» – это семейная хроника Прончищевых, князей Оболенских и Кашкиных – трех родов, кровь которых текла в ее жилах. Провинциальное житье-бытье, жанровые сценки, характерные анекдоты и др. При всей конкретности описываемых ею персонажей в них угадываются фигуры типичные, очень любимые российской литературой XIX века.

Воспоминания о былом

Именно типичность семьи, изображенной Сабанеевой Е.А., и делает ее интересной. Иные из страниц «Воспоминаний о былом» могут быть восприняты как исторический комментарий к Грибоедовскому «Горе от ума» – та же среда, то же время.

Детство Алеши (воспитание в деревне)

<...> К племяннику своему Алеше (дворянин по происхождению) Мавра Кононовна относилась всегда строго; когда он подрос, она взяла дьячка для обучения его грамоте, была весьма довольна его успехами, ибо мальчик был оченьмышленный и бойкий: даже ради преуспевания в науках Мавра Кононовна пригласила ему в товарищи Прошу Крюкова, крестника Ионы Кононовича, сына одного из ближайших богимовских соседей. Так вот и шло образование в те времена, и большего не требовалось, особенно в провинциях. Если бы отец Алеши был здоров, то, может быть, иначе устроилось бы его жизненное поприще; но при властолюбивой тетушке племянник рос, сознавая над собою ее полнейший авторитет, да и пока не мечтал еще ни о какой карьере.<...>

Несветлое и нерадостное было детство Алексея в доме отца при такой тетушке: немудрено, что нравом он сделался тоже недоверчив, упрям, даже хитер. Власть тетки была слишком сильна, чтобы возможна была с нею борьба; но не раз в детстве Алеша с Прошей забирались через окно в ее кладовую и похищали там орехи, яблоки и пряники. После и доставалось же им за это, но «от злой собаки хоть шерсти клок». Поучит детей Мавра Кононовна розгами да и спокойна на несколько месяцев; в те времена не задавались наблюдениями за детскими впечатлениями или анализом детских характеров; тогда не говорили о развитии детей, но главным принципом было держать их в черном теле. Несмотря на все это, Алексей вырос и превратился в статного, красивого юношу и наружностью походил на тетку. Черты его лица были правильны; темные волосы откидывались назад, густо обрамляя высокий лоб; карие глаза были красивы, но брови над ними имели способность дрогнуть иной раз гневом и страстью. Ему пошел уже семнадцатый год. Русскую грамоту он хорошо усвоил и писал куда красивее своего учителя, богимовского дьячка, бойко читал, даже любил заниматься книжками. Мавра Кононовна, вообще недовольная всем и всеми, была однако удовлетворена степенностью племянника, находила, что его образование совершенно соответствует его дворянскому достоинству, и решила даже, что скоро придется записать юношу на службу царскую: чего ему дома баклуши бить? <...>

Сабанеева Е.А. Воспоминания о былом //История жизни одной благородной женщины. М.: Новое литературное обозрение, 1996. – С.342-343.

Оленька (о дочери мелкопоместных дворян)

<...> На Руси много было мелкопоместных дворян, положение которых представляло весьма горькую участь; их быт мало отличался от крестьянского, жили они часто в избах, со своими же крепостными мужичками, и пахали, и сеяли, и убирали сами с полей свой хлебушко. Хорошо, если судьба сталкивала этих бедняков с соседними зажиточными помещиками; иной раз примут в них участие, рассуют детей по училищам или определяют сына в полк на свой счет или дочери сошьют приданое.

Близ уездного городка Корчевы жила семья Бочкаревых, которая принадлежала к числу мелкопоместных дворян-бедняков. Пока жив был отец, они могли кормиться, жили в домике на своей земельке, с чадами и крепостными домашдцами, даже старшую дочь, Оленьку, выдали за чиновника в город Корчеву. <...>

<...> Оленька была худая, бледная белокурая девочка, заморенная нуждой, дикая и застенчивая; ей страшно было в этом большом доме, и все чужие лица, и что такое совершается над ее головой? Она ясно ничего не сознавала, но какое-то тяжелое предчувствие сжимало ей сердце (*отъезд в институт*). <...>

<...> Настал, наконец, день баллотировки. Оленьку одели в платье-це одной из княжон, к крыльцу была подана княжеская карета, вся се-

мья Оболенских провожает их до передней, с пожеланиями счастья Оленьке. Вот они сошли с парадной лестницы, ступили на крыльцо, Екатерина Михайловна, крестясь и читая громко молитву, взлезает в карету, Оленька за ней – и поехали.

Не один князь, а вся его семья принимала горячо к сердцу помещение Ольги в институт; все собрались в столовой: и княжны, и дети, и тетушка фрейлина, и почтенная гувернантка, m-me Стадлер. Все волновались, все переживали длинный час ожидания и все думали о том, как это все устроится и повернется ли рог судьбы благоприятно для этих двух существ. Делались разные предположения. Но именно человек предполагает, а Бог располагает; бедная Екатерина Михайловна! Каково ей было, когда ее Оленька вынула пустой билет? – тут она вдруг понял что такое баллотировка; какая это была страшная минута для нее!., в пух и прах разлетелись ее мечты для Оленьки. Где та заря новой жизни, свет которой так мгновенно вспыхнул и погас над головой ее ребенка? и теперь что же ее ожидает?., повезет она ее опять в Корчеву качать ребятишек старшей сестры, коров доить; и опять лишний рот кормить, который, казалось, сбывался с рук и давал место другим голодающим. Горько ей было!., ее отчаянию не было границ, ноги подкашивались, рука не слушалась, когда она хотела осенить себя крестным знамением, молитва замирала на устах. <...>

Сабанеева Е.А. Воспоминания о былом // История жизни одной благородной женщины. М.: Новое литературное обозрение, 1996. – С. 375-378.

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Галахов А.Д.

Записки человека

О прекрасной поре детства, которое прожил в деревне Галахов А. Д., автор рассказывает в своих воспоминаниях. В этот период проходило его взросление, обучение и воспитание. На примере этого источника можно проследить этапы получения системы знаний, которые приобретали дети в семье мелкопоместных дворян. Отличием в этой семье от общепринятых правил обучения являлось то, что к детям не применяли систему телесных наказаний, в силу всеобъемлющей любви родителей. Система воспитания проходила в двух направлениях, с одной стороны родительский контроль и преподавание основных предметов учителями, с другой деревенская жизнь и ее обыватели, которые влияли на формирование и становление личности ребенка своим особым деревенским укладом жизни и рождали в детской душе чувство любви ко всему русскому и самобытному.

<...> Учение и воспитание мое производилось в духе того времени, но по некоторым статьям имело и свои отличия. Родители мои не на-

столько были образованны, чтобы заменить собою учителей, и не настолько зажиточны, чтобы приглашать к себе гувернеров или гувернанток, – и, слава Богу! Последние слова я и доньне произношу как благодарный возглас за избавление нас от той напасти, в которой большинство дворян видело неизбежное и драгоценное руководство к так называемой цивилизации.

Решено было до поры до времени обходиться домашними средствами, или и посторонними, но такими, которые стоили бы не золотых и серебряных, а медных денег. Сначала сам отец учил нас арифметике, а потом привезен был им откуда-то отставной офицер-морьяк, который к арифметике присоединил и грамматику. Учитель этот (фамилии его не помню) знал свое дело, но уроки его часто прерывались, так как он пил запоем и пропадал дня на три, на четыре, скитаясь по близлежащим селам. Несмотря на неаккуратность занятий, мы, однако ж, выучились действиям с отвлеченными и именованными числами и твердо выдолбили этимологию, так что почти были приготовлены к поступлению в первый класс уездного училища.

Что касается до воспитания, то главное отличие нашего состояло в том, что мы никогда не подвергались телесным наказаниям. Так-то справедливо, что в обращении с детьми играют роль не одни педагогические взгляды, но и темперамент и нрав старших. Родители наши не прибегали к розгам вовсе не потому, чтобы следовали какой-либо воспитательной системе, а потому единственно, что им жалко было детей, которых они горячо любили.

Любовь устранила их от тех дисциплинарных мер, которые в тихом и скромном субъекте ослабляют и без того слабую его энергию, а в живом и энергичном направляют силы в дурные стороны, возбуждая раздражительность, ожесточение, злопамятство. Одна из важнейших задач воспитателя – с ранних лет развивать в душе воспитанника чувство нравственного достоинства, которое не позволяет ему, из уважения к себе самому, делать то, на что другой не решается только ради внешнего страха. Будь это чувство развито – вы можете быть спокойны за судьбу человека; не развито оно, никакие карцеры и розги не возместят его.

Отец постоянно видел в нас любящих и покорных детей, но такое отношение к нему произведено было, конечно, не строгостью. Вся его строгость большею частью ограничивалась угрозами наказания, да и угрозы эти выражались часто в такой форме, которая заставляла нас смеяться, так как смеяться явно мы не смели. Бывало, он остановит наши проказы словами: «Я дам тебе такого подзатыльника, что ты стену пролomiшь лбом», или «Послушай, любезный, рано или поздно, а я сделаю тебе дурно». Удалившись в детскую, мы с братом смеялись и рассуждали, в каком смысле употребил отец последнее слово, в смысле наречия или имени существительного?

Нельзя, впрочем, упускать из виду и положения родителей среди семейства. Как ни будь снисходителен к молодой крови, требующей движения, все же захочется оказать снисходительность и себе самим, кро-

ви пожилой, требующей хотя временного покоя. Когда двое непоседов начнут без всякой надобности входить в комнату и выходить из нее, тогда одно хлопанье дверью способно вывести из терпения. Отец, бывало, и выйдет из него. «Господи, Боже мой, что это они так беспрестанно шлятуются! Варвара Дмитриевна (так звали старшую сестру), братья ваши ничего не делают, а только снуют из угла в угол; налейте-ка им страниц пять или шесть: пусть они списывают с прописей». И вот засадят нас, рабов Божиих, за чистописание, лицом к окнам, выходящим в сад. В комнате жар, духота, мухи; а там, в саду, соблазн: солнце, обдающее все ярким светом, приятный ветерок, пение птиц, полет и жужжание насекомых. Поэзия рядом с прозой, а самое прозаичное – прописи, а в прописях нравственные изречения. Окончив заданную работу, мы должны были показать ее отцу. Первые две страницы были написаны, конечно, старательнее, а затем чем дальше, тем хуже. «Отчего это так?» – спросит отец. «Перо уж иступилось». – «Врешь! Кто старается, тот и тупым пером напишет хорошо». Отойдешь, разумеется, без возражения, только подумаешь про себя: «Как же это так? Плохим пером написать хорошо!» Но в результате выходило, однако ж, недурно: дети провели два часа за работой, а родители их два часа отдохнули.

Другая особенность нашего воспитания заключалась в той осмотрительности, какую отец и мать наблюдали при разговорах с нами или с другими старшими лицами в нашем присутствии. Они понимали, что некоторые слова, произносимые без оглядки, всегда почти производят глубокое впечатление на чуткое детство, потому что выражают иногда мнения, прямо противоположные прежде высказанным и внушенным правилам. Иному отцу семейства ничего тогда не стоило (а теперь, быть может, стоит еще меньше) спросить сына о содержании проповеди, которую тот слушал, и тут же прибавить: «То-то, я думаю, оратор напорол дичи!» А между тем сын отправился в церковь по приказанию отца. Другой, требуя от сына почтительного отношения к начальнику, постоянно титулует последнего дураком, подлецом, мерзавцем. Разве должно, разве можно уважать такую личность? Третий, боясь несвоевременного развития плотских увлечений в сыне, сам на глазах его заигрывает в коридоре со служанкой или заводит с гувернанткой двусмысленный разговор. Эти и подобные им несообразности приводят детей в недоумение, ставят их в тупик. Дети скоро открывают ясное несогласие данных им правил с шутками или не шутками, происходящими на их глазах; потом начинают думать, что эти правила не что иное, как условные, пошлые сентенции, повторяемые родителями для очистки совести, тогда как настоящая тайна жизни скрывается в других, прямо противоположных им сентенциях; наконец убеждаются по малой мере – в легкомысленности своих родителей, по большей мере – в их лицемерии. У моих родителей этого не было, они имели единственный образ мыслей, а не двойственный: один для себя, другой для детей, на всякий случай. Им и не предстояло трудности выдерживать свою последовательность. По обычаю помещиков средней руки, живших не от-

крыто, а скромно и уединенно, мы не толклись среди гостей, не принимали участия ни в обедах, ни в разговорах с посторонними.

Нас выводили к ним на короткое время из детской, если они выражали желание взглянуть на нас. Зато чего стоил нам, не привыкшим быть на людях и потому чрезвычайно застенчивым, этот парадный выход! Но пущею бедой, своего рода пыткой, считали мы, то время, когда отец и мать брали нас с собой в такой дом, где дети, нам ровесники, говорили по-французски.

Сидишь там, бывало, словно приговоренный к смерти, моля Бога о том, чтобы оставили тебя в покое и, главное, не обращались бы к тебе с вопросом: «Parlez vous franais, monsieur?» Вопрос этот подобно грому оглушал нас. Когда мы робко давали отрицательный ответ, спрашивавший приходил в изумление: «Не говорите! Как же это так?» — восклицал он, качая головой и печально прищелкивая языком, точно заверяя этим, что мы испортили земную нашу карьеру, да и в будущей жизни едва ли не ожидает нас вечная гибель.

Был, однако ж, один значительный недостаток в нашем образовании, именно недостаток упражнения в тех предметах, которые укрепляют человека, дают ему бодрость и, кроме того, приносят немало удовольствий. Нас не учили ни стрельбе, ни верховой езде, ни даже плаванию, столь приятному в летние жары. Такое важное упущение объясняется характером отца. Он, конечно, понимал цену физического развития, но при мысли о средствах, к тому ведущих, пугался возможных гибельных последствий. Многие примеры показали ему, как иногда ничтожная, мгновенная случайность становится для молодости поводом к неисправимой беде, причиной несчастья на всю жизнь. Если б он был уверен, что сыновья его, купаясь, не утонут, стреляя из ружья, не убьют и не ранят себя, а при езде верхом не сломят себе ноги, не только что головы, то, разумеется, он дозволил бы им и то, и другое, и третье. Но кто же внушит человеку такую уверенность? Разве слова духовной Владимира Мономаха, что «Божие блюдение лучше человеческого»; но отец не читал этого памятника нашей словесности, а положиться на авось не хватало у него духа.

Впрочем, мы сами поправили упущение родителей: заменили пробел разными телесными экзерцициями – борьбою, беганьем взапуски, прыганьем, лазаньем. Мы ежедневно упражнялись в естественной гимнастике – в гимнастике на просторе и открытом воздухе, под чистым небом и частою практикой достигли отличных успехов. Нам ничего не стоило перескочить широкий ров, взобраться на крышу, вскарабкаться на самую вершину высокого дерева, шибко взбежать на гору и так же сбежать с нее, сряду перекувыркнуться через три соломенные омета, стоявшие в конце гумна.

Обычные входы и выходы нас не удовлетворяли. Минув ворота или калитку, мы перелезали через плетень; вместо того чтобы сойти с балкона, мы со всего разбегу спрыгивали с него в сад и уже не в силах были остановиться до тех пор, пока не добежали до самого конца его.

А тут новая приманка – луг, расстилающийся к реке. Мы и его пробегали и домой возвращались таким же образом. Ноги и руки наши находились в постоянном действии. Название: «непосестный», «неугомонный» шло к нам как нельзя лучше.

Другую школой нашего воспитания служила дворня. Хотя никто нам не советовал иметь с нею общения, но и положительного на то запрета не было, вероятно потому, что исполнение его оказалось бы фактически невозможным. Мы жили в такой близости к прислуге, начиная с няни, ближайшего к нам человека, что волею-неволею должны были иметь с нею постоянные сношения. Поэтому в свободное от учения или от присмотра родительского время уходили мы то в конюшню беседовать с кучером, то в людскую прислушиваться к толкам слуг, сходящихся туда для обеда и ужина, то в избу на скотном дворе, где жили пастух, ключник и староста с их женами, смотревшими за птицей. Посещения эти доставляли нам большое удовольствие, да и тем, кого мы посещали, они не были ни тягостью, ни стеснением.

Не верьте тому, кто скажет вам, что общение с дворней в частности, с крестьянством вообще вредно для молодых людей, принадлежащих к образованному кругу. В известном возрасте может быть, но в годы детства и отрочества оно, как выразился один критик, никакого вреда, кроме великой пользы, не приносит. Говорю это по убеждению, добытому собственным опытом. Любопытство, свойственное отроку, влечет его из своей сферы в другую, ему неизвестную; он охотно выслушивает рассказы, мысли и чувства людей, живущих не барскою жизнью; бессознательно, мало-помалу слагается в его уме и воображении характеристический образ простонародья. Важное, драгоценное приобретение, тем более благоприятное, чем оно дается раньше. Никакою наукой, никаким чтением нельзя заменить потом этого раннего знакомства с народом – знакомства непосредственного, живого, которое вливается в кровь и претворяется в плоть. Я понимаю, чтоб разумели воспитатели-моралисты, говоря о вреде сближения барских детей с дворовыми людьми и крестьянскими мальчиками: их поражало употребление кой-каких слов, недопускаемых в печати.

Нельзя, конечно, одобрять подобного словаря, но надобно, однако ж, смотреть на дело с настоящей его стороны и различать в нем подлинно дурное от мнимо дурного. Исходящее из уст, сквернит лишь в том случае, когда оно с тем вместе исходит от лживого ума или развращенного сердца. Поэтому сквернословие сквернословию рознь. Если с произнесением неприличного слова сопрягается представление чего-либо соблазнительного или ощущение чего-либо грубо чувственного, то оно, разумеется, есть улика в безнравственности; а если произносимый звук доказывает только попугайную переимчивость произносящего, что в нем безнравственного?

Речь простолюдина редко обходится без непристойной приправы, почему знаменитый наш артист М.С. Щепкин справедливо говаривал, что он не любит видеть мужика на сцене, так как он является на ней с неес-

тественным разговором, разочаровывающим зрителя. Следует ли отсюда, что русские мужики – народ самый безнравственный? На самом деле этого вовсе нет. Напротив, они имели бы полное право обличать отсутствие нравственного и национального чувства в тех личностях, которые, под крылом ли родителей или под влиянием чужеземных детоводителей и детоводительниц, с ранних лет приучались замыкаться в особый круг, как в некую касту, питать презрительное отношение к другим кругам, не иметь ни понятия о всесловной связи, ни душевного к ней влечения, жить отрешенно от своего отечества. Зараза эта, благодарение Богу, миновала нашу семью. Мы до того свыклись со всеми элементами окружавшего нас быта, что нас нельзя было удивить никакою выходкой, никаким словом, не имевшими обращения в так называемой благородной среде. Это очень пригодилось нам впоследствии для многого.

С двойным наслаждением, инстинктивным и сознательным, воспринимал я каждое поэтическое воспроизведение русской действительности, от кого бы оно ни исходило. Гоголь не мог озадачить меня характеристиками своих героев: я чувствовал их натуральность. Напротив, меня озадачивали и смешили суждения русских нерусских, из которых один замечал, что Гоголь напрасно говорит о тараканах в избе, как будто русская курная изба мыслима без тараканов, а другой, ретивый поклонник европеизма, прошедший много лет за границей, находил слог Писемского дурным на том основании, что в каком-то его рассказе русский мужик сказал о своем соседе: «он в запрошлую весну помер», тогда, как ему следовало бы сказать: умер <...>

Галахов А.Д. Записки человека / Вступ, статья, сост., подг. текста и коммент. В.М. Боково. – М: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 29-35.

Герцен Александр Иванович (1812-1870)

Общественный деятель, литературный критик и русский публицист, основоположник теории «русского общинного социализма». На протяжении всей своей творческой жизни Герцен внимательно следил за умонастроениями крестьянства, записывал в дневнике о каждом услышанном факте протеста крепостных. В основу его повестей лежали действительные истории, случавшиеся в повседневной жизни.

Разговоры с детьми

Что касается его литературного творчества, он считал, что писать для детей и о детях очень ответственное дело. Большое значение в деле воспитания и образования для детей Герцен придавал естествознанию.

<...> Такого любопытства: знать, что и как делается, звери не умеют. Зверь бегаёт по полю, ест, коли что попадет по вкусу, но никогда

не подумает почему он бегаёт и от чего он может бегать, откуда взялся съестной припас, который он ест. А люди всем этим заботятся. Посмотрите, что из чего выходит. Чем больше вещей человек знает и чем короче, подробнее он их знает, тем больше у него власти над ними. Звери с их умом несовершенным и маленькие дети с их незнанием – всего слабее и беспомощнее. Не думайте, что дети только потому слабы, что они малы: слон при всем своем росте делает не больше ребенка во всех тех случаях ни массой, ни мышцами. <...>

Герцен А.И. Разговоры с детьми. // Новая библиотека для воспитания, издана Петром Редькиным. – М., 1859. С. 57.

Корф Николай Александрович (1834-1883)

Известный российский педагог, методист начальной школы и земский деятель Корф Н.А. многое сделал для улучшения обучения крестьянских детей. Созданный им тип трехлетней одноклассной земской школы с тремя отделениями и одним учителем в наибольшей степени соответствовал нищенским условиям жизни дореволюционной деревни и просуществовал до революции. В своих программах и учебных пособиях Корф Н.А. предлагал сельским школьникам довольно широкий круг общеобразовательных знаний и практических навыков. Является автором учебника «Наш друг» (1871г.).

Русская начальная школа

Большое место в работах прогрессивных педагогов прошлого занимал вопрос об организации обучения в сельской школе с учетом особенностей развития и подготовленности рабочих мест, в том числе вопрос и о техническом состоянии классов.

<...> Ученические скамьи, в большинстве случаев, сколачивались в сёлах крайне небрежно, на гвоздях, из вершковых досок: одна из досок служит сидением, другая, такой же ширины, всего 5 вершков, стоящая перед первой в положении наклонном к сидению, служит столом для учеников. Не обращается никакого внимания на то, что крайне недостаточно 5 вершков ширины для плоскости, на которой пишут ученики; так называемый стол бывает отдалён от скамьи на такое пространство, что дитя вынуждено писать чуть ли не лёжа; сиденье на таких высоких подставках, что ноги сидящих детей, не имея опоры, болтаются на воздухе; скамьи эти расшатываются весьма скоро, а потому покачиваются при малейшем движении ученика. Такое устройство школьных скамей, вредя здоровью детей, затрудняет обучение письму. <...>

Корф Н.А. Русская начальная школа. Руководство для земских гласных и учителей сельских школ. 4-е изд. – СПб., 1872. С. 29.

Следующий вопрос, рассматриваемый в труде Корфа Н.А., дает представление о материалах письма и гигиенической обстановке в деревенских школьных классах.

Мелу нужно не мало в наших школах, так как во время звукового обучения грамоте ученики пишут мелом; от такого письма в школе стоит едкая пыль, с которой приходится уживаться на целый месяц, пока продолжается обучение грамоте, из-за недостатка в аспидных досках, почти повсеместно в сельских школах. Счастлива будет та школа, которую избавят от этой каторги приобретением досок, по одной на каждого ученика. Чернила составляют такую редкость в селе, которой нигде не купишь, а если и нашлись в продаже чернила, то только по огромной цене; поэтому каждый учитель должен уметь приготовить себе чернила.

Корф Н.А. Русская начальная школа. Руководство для земских гласных и учителей сельских школ. 4-е изд. – СПб., 1872. С. 30-31.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

Ш.С.Ф. Письмо в редакцию. Штатного смотрителя т. училищ. (По поводу вопросов о народном образовании)

Письмо в редакцию является типичным документом периодической печати второй половины XIX века. Вопрос о народном воспитании уже не раз становился предметом многосторонних обсуждений в российском обществе. Научные статьи по этой проблеме разбросаны почти по всем органам печати («Журнал министерства народного просвещения», «Народная школа», «Образование», «Вестника Европы», «Русская мысль» и пр.). Ниже приведенный документ анонимен, известны лишь инициалы штатного смотрителя училищ – Ш.С.Ф. Автор статьи обращается к журналу «Вестник Европы» в надежде, что редакция не оставит «голос вопиющего в пустыни».

<...> в провинции, вот что говорят о народном воспитании: жалуются, что сельские общества с большою неохотою выдают суммы на содержание училищ; крестьяне неохотно посылают своих детей учиться, говоря: «Нам грамота не нужна». Советуют, потому, ждать развития народа, не принуждая его к учению. Некоторые же добавляют, что, «если явится в обществах охота к учению, нам нечего вмешиваться: пусть сами устраивают школы; найдут себе учителей; они лучше знают кого им нужно; что нам нечего враждебно смотреть на то, что школами из будто заправляют отставные солдаты, причетники, писаря; пусть народ разовьется: он сам найдет и недостатки в своих школах, тогда и лучше учителя явятся». Из этих слов приходится заключить, что дело воспитания следует оставить без ухода до будущего поколения, а нам только.

<...> Правда, что наши сельские общества с большою неохотою выдают сумму на содержание училищ: но скажите: на какой предмет они охотно их выдают? Крестьяне наши и без того обременены большими

налогами, а тут еще предлагают новый налог на устройство школ. Как ни говорите, а при такой обстановки не легко и грамота на ум пойдет. Нужно слишком быть уверенным в пользе учения, что бы с полною охотою жертвовать иногда последнюю копейку на школы. Правда и то, что наш крестьянин неохотно отдает своих детей в школу; но это потому, что, таким образом, он лишается не малой помощи для дома; он хлопотал, растил сына, и, когда он начал развиваться, понимать отцовское дело, – его оторвать от дела и отдавать в школу; это лишение не малое. Тут нужно быть уверенным, что это лишение со временем вполне вознаградится. А между тем, он часто видит примеры, что мальчик, выучившись в школе, совершенно бросает отцовское дело, поступает куда-нибудь писарем и забывает семью. Допустим и то, что любовь родительская велика: что родители не будут жалеть, если сын не помогает им, лишь бы ему было хорошо; но ведь попадаются примеры и похуже. Часто бывает, что мальчик, поучившись в школе, и от одного дела отстанет и к другому не пристанет: работать ленится, да и грамотой только помазали <...> и живет он трутнем, в тягость семье. Может быть, и без школы был бы он таким же ледащим, но уже тут непременно грамота будет всему виною. Из этого, одноко ж, нельзя заключать, что наши крестьяне не любят учения. Почти уже каждый е года, пользу его, и недоверчивость является только потому, что мало видят грамотных между своими, да и это немногие нередко бывают хуже неграмотных.<...>

<...> Однажды, в половине года из 2-го класса нашего училища уволился ученик, о котором нельзя было не пожалеть: мальчик был способный, хорошей нравственности: краса училища. Я знал отца его, как человека, хотя простого, но умного, с хорошими средствами и заботливого о детях, поэтому не мало удивлялся его поступку. Думая же, что он взял сына по какому-нибудь неудовольствию на училище, я пошел в дом его, поосновательнее разузнать причину. Сначала он заговорил, что много благодарен и доволен училищем; взял же сына потому, что «дома нужно присмотреть кое-что; а он у меня дело смекать начал». Однако ж, я не поверил этим словам, зная, что у него и без двенадцатилетнего сына есть кому присмотреть дело. Думая же подействовать не него своими убеждениями – пустился в мораль: заговорил о том, как важно умственное развитие человек в жизни; советовал ему ещё поучить сына подальше и прибавил к этому, что он, как человек со средствами, мог бы образовать сына в гимназию и дальше; но, нечаянно схватив его двусмысленную улыбку, приостановился и начал снова выпытывать причину: почему он не хочет воспитывать сына дальше. Наконец (вероятно ему наскучили мои речи), и он пустился в откровенности. «Знаете, батюшка – начал он – мы маленько побаиваемся, чтобы сын не зазнался: у вас что-то слишком премудренная, заморская царства учат. Я сам прислушивался, как сын уроки учил; вижу что не к делу, да и взял его, думая: пусть если бы у вас приучили сына как пенечку сортировать, да в товарах изьяны находить, или что другое, подходящее, – то пусть бы учился; я, пожалуй, хоть бы и ещё года

на три его оставил. В гимназию же отдавать? Бог с нею! Там он уже совсем зазнается; дело свое бросит; служить захочет; а кто же для нашего дела останется?...» И начал он высчитывать тех, которые учили своих детей в гимназиях. <...> Вышло, что почти все воспитанники гимназий бросили торговлю, и если некоторые и оставались при деле, то по принуждению, а не по желанию, и эти последние совсем торгового дела не понимают, живут тем, что отец оставил, а другие ещё и отцовское промотали. «Вот – оно, что выходит от высших гимназий, сказал он, улыбаясь; нам такого не надо!»

Такой склад речи простого русского ума, с наличными доказательствами, заставил меня призадуматься. В самом деле: какую пользу приносят нашим училищам история и география? Большой кругозор сведений и развития. Но не ошибаемся ли мы, давая кратенькое понятие о странах нам неизвестных; о царях и героях, давно окончивших свое существование, оставляя без всякого внимания то, что делается у нас перед носом? <...>

<...>Теперь я расскажу вам, как произвожу ревизию в сельских училищах, чего требую от учащихся и чего еще желал бы требовать от них, сообразно с желанием и потребностями народа, если бы наши сельские учителя были в состоянии толково и разумно передать то, что полезно ему.

При входе моем в школу, ученики поют, или один из них читает молитву. После приветствия учителю и ученикам, я начинаю экзаменовать часто с того, что требую от более развитого ученика разъяснения смысла той молитвы, которую читали: потом спрашиваю, какие праздники ближайшие к тому времени они знают; в честь какого события они установлены; требую отыскать Евангелие, которое читается в день этого праздника; ученик читает его и должен объяснить смысл читанного; иногда приносится Евангелие русское для сличения текста и более верного уяснения смысла; спрашиваю символ веры и, при разъяснении членов; требую рассказа из священной истории, о таинствах, о церкви и прочее. Подобным же образом спрашиваются заповеди и молитва господня; требую разъяснения богослужения и, рассматривая какую-нибудь часть, ученик должен рассказать, в последовательном порядке, действия и слова священника и диакона, чтение и пение, а также и значение каждого действия священнослужителей. Эти заканчивается испытание по закону Божию. Потом я требую, чтобы мне читали по-русски и по-славянски и рассказывали смысл сначала отдельных слов славянских или русских книжных не употребляемых в речи простолюдина, и смысле всего прочитанного. Потом диктую им и, при незатейливом предложении, требую найти предмет, о котором говорится, что о нем говорится, и в вопросах, не касаясь разъяснения подлежащих, сказуемых и прочего, идет у нас логический разбор. При диктанте требую строго внимания для того, чтобы, по звуку самой речи, они, сколько возможно, писали правильно и отделяли отдельные мысли знаками препинания. <...> Из арифметики вычисления у меня идут не свыше миллионов (по очень простой причине: что в жизни им не придется хлопотать с большими числами); эти вычисления применяются к местным потребностям. Я, например, расспрашивал

у мальчика: сколько твой отец в этом году собрал конопли, пеньки, замашки, пакли и прочего? И требую вычислить доход с этого продукта. В подобных вычислениях на доске или на счетах я узнаю их знания первичных четырех действий простых и именованных чисел. Я не говорю здесь о первоначальном обучении потому, что, вероятно, везде забота одна: уничтожить *азь-буки* и прочие подобные методы, а советовать учительному методу звуковой, наглядный, – и этот способ постепенно, хотя и не везде, входит в употребление. <...>

<...> Рассказав, каких знаний я требую от учеников теперешних народных школ, я скажу, чего желал бы требовать от них, если б это было возможно. – У вас земля глинисто-песчаная. Какое свойство этой земли? Для какого хлеба она больше пригодна? Как следует пахать эту землю: глубоко ли, или мелко? Какое удобрение больше для него в пользу? Если навоз, то какой именно? Нет ли удобрения для этой земли кроме навоза? – У вас есть луга, сено съедобное и несъедобное, крупное и мелкое. Расскажите мне (но только на русском народном языке, а не на латинском): какие травы у вас растут? Нельзя ли какую-нибудь из них несъедобных трав уничтожить, а съедобную увеличить? – У вас вокруг леса. Какие деревья растут в них? Какие идут на какое производство? Как сохранить деревья от порчи, пожара, и прочее? – У вас довольно скота. Какую пользу он приносит? Как улучшить породу? Какие болезни в нашей местности бывают со скотом? как предохранить его от них, как вылечить? – У вас, большею частью, строят курные избы. Расскажите: какой вред производит на здоровье дым? Что причиняет спертый воздух, дурная пища? какое разрушительное действие производит на человек водка, и прочее? – В настоящее время погода сухая. Отчего это? отчего происходит сырость, дождь, снег, роса, иней, гром, молния и прочее? – У вас в лесных селениях многие ловятся на порубках. Какие штрафы берутся за эти порубки? какие ответы вы должны давать следователям, становому или будущему моровому судье при известном деле? и прочее, и прочее.

Вникните в смысл моих желаний, которые я считаю важными для знания простолюдина, и которые с удовольствием пожелали бы узнать не только школьники, но и взрослые. Ведь эти вопросы составляют самую насущную, необходимую потребность его. По-моему: узнать точнее и многостороннее те предметы, которые постоянно перед глазами, постоянно под рукою, значит – подвинуть живущих к моему убеждению, как бы усовершенствовать, улучшить свой быт, свою производительность. Знакомство с простейшими физическими явлениями, кроме существования пользы, как знания, со временем может устранить многие предрассудки, которыми заражен наш народ; краткое знакомство с современным законоведением может устранить кляузничество и злоупотребление местных властей.

В сельские школы поступают дети лет 7 или 8-ми, учатся там до 12 или 13-ти лет; часто, способные из них в начале, делаются баловнями впоследствии. Причина этому видима: что их учат то же самое, что в первый год, то и во второй и третий, до самого окончания учения. А

если им нет пищи для ума, что же делать, как не шалить, не баловаться? Из этого вы видите, что у нас времени в школах достаточно для уяснения тех и подобных им вопросов, на которые я желал бы, чтобы ученики школ умели удовлетворительно отвечать. <...>

Вестник Европы. Журнал историко-политических наук. Второй год. Том II. Июнь. – СПб., 1867. С. 4-14.

Д. С больной головы, да на здоровую!
(Очерк современного положения наших народных школ)

Данная статья продолжает дискуссию о народном воспитании и народных школах в российском обществе. Известно, что автор анонимен (он скрывается под инициалом «Д.»), видимо по той причине, что в своей статье раскрывает острые вопросы. Так, автор говорит о том, какие методы наказаний используют в школах, сообщает, что порка детей это явление весьма распространенное. Он упоминает о случае в Лубенском уезде, Полтавской губернии, случившийся с г. Лесевичем, который пожертвовал 4000 рублей на возведение школы для бывших своих крепостных и пригласил даже учителя. Но общественность уезда данный порыв бывшего помещика г. Лесевича встретила негативно, и посыпались доносы губернатору на то, что нанятый учитель г. Безуглов обладает «убеждениями, противоречащими русской народности». Такие случаи в провинции являются типичными, по мнению Д., и они мешают распространению просвещения и образования среди народа.

<...> Все сколько-нибудь порядочные сельские учителя (которых у нас, впрочем, до крайности мало) в один голос говорят, что собственно учить грамоте безграмотных крестьянских детей не очень трудно, но вот – разучивать полуграмотных – до крайности тяжело. <...>

<...> Некоторые из крестьян, преимущественно, разумеется, из крестьян зажиточных, метивших в скором времени выйти из крестьянства в кулаки и мироеды, начали брать своих детей из хороших школ, потому, что им эдаких школ не нужно. Думали этим они напакостить хорошим учителям, но попали пальцем не туда, куда метили: учителя только и вдохнули свободно тогда, когда не стало у них эдаких кандидатов в будущие кулаки и мироеды, которых, прежде нежели учить, нужно было предварительно взломать, выколотить из них, как из старого ковра, клубы пыли, очистить от старой дряни, и потом уже вновь отделывать. Остались лишь только дети бедняков, то есть громадного количества крестьян, которые не могли знать: так, или как-нибудь по другому учились их отцы и деды, по той простой причине, что их отцы и деды никак и ничему не учились. Свежий, не совсем еще одуренный человек сейчас понял бы, что уметь читать и писать несравненно лучше, чем не уметь ни того ни другого. <...> В скором времени, по свидетельству барона Корфа, население почувствовало такие симпатии к школам, что

училищные постройки переполнились учениками. «Училища иногда были до того переполнены, пишет он – что если бы непрерывно отпираемая дверь в сени, то по гигиеническим причинам следовало бы уменьшить число учеников» <...>

<...> Из отчета рыбинского училищного совета, напечатанного в «Ярославских Губернских ведомостях» прошлого года, видно, что учащихся в уезде в 1867 году было 784, а к началу прошлого года убавилось на 30 человек. Некоторые из учителей удостоены денежных наград за отменное усердие, но, тем не менее, совет признает методы преподавания в этих школах «нерациональными и несовершенными», в особенности методы преподавания чтения и арифметики. Учебными пособиями все училища, как видно из отчета, «снабжены достаточно, если не новыми, то, по крайней мере, такими, которые в случае большой нужды, могут не бесполезны быть употребляемы». <...>

<...> Так как при крайне плохом преподавании, о котором упоминает отчет, очень нелегко было возбудить в детях особенное почтение к старшим и рвение к учению, то местные педагоги придумали целую систему наказаний, без которых, само собой разумеется, нельзя было ждать от мальчиков ни особенной услужливости, ни уважения к своей чести. Кодекс уголовных и полицейских наказаний, придуманный рыбинским советом, состоял из множества статей, из которых я приведу главнейшие: 1) строгий выговор с глазу на глаз; 2) выговор при товарищах и волостном старшине; 3) стояние во время урока; 4) перемещение на низшее место; 5) задержание в школе на час и более по окончании урока; 6) воспрещение участвовать в играх товарищей; 7) жалобы родителям; воспитателям и родственникам; которые 8) в случае приобретенной в школе какой-нибудь особенно дурной привычки, могут употреблять, по своему усмотрению и более строгие меры к вразумлению и исправлению виновных, чем те; какие, по указанию современной педагогики, допускаются, или могут быть допускаемы в нынешних начальных классах».

Очевидно, что речь идет просто-напросто про поронье учеников розгами, но только не в стенах тесного училища, на просторе, в доме родителей, которые училищный совет разрешает пороть своих детей. <...>

<...> Бьют старые немцы своих учеников несравненно крепче, чем русские, потому что немец и в убеждениях своих крепче неустановившегося еще русака. «Жалко смотреть на немецкого мальчика, когда он встает для того, чтобы читать – говорится в отчете – руки у него дрожат до того, что он едва видит книгу; начинаете вы шутить с ним, он не ответит вам улыбкою, потому что «в школе нельзя смеяться»; похвалите вы его или скажите ему, что вы ожидали от него лучшего ответа, ничего не выразит лицо дитятки, самолюбие не заговорит в нем; все забито школой, в которой он 8 лет проводит под палкою учителя; в которой он сидит одним годом дольше, чем в гимназии, для того чтобы решительно ничему не научиться. В одной из колоний, заметив, что дети держат себя немного свободнее, чем в остальных, я сказал учите-

лю, что такое явление чрезвычайно приятно и, несомненно, доказывает, что он ласковее других учителей обходится с детьми, что бьет он их реже, чем в прочих школах. На это отвечает учитель: «О, да мне случается *даже иногда* являться без палки в школу».

Заметьте, что русский школьный учитель никогда не даст такого ответа. Он, если и выдерет иногда ученика, то выдерет как бы секретно, а ревизору объявит, что он никогда и не думал сечь кого бы то ни было: сохрани Бог! В особенности это свойство в русском характере обозначилось в последнее время, когда и само начальство как будто начало сомневаться, уж полно следует ли и в самом деле сечь учеников? При этом оказывается, что в русских школах слишком уж сильно даже и выгодно, потому что само количество учеников сейчас ж уменьшится, тогда как немецкие родители, по-видимому, любят, если детей их секут. Барон Корф раз рассказывал немецкому учителю, как мальчик зарыдал горькими слезами вследствие того, что отец, по бедности своей, не смог опустить его в школу (впрочем, не мешает заметить, что школы-то подобные существуют разве в одном только Александровском уезде Екатеринославской губернии), и немецкий учитель, разумеется, не вполне поверил рассказу, отвечал: «Нет, у нас совершенно иные дети; они ждут освобождения от школы, как избавления». <...>

Отечественные записки. 1869. №7, июль. – СПб., 186. С. 83-129.

Белов И.

***Значение семинарий сельских учителей в деле
народного образования***

Данный источник продолжает серию «писем в редакцию» на злободневные темы российского образования. Автор статья И. Белов, вероятно всего, – учитель – рассуждает на такие интересные и актуальные темы, как какими качествами должен обладать народный учитель и директор училищ, чтобы увлечь детей; роль доброты в процессе воспитания и обучения, знание психологии российского крестьянина и сельского ребенка и пр.

<...> По отношению к воспитанию дети, взятые из крестьянской среды, представляют много хороших сторон и немало дурных, хотя к великому счастью, первые берут видимый перевес. Добродушие, готовность принять всякий верный совет и всякое замечание, мягкость природы, если только она согревает лучами любви воспитателя и в то же время поразительная умственная неразвитость, непомерная грубость в словах, действиях. Грубость это, как страшная кора, не дает возможности пробиться наружу ни одному доброму, душевному движению, между тем чувствуешь, глубоко сознаешь, что на дне души питомца лежат славные, хорошие семена, но добраться до них, оживить их нелегко. С одной стороны охраняет вход в них грубость, о которой мы сказали, с другой стороны – страшная умственная неразвитость.

Об эту умственную неразвитость едва не разбивает вся педагогика. Иначе, легко воспитателю, мало знакомому с детской природой, с природой нашего народа в особенности, впасть в ошибки по отношению к заключениям о тех или других душевных явлениях питомца. Вы говорите ему с жаром о гнусной стороне известного его проступка, выкладываете, так сказать, всю свою душу, и поражаетесь хладнокровием, бесчувствием, с которым питомец выслушивает вас. Пораженные подобным бесчувствием, вы вблизи к тому, чтобы придти к заключению о нравственной неискренности его, испорченности. Но к счастью, добрый гений останавливает вас на пути к тому заключению: продолжая беседу с ним. Вы, наконец, убеждаетесь, что совершенно напрасно тратили порох, питомец просто не понял вашего языка, ни гнустности проступка, ибо тот же самый проступок никто, никогда, в его среде не только не считалась гнусным, но даже просто никто не считал подобный факт проступков по отношению к нравственности. Замечание о том, что неприлично будущему народному учителю, так или иначе, выражаться, так или иначе держать себя – все это требует неустанных толкований, объяснений, но все это принимается необыкновенно туго, ибо составляет для ученика новость неслыханную. Между тем взятая сама по себе, натура крестьянина-ученика необыкновенно симпатична: если вы с ним, как говориться, стали друг друга понимать, если он, наконец, убедился, что вы, действительно, желаете ему добра, то будьте, уверены, что он употребит все усилия, чтобы не потерять вашей любви и вашего доброго к нему внимания. Сняв хотя часть пластов, наложенных на мозг влиянием воспитавших его среды, вы ясно убедитесь, что под пластами лежит чудесный здоровый смысл, этот, если можно так выразиться, особенный прирост к умственным силам нашей русской природы. Об охоте к учению, об их прилежании решительно не может иметь понятия того, кто не стоял к ним близко. Никогда никаким гимназистам не дойти до той ступени прилежания, на которой постоянно стоят наши крестьяне-ученики. Они с жадностью поглощают, истинны науки: учатся без понуканий, без принудительных дисциплинарных мер, хотя усвоение этих истин совершается посредством тяжких трудов. Прежде, чем семинарист разовьется умственно, он должен принимать истины науки преимущественно путем памяти. Подобный труд, без всяких дальнейших комментариев, есть действительно тяжелый труд. В этом случае личность директора равным образом получает огромное значение. Плохой педагог-директор, незнакомый с нашим народом и условиям, при которых развивается его интеллектуальная жизнь, никогда не выдавший сельских школ, в которых по преимуществу можно определить степень развития духовных сил народа. Такой директор, по отношению определения степени прилежания своих питомцев, количеству ума, которым наделен каждый из них, впасть в огромные ошибки.

Плохой педагог – директор, не зная народа, не подозревая о существовании на ум, без сомнения не в силах и понять, что его питомцы

именно и должны быть специально приготовлены к тому, чтобы уметь постепенно снимать упомянутые пласты, иначе сказать, уничтожать в духовной природе народа суеверие, предрассудки, умственную неподвижность. Но с подобными болезненными наростами может обращаться только педагог по призванию, ибо воспитатель не педагог, если и доберется до сознания, что действительно ум его питомцев покрыт означенными пластами, то, пожалуйста, начнет их снимать таким образом, что его процесс снятия пластов породит страшно болезненное ощущение. Иначе сказать, не педагог воспитатель объясняя, толкуя какие бы то ни было, даст почувствовать своим питомцам, и может быть очень резко, что они тупые, что до их мозга надобно долго и долго добираться. С такими приемами, пожалуй, придешь к результатам, совершенно противоположным тем, к которым думал придти. Из всего нами сказанного ясно следует, что позади директора семинарии должно стоять близкое знакомство с народом, его историей, его литературой – словом, со всем, что может выяснять причины, образовавшие те или другие народные свойства. В этом отношении лучшие директоры семинарий – лица, близко знакомые с сельскою школой. Только знания народных свойств в силах объяснить педагогу-директору что, как, возможно говорить с питомцем, если хочешь, чтобы слова приняли плод, а не были одним бесполезным упражнением в говорении. <...>

Иначе сказать, странно было бы доказывать, что директор должен быть высоконравственный человек, доказывать, что воспитывают не слова, а примеры, что немислимо доброе влияние воспитателя в том случае, если воспитатель говорит одно, а делает другое, если добро, нравственность у него на устах, а не в сердце. Дети превосходно умеют подмечать в своих родителях, воспитателях и учителях этот разлад слова с делом. Для воспитателя нет строже, страшнее суда, как сами дети. <...>

Отечественные записки. 1872. № 6, июнь. – СПб., 1872. С. 182-216.

Иванюков И.

Очерки провинциальной жизни

Автор заметки об одной из провинциальных школ И. Иванюков раскрывает роль, какую играет школа в одном из донских сел, пишет о ее практической ориентированности на нужды сельского хозяйства.

<...> Конь-Колодезская школа, расположенная на берегу Дона, около села Конь-Колодезя, открыта 1 октября 1889 года. Основана она воронежским земством при пособии правительства. Под усадьбу отведено более 411 десятин казенной земли; для основания школы земством ассигновано 13000 рублей, кроме того, от казны идет ежегодно субсидия в 3000 рублей. Усадьба имеет вид поселка; помещение школы, жилище учеников и хозяйственные постройки светлы, просторны, но в то же время чрезвычайно просты. Арсенал землевладельческих орудий не

велик, но вполне достаточен для начального знакомства с усовершенствованными орудиями. Курс учения в школе трехлетний с тремя классами; возраст поступающих учеников не менее 15 лет; для поступления знания курса начального народного училища. Число учеников при осмотре школы доходило до 90-80 % из крестьянских семей.

В школе, кроме общеобразовательных предметов, проходятся специальные: 1). Объяснение простейших способов измерения земли. 2). Основные сведения из естественных наук. 3). Практическое земледелие с кратким изложением плодоводства и огородничества. 4). Скотоводство и простейшие способы скотоврачевания; краткий курс пчеловодства. 5). Главнейшие законы, относящиеся до крестьянского быта. Общее число рабочих часов вместе с классными занятиями и с приготовлением уроков от 10 до 12 в день. По окончании курса ученик должен пробыть один год в каком-либо сельском хозяйстве, тогда он считается окончившим полный курс.

Весеннее время, конец апреля, когда мы были в школе, – пишет г. Веретенников, – время целого ряда полевых работ, огородных и садовых. Обходя полевой участок, питомники, огороды, всюду мы видели серенькие блузы воспитанников. Одни воспитанники самостоятельно производили пахоту плугами, другие работали в питомниках и огородах, наконец, в конторе. Таким образом, мы убедились, что вся сложная сельскохозяйственная работа ведется в школе почти исключительно воспитанниками, при постоянном наблюдении и досмотре преподавателей, каждого по специальности. Но особенно ценно то, что все работы исполняются не по обязанности, а под влиянием интереса к делу и сознанного долга. В праздничные дни и часы отдыха, каждый из воспитанников занят на отведенном в его полное распоряжение маленьком участке земли (2 квадр. сажени). На такой клочок земли дается одно фруктовое дерево из питомника и разные семена. Надо видеть, с какою заботливостью ученики относятся к этим участкам, в распоряжении которых они полные хозяева, чтоб оценить всю целесообразность такого педагогического приема. <...>

<...> Конь-Колодезская школа, помимо даваемого ею ученикам образования, имеет еще и другое значение: она уже и теперь оказывает непосредственное влияние на окружающее крестьянское население. Влияние это сказывается, во-первых, в том, что школа продает крестьянам хорошие и разнообразные семена, а во-вторых, что она постепенно становится центром, куда адресуются крестьяне из соседних уездов с разного рода справками, советами и просьбами. <...>

Русская мысль. Ежемесячное литературно-поэтическое издание. Год пятнадцатый. Книга I. – М., 1894. С.201-221.

Сиповский В.

Письмо из деревни

<...> Особенно жаль, читаем в письме, деревенских детей, подростков, смысленых, пытливых, переменчивых и мало-помалу тупеющих,

развращающихся среди пьяного, грубого деревенского населения. Божьей благодатью является для села церковь, если в ней священник, стоящий на высоте своего положения, не изнывающий сам в тяжелой нужде и умеющий говорить с народом по душе, – понятным ему словом. Но, припомним, сколько у нас в России на село с церковью приходится глухих деревень, иногда отстоящих на десятки верст от сел. Припомним так же, как тяжело положение у нас сельского священника, особенно многосемейного. Нередко приходится опасаться, чтобы гнетущая нужда, непрерывная работа не понизила умственный и нравственный уровень сельского священника до той степени, на какой стоит крестьянин. Где же тут рассчитывать на то, чтобы священник мог поднять нравственный и умственный уровень крестьянина? Школы так малочисленны у нас и в большинстве случаев так плохо поставлены, что далеко не всегда оказывают необходимое просветительское влияние на деревню. Научить кое-как грамоте еще не значит принести большую пользу делу просвещения. Во-первых, плохо читающий, едва бредущий по книге, парень обыкновенно не может иметь особенной склонности к чтению; едва ли найдутся у такого читателя и слушатели, могущие своим вниманием поощрить его; при том по большей части и книг, подходящих в деревне не найдется, и плохо читающий скоро и вовсе забывает грамоту. Во-вторых, нередко и те, которые хорошо справляются с механизмом чтения, не могут извлечь из своей грамотности пользы: до сих пор наши деревни и села нуждаются в хорошей книге. Далеко не при всех школах существуют библиотеки; далее, народ наш при крайней бедности не может уделять пятаки на покупку хотя бы и грошевых изданий. Наконец, по свидетельству лиц, хорошо знающих деревню, среди сельских и деревенских жителей не столько распространяются хорошие дешевые издания, в роде изданий фирмы «Посредник», сколько печатный мусор, в огромном количестве выбрасываемый на книжный рынок московскими книгоделами, в миллионах экземплярах разносимый книгоношами по русским деревням.

Книги эти, по большей части совершенно безграмотные и бессмысленные, порой даже и вредные, не могут служить к просвещению темного люда. Невольно удивляешься, при виде надписи на них «Цензурой дозволено». Неужели безграмотные и бессмысленные книги, при помощи которых выманивают трудовые гроши у нашего бедного сельского народа, – книги, которые сбивает с толку, засаривают голову малосведущих людей вздором, а те вредные книги? Неужели не следует поудержать невежественных книгопромышленников от их хищнических предприятий?

Для того чтобы водворить в народ прочное и плодотворное просвещение, необходимы совокупные и дружные усилия и церкви, и правительства, и общества.

Народное образование. Ежемесячный педагогический журнал. 1893. Том 1. – СПб., 1893. С. 89-90.

Народный учитель в деревне и его судьба (Письмо в редакцию)

Этот источник является продолжением рубрики «письмо в редакцию» в журнале «Вестник Европы». Народное воспитание и образование, роль учителя, его судьба, условия работы являлись для российской общественности в начале XX века весьма актуальными, на что в очередной раз обращает внимание редакция журнала. В исключительных случаях авторы подобных статей известны, но, как правило, это анонимные публикации. При этом важность и актуальность данной тематики не утрачивается.

Из лиц, служащих в разных ведомствах, едва ли на кого возлагается столько разнообразных обязанностей, сколько приходится выполнять их нашему народному учителю. Помимо прямого своего дела, учительства, он должен быть еще садоводом, огородником, пчеловодом, регентом церковного хора, библиотекарем, переплетчиком, лектором на публичных чтениях, преподавателем гимнастики, ручного труда, а иногда и школьным лекарем. <...> Дурной воздух классных помещений не так вредно действует на учеников, как на самого учителя, потому что, как известно, крестьянские дети с пеленок привыкли к антигигиеническим условиям жизни, отличаются громадной выносливостью, да к тому же, во время перемены между уроками, они могут отдохнуть и порезвиться на открытом воздухе; но учителю нет покоя и в перемены.<...> Народный учитель более, чем всякий другой преподаватель, должен быть не только учителем, но и воспитателем, так как крестьянские дети во многих проявлениях жизни добрый пример, доброе влияние, только в школе. <...> Неряшливость, грубость деревенских ребят, привычка говорить непечатные слова, имеющие в деревне полное право гражданства, плевать и сморкаться куда попало, исполнять свои естественные потребности чуть не среди улицы – известны каждому. Сколько нужно умения, сил и терпения, чтобы, хотя отчасти ослабить эти дурные привычки! Учителю необходимо распространять свое влияние на детей не только в стенах школы, но и во время игр их на улице, и даже дома.

Учение в сельской школе обыкновенно оканчивается в три часа полудни, но учитель редко уходит из класса раньше четырех часов. Одним из учеников надо подготовить книги для чтения, другому надо дать бумаги, нередко учителю приходится изображать из себя «судью» и решать дела «по жалобам потерпевшим». Учителю не остается время для отдыха, и вечно он занят: то исправлением тетрадей, то введением классного журнала и подготовлением к занятиям на следующий день. У каждого из учеников среднего и старшего отделения бывает три, четыре тетради: одна для арифметики, вторая для диктовки, третья для письменного изложения прочитанных статей и орфографических изложений, – которые необходимо исправлять, по крайней мере, три раза в неделю. Я не считаю тетрадей по чистописанию, которые обыкновенно исправляются в классе, но во вторую половину года и в младшем отделении ученики пишут в тетрадях, так что при 60-70 учащихся в иной вечер приходится исправить до 100 тетрадей.

Вследствие разбросанности наших русских деревень и широты школьных районов, детям иногда приходится ходить в училище за три и даже 5 верст. Поэтому многие ученики ночуют в школе. Учителю необходимо наблюдать и за этими учениками и руководить вечерними занятиями. <...>

Вестник Европы. Журнал историко-политической литературы. Год 36, октябрь, 10. – СПб., 1901. С. 786-796.

Клод С.

Десять лет в сельской школе

(Мысли и впечатления сельского учителя)

Приведенные ниже заметки отражают наблюдения сельского учителя С. Клода о жизни в деревне, о низкой ценности образования в повседневной жизни крестьян, о тяжелом существовании учителей, их низкой зарплате и убогих условиях жизни. Этот документ интересен, кроме всего прочего и тем, что, содержащиеся в нем замечания, позволяют говорить, что в 1911 году тон подобных писем не изменился со времен 60-х XIX в.

<...> Десять лет я живу жизнью деревни и наблюдаю ее проявления. Я свыкся сначала с внешней обстановкой этой жизни, а потом понемногу начал определять и ее внутренний смысл и значение. Жизнь в деревне идет по исстари установленному, узаконенному неисходной нуждой и вековым рабством руслу темной крестьянской обыденщины и серой незавидной доли существования. Картины этой жизни, по внешнему виду, вовсе не сложны.

<...> Рождение ребенка в современной крестьянской семье редко несет с собою радость. Зачастую ребенок является лишним ртом, для которого отец не всегда в состоянии припасти пропитание. Растет ребенок деревни, почти всегда не пользуясь особым вниманием и заботами родителей, которые исключительно и всецело преданы заботам о средствах к существованию. Все рядовые крестьяне по большей части – полусознательные бойцы за убогое существование. Всю жизнь они «маются», добывая насущный хлеб и совершенно игнорируя тех, для кого они, в конце концов, труятся, – детей. Не новость встретить в деревне хромого, слепого, припадочного или горбатого ребенка, который изучен по беспризорности и той слишком незначительной долей внимания, которую находили возможность уделять ему вечно занятые труженики – мать и отец. Убийственная статистика смертности детей деревни красноречиво говорит за справедливость этого.

И вот ребенок растет. Жизнь и доля родителей делаются жизнью и долей ребенка. Внешнее убожество жизни, со всеми неприглядными сторонами и свойствами, с неизбежностью неумолимого рока, впитывается в его существо и постепенно заполняет все внутреннее содержание юного ума и сердца. Из подрастающего поколения вырабатыва-

ется до мельчайших подробностей схожий с родителями человек, обрекаемый снова на этот жалкий кругооборот жизни.

<...> Положение школы в деревне в настоящее время, как и десять лет тому назад, во всяком случае, не из блестящих. Работа ее сведена до minimum'a, результаты ее весьма и весьма проблематичны, и она в лучшем случае добродушно признается вещью, пожалуй, нужной и только-только терпится населением.

<...> Еще хуже положение учительницы. Наши земства и особенно – церковное ведомство постоянно и охотно заполняют свои жалкие школы с мизерным 120-160-рублевым содержанием, женщинами. Мужчине, да еще семейному, жить на это нет возможности, тогда как барышня «временно» очень охотно занимает это место, чтобы при первой возможности променять его на более лучшую должность. Население деревень это отлично понимает и реагирует на это по-своему. В земские управы, к инспекторам и даже к директорам народных училищ летят приговоры и требования, чтобы учительниц в села не присылали, иначе общества крестьян отказываются содержать училища. <...>

Педагогический листок. Журнал для воспитателей и народных учителей. 1911. Книжка четвертая. – М., 1911. С.233-256.

Вахтеров В.

Всеобщее обучение в малонаселённых местностях и школьная сеть

Данная статья принадлежит перу известного русского педагога, методиста начальной школы, инспектора народных училищ в 1881-1896 гг. В.П. Вахтерова (1853-1924 гг.). Это документ позволяет увидеть то, что проблема народных школ и распространения начального образования среди крестьянского населения, даже спустя 30 лет после либеральных реформ, оставалась острой и нерешенной. Перед обществом стоят те же проблемы, что и в 60-х гг.: крестьянские дети часто прерывают обучение в начальных школах, поскольку их труд необходим в домашнем хозяйстве, постоянно наблюдается нехватка средств для развития школы и отсутствие денег у населения для того, чтобы отправить ребенка учиться. В. Вахтеров, являясь непримиримым противником церковно-приходских школ, указывает на срочную необходимость введения бесплатного начального образования, поскольку он считает право на образование естественным правом человека.

<...> Правда, что в деревнях, удаленных от нормальных училищ, без этих отделений даже люди среднего достатка не имели бы возможности дать своим детям даже простой грамотности. Благодаря же филиальным школам, всякий крестьянин, имеющий возможность заплатить рубль в зиму за помещение и отопление школы, может дать своему сыну грамотность. Ему не придется даже тратиться за теплое платье для

сына: школа так близко, что ребенок добежит до неё и в той одежонке, в какой его обыкновенно выпускают на ушицу. Но кому не известно, что в наших деревнях есть и такие дети, за обучение которых некому заплатить и одного рубля в зиму. А до тех пор, пока хоть один ребенок не может, по бедности своих родителей, научиться читать, писать и считать, мы не можем признать организацию школьного дела сколько-нибудь справедливою. Если высшее и среднее образование ещё может составлять привилегию богатых детей даже такого обучения, какое дает филиальная школа. Много горя и зависти перечувствует оставшийся за порогом школы ребенок, много прольет он слез, когда увидит, что все его сверстники учатся в школе; какую отраву вольет в его душу сознание, что для него одного только, по бедности его родителей, затворены двери школы, куда с такою любовью и радостью бегут дети соседей. Да и не в духе русского народа не допускать бедноту до образования. Некрасовский дядюшка Яков даром дает азбуку деревенской сиротке и прибавляет: «Коли бедна ты, так будь ты умна!» Начальное образование должно быть даровым, потому что без этого оно не может быть всеобщим. Оно составляет право каждого ребенка и опирается на естественное право человека. Сам закон наш требует, чтобы родители давали своим детям «воспитание» и «образование»; но исполнение этого требования станет для всех возможным только с тех пор, когда начальные школы станут повсеместными, а обучение в них даровым. И если уж справедливо облагать кого платою, то уже никак не тех, кто отдает детей своих в школу, а разве тех, кто не хочет дать своим детям требуемого нашими законами «воспитания» и «образования». Министерская инструкция о плате за обучение в нормальных начальных школах («Инструкция для сельских министерских училищ», 55) требуют пересмотра. Деревенский мальчик может идти в кабак и в трактир, слушать там пьяную брань и непристойные песни, смотреть драку и за это не налагают на его родителей штрафа; но лишь только он задумает поучиться закону Божьему, чтению и письму и придет в школу, с него могут потребовать три рубля, – сумму, определенную инструкциею. На содержание школы идут, между прочим, земские и казенные деньги, собираемые со всех, – следовательно, тоже для всех должна существовать, по крайней мере, первоначальная школа, а это возможно только при даровом обучении. Правда, беднейшие дети освобождаются от платы за ученье. <...>

Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. Год восемнадцатый. Книга II. – М., 1897. С. 1-21.

Клод С.

Горячие завтраки для детей школьников

Журнал «Педагогический листок» является весьма информативным источником по таким проблемам, как методика преподавания различных дисциплин в народной школе на рубеже XIX –XX вв., роль

дополнительного художественного чтения в процессе обучения, устройство внеклассной работы и др. Оригинальный исторический источник предоставляет информацию о такой проблеме, как питание детей в школах. Деревенский учитель С. Клод рассказывает на примере одной из школ Ростовского уезда Ярославской губернии, как организованы горячие завтраки или «приварки», рацион таких завтраков, его стоимость, сколько детей обычно «приварком пользуется», поясняя, что это в основном дети из соседних деревень.

В громадном большинстве начальных школ, разбросанных по всем медвежьим углам губерний и уездов, отсутствие забот о сносном питании детей сказывается чрезвычайно ясно. Больше всего заметно это в тех школах, которые посещаются детьми из других окрестных селений. Школьник, явившись обычно с зарею в школу, остается здесь нередко до 3 и 4-х часов, пока не окончатся занятия и его не отпустят домой, куда ему предстоит идти еще 2-3 версты. В осеннюю распутицу и зимнюю стужу это для него является особенно трудным и часто служит причиною оставления школьником занятий гораздо раньше, чем это следует при нормальной постановке дела.

Краюха черного хлеба и пара вареных в кожуре картофелин, взятых им из дома, съедаются на перемене, при чем дело, конечно, не обходится без того, чтобы школьник за едой не пошалил и несколько раз не уронил своего скромного завтрака на пол, рассорив добрую половину его по классам <...> К сожалению, можно с грустью отметить, что жизнь нашего деревенского школьника до сих пор не обратила на себя должного и их внимания широких слоев русского общества; однако, все же нашлись люди, которые захотели прийти на помощь школьнику и сумели осуществить это устройством горячих завтраков или «приварков», при некоторых сельских школах.

Так, в Ростовском уезде (Ярославская губерния) горячие завтраки или приварки» были организованы на следующих началах.

В школе 50 или 60 учащихся. Приварком пользуются человек 40 или 45, – все учащиеся из других соседних деревень, приходящие в школу за 1-4 версты; местные же дети уходят завтракать домой. Завтракают в большую перемену в классе, под наблюдением учителя. Едят из общего блюда, человек по 5. Готовит сторожиха в училищной кухне. Девочки по очереди и по несколько в день дежурят, причем на обязанностях дежурных лежит наблюдение за порядком во время завтрака и помощь в уборке посуды перед и после завтрака. Дается одно горячее блюдо, мясное или постное: щи, суп, похлебка и пр. Хлеб дети приносят свой. Счет расходов на приварку, не считая затрат по обзаведению, отоплению и пр., показывает крайнюю дешевизну его стоимости. Израсходовано в учебный год:

Мяса 3 п. 2,5 ф	10 р. 96 к.
Картофеля	3 р. 30 к.
Капусты 8 вед.	1 р. 70 к.

Муки 15 ф.	60 к.
Снятков 7 ф.	99 к.
Масло постного 3 ф.	54 к.
Соли 12 ф.	40 к.
Сметаны и яиц	55 к.
Сахарного песка 3 ф.	50 к.
Изюма, чернослива и пр.	2 р.
Кухарке	2 р. 75 к.
Всего:	24 р. 29 к.

В других школах уезда, в которых введены горячие завтраки, общая сумма расходов на них повышается и в одном случае достигает 100 р. 32 коп., но в общем один завтрак обходится на каждого учащегося приблизительно около 1,5 или 2 коп.

Деньги эти частью могут вноситься более или менее состоятельными родителями учащихся, частью собираются из добровольных пожертвований отдельных лиц; но, разумеется, в подобных случаях неизбежны многие случайности, когда средств может оказаться мало или их может не быть и совсем, поэтому дело это необходимо взять в свои руки земствам и городским самоуправлениям, причем последним следовало бы установить, как принцип, что горячий приварок в школах должен быть непременно и общим явлением, а не исключительным делом случая и благотворения. <...>

Педагогический листок. Журнал для воспитателей и народных учителей. 1912. Книжка вторая. – М., 1912. С. 94-97.

Козлов С.И.

Школьные завтраки

Заметка С.И. Козлова продолжает развивать тему обеспечения школьников завтраками, но уже на примере не одной из школ Ярославской губернии, а на базе школы в Крыму. Если сравнить рацион детей, то он мало чем отличается.

Едва ли кто-нибудь станет оспаривать, что школьные завтраки настоятельно необходимы во всех школах – и сельских, и городских. Весь вопрос заключается в том, откуда взять средства на их устройство. По данным учителя С. Клода, напечатанным во второй книжке «Пед. Листка» за 1912 год, один завтрак на каждого учащегося обходится приблизительно около 2 коп. Наш личный опыт по устройству горячих завтраков для учеников показал, что один завтрак на каждого учащегося на южном берегу Крыма обходится приблизительно около 4 копеек, т.е. вдвое дороже. Завтраки устраивались на 70 человек. Пищевые продукты брались в следующем количестве. На борщ с салом (или мясом):

Капусты 10 фунтов по 4 коп.	40 к.
Морсу 1 фунт	12 к.
Картофеля 6 фунт.	14 к.
Бураков 4 штуки	10 к.
Муки пшен. 1 фунт	6 к.
Моркови 1 фунт	4 к.
Сала свин. 2 фунта	56 к.
Хлеба 30 фунт. по 4 коп.	56 к.
Итого	2 р.62 к.

Борщ постный: то же самое с заменой сала $\frac{1}{4}$ ф. грибов – 30 коп., $1\frac{1}{2}$ ф. подсолнечного масла – 24 коп. и 1 ф. луку – 4 коп., обходится 2 р. 64 к.

Кондер:

Пшена 6 фунт. по 5 к.	30 к.
Масла коровьего 1 фунт	50 к.
Сала свиного 2 фунт.	56 к.
Картофеля 6 фунт.	14 к.
Хлеба 30 фунт.	1 р. 20 к.
Итого	2 р. 70 к.

Гречневая каша с коровьим маслом:

Гречневой крупы 10 фунт. по 5 к.	50 к.
Масла коровьего 2 фунта	1 р.
Хлеба 30 фунт.	1 р. 20 к.
Итого	2 р. 70 к.

Тоже с подсолнечным маслом – 2 р.

Суп постный:

Рисовой крупы 4 фунт. по 9к.	36 к.
Подсолнечного масла $1\frac{1}{2}$ фунт.	24 к.
Картофеля 3 фунта	7 к.
Грибов $\frac{1}{2}$ фунта	60 к.
Моркови 2 фунта	8 к.
Лука 1 фунт	4 к.
Хлеба 30 фунтов	4 к.
Итого	2 р. 59 к.

Конечно, в тех местностях, где все нужные продукты значительно дешевле, завтраки будут обходиться почти вдвое дешевле. <...> Быть может, и у нас возможно устраивать завтраки более экономно. <...>

Педагогический листок. Журнал для воспитателей и народных учителей. 1912. Книжка пятая. – М., 1912. С. 365-368.

Звягинцев Е.

Экскурсии сельских школьников в город

Приведенные ниже две публикации написаны известным краеведом-методистом, деятелем народного образования России Е. Звягинцевым (1869-1945). Он создал ряд работ по вопросам педагогики, истории и статистики народного образования, школоведения, внешкольного образования, истории Москвы. Е. Звягинцев являлся составителем учебников, учебных и методических пособий, в краеведении обосновал метод «локализации», т. е. широкого использования местного материала на всех этапах обучения и воспитания. В старших классах предлагал ввести «Краеведение» (родиноведение). Указанные статьи посвящены такой проблеме, как организация внешкольных мероприятий и повышение заинтересованности школьников образовательным процессом посредством городских экскурсий для сельских школьников.

<...> Ученические экскурсии, под руководством учителя и учительницы, обычно не связаны органически с обучением. В огромном большинстве случаев экскурсия – это вставной эпизод в жизни школы, эпизод, быть может, поучительный и приятный, но не слишком связан со всем остальным преподаванием в одно целое.

<...> Познакомимся, прежде всего, с любопытным отчетом об экскурсии учеников Запрудновского земского училища Ковровского уезда в г. Шую. Экскурсию совершили в апреле 1914г. под руководством учителя Шмелева. Участников – 32 человека. Продолжалась один день. Дети в городе были около 12 часов, с 7 ч. утра до 7 ч. вечера.

Вдумчивый руководитель экскурсии старался ей передать чисто образовательный характер. Выразилось это не только в выборе места для осмотра, но также и в том, например, что на кануне экскурсии «с учениками была беседа о городе вообще, о возникновении городов и в частности об Шуе, её прошлом и настоящем». К сожалению, сведений о плане и содержании этой предварительной беседы г. Шмелев ничего не сообщать, но самый факт такой беседы мы не можем не отметить как одно из самых необходимых условий продуктивности учебной экскурсии. <...>

Поездки в губернские и областные центры, как это ни странно, практикуются из сельских школ не реже, а быть может, даже чаще, чем в свой уездный центр.

<...>Эта была двух дневная прогулка по городу и его учреждениям, прогулка туристского, так сказать, типа, но не учебная. Отчет его коротенький, и мы его приведем целиком почти. Оговоримся предварительно, что в экскурсии участвует 17 человек, окончивших в 1912-1913гг. и окончивших в 1914г. курс школы детей. Вот описание двух дней пребывания в Вильне:

«В первый день мы решили осмотреть исторические святыни города, а также ознакомиться с устройством храмов других вероисповеданий. В этот день посетили и осмотрели Остробрамский костель и чудотворную икону Божьей Матери, Св. Духов монастырь, Николаевский кафедраль-

ный собор, Пятницкую церковь, костелы – Св. Иоанны, бернардинскую кафедральную часовню ». В этот же день побывали в реальном училище, выстроенном по последнему слову гигиены и техники. Нам показали кабинеты: медицинский кабинет, столовую и электрическую вентиляцию, физические классы, актовый и гимнастический зал.

Дети только вздыхали, вспоминая свою убогую сельскую школу.

Во второй день мы посетили туберкулезную выставку, где молодой врач весьма популярно ознакомил детей с величайшим народным бичом – чахоткой и указал, как нужно себя беречь и с ней бороться. Затем мы посетили лютерскую кирху, которая накануне была закрыта. Отсюда мы направились в типографию Сырника. Здесь учащиеся подробно и обстоятельно ознакомились с книгопечатаньем. Больше всего заинтересовала нас наборная машина, которая набирает буквы, укладывает и отливает из цинка набранную строку. Из типографии Сырника в летний Пушкинский сад, осмотрели памятник Пушкину и по набережной прошли до Зеленого моста. <...> В музее дети увидели много, о чем читали в школе. Они восторгались красивым оперением птиц и дивной окраской насекомых, в особенности бабочек. Знакомые из моих рассказов и прочитанного в книжках с некоторыми сведениями о первобытном человеке и его культуре, здесь дети увидели орудия людей нашего края. <...> Все это, несомненно, останется на долго, в памяти детей. До обеда мы ещё успели посетить склад земледельческих орудий г. Наградского и ознакомиться с разного рода сельскохозяйственными машинами и минеральными удобрениями. Послеобеденное время мы решили употребить на увеселения. Кинематографические фильмы: «Штремера» и «Бронислава» после переговоров согласился представить нам бесплатно места во время сеансов. Так как у «Бронислава» была более подходящая программа, то мы решили пожертвовать одним кинематографом и отправились в «Брониславу» все мои экскурсанты первый раз в жизни были в кинематографе, и нужно было видеть их восторг и удивление, когда они увидели движущихся лиц на экране. Много было прекрасных видов Америки и в частности Кордильер. После сеанса дети неохотно выходили из зала и, видно, не прочь были видеть во второй раз, хотя бы и те же картины.

Вслед за теми детьми взобрались на Земскую гору, откуда любовались открывшейся картиной города. Наконец, отправились на вокзал, но по пути еще посетили «Японскую выставку». Там видели много вышитых на полотне шелком картин, разных художественных изделий ручной работы. Там же заведующий выставкой, рассказал детям, как в Японии возделывают рис. И только уже с японской выставки дети, совершенно усталые еле дошли до вокзала. <...>

<...> В тот же Саратов направляются школьники не из одного Саратовского уезда, даже не из Саратовской губернии. В экскурсии участвовало 76 учеников из 7 школ. Вот это описание, красноречиво говорящее, что, преследуя за одними «достопримечательностями».

С того момента, как экскурсанты выехали за пределы своих полей, началась для них новая интересная жизнь, полная разнообразных впечат-

лений и предметов, достойных внимания и изучения. Железная дорога этот обычный и довольно скучный способ передвижения для них целый мир, которым они восхищаются, которому требуются объяснения.

Нельзя описать те чувства радости и удивления – пишет один руководитель в своем отчете, что испытывали дети, сидя в вагон 3 класса. Сроду не выдавшего ничего, кроме крестьянских лошадей и фуры, они не могли себе объяснить, как это можно без лошадей поехать в город, да еще в таких хороших комнатных условиях. Экскурсанты ехавшие на пароходе, так же оставили без внимания всех подробностей устройства.

Прибытие в город, произвело на участников экскурсии, по их словам сильное и неизгладимое впечатление. Даже обыкновенная прогулка по улицам города, судя по отчетам руководителей, носила образовательный характер. <...> После сельской, тихой жизни, я был изумлен этим громом и шумом, который стоял в Саратове. Даже ученики наиболее развитые и много читавшие сознавались учителю, что они до сих пор не имели правильного понятия о жизни города и лишь теперь убедились, какая резкая разница между городской и сельской обстановкой.

Характерно то, что иные из учеников, высказывая свое восхищение и радость по поводу всего виденного, примечали и явления отрицательного характера. Один из них описывает завод. <...> За 3-4 дня наши экскурсанты осмотрели типографии, Радищевский музей, машиностроительный завод Беринга, музей общества естествоиспытателей, педагогический музей. <...> Одно лишь это перечисление, по мнению составителя отчета, указывает на сильную жажду учеников в действительном знании культуры, о котором они так много читали, так много слышали и которого еще не видели.

Педагогический листок. Журнал для воспитателей и народных учителей. 1916. Книжка первая. – М., 1916. С. 24-46.

Экскурсии школьников в город

<...> Считаю не лишним, привести это описание целиком:

По прибытию в Воронеж, каждая экскурсия первым посещала Митрофановский монастырь, а затем отправлялась в Петровский яхт клуб, где осматривала различные достопримечательности, модели кораблей и предметы эпохи царствования императора Петра Великого. Катание на лодке и купанье в реке приводило детей в восторг, особенно тех, которые живут в селах. После Яхт клуба отправлялись на городской водопровод. Где заведующий водопроводом инженер Савостьянов всегда сам лично руководил осмотрами водопровода и давал экскурсантам необходимые объяснения <...> Возвратясь вечером в Бунаковский дом и пользуясь имеющимся в нем водопроводом, дети уже имели ясное представление о том, откуда и как поступила в их квартиру вода, бежавшая из крана. После осмотра водопровода ребята мимоходом осматривали железобетонный Чернавский мост <...> Так же при этих станциях были открыты и земские курсы по пчеловодству. Далее экскурсантами осматривал-

ся музей при экономическом отделе губернской управы, где они знакомились с наглядными пособиями по сельскому хозяйству.

Народный дом осматривался экскурсантами, главным образом, после вечернего чая, а иногда и утром. Объяснения давались одним из членов комитета Народного дома. <...> В дом трудолюбия экскурсанты подробно и с большим интересом знакомились с различными ремеслами, с которым большинство из них, обычно были совершенно не знакомые ранее. Перед глазами деревенских школьников здесь набиралось, печаталась книга, переплеталась <...> дети осматривали и училища слепых, где их поражало то, что слепые, не видя совершенно ничего, могут обучаться грамоте, читают и пишут, плетут такие картинки, делают щетки. <...> Экскурсанты знакомились с восковой выделкой свечей. Много интересного для себя экскурсанты встречали в среднем механико-техническом училище императора Петра Великого. В мастерских дети знакомились с мастерскими, машинной обработкой дерева и металла. Перед деревенскими школьниками демонстрировались наглядные пособия. Многие из них в первые видели аквариум, чучело рыб, птиц. <...> В садоводстве Карлсона дети знакомились с культурой различных цветочных и декоративных растений с устройством парников и питомников. На колокольном заводе экскурсанты видели приготовление глиняных форм для колоколов.

На механическом заводе деревенские школьники знакомились с работами всех мастерских завода, начиная с модельной и кончая сборной мастерской, выпускающей машину уже готовой к работе. Деревенские школьники с удивлением смотрели на усовершенствование работы паровой мельницы. На паровой макаронной и вермишелевой фабрике дети с любопытством наблюдали за приготовлением теста машинным способом, а когда из круглых отверстий давяльных прессов медленно появлялась вермишель или макароны. На конфетной фабрике экскурсанты осматривали подробно все производство конфет, различных пряников и всевозможных кондитерских товаров, а в заключении администрация фабрики каждой экскурсии неизменно дарила конфеты, и довольные дети уносили теплое воспоминание от посещений той фабрики. Следующим было осмотрение табачной фабрики. Вследствие массы едкой табачной пыли, экскурсанты осматривали быстро, так как с непривычки трудно было дышать и смотреть. И дети, попав на фабрику, быстро начинали кашлять и усиленно моргать глазами. Здесь дети впервые видели необработанный табак в виде стебля и листьев и наблюдали, как из них выделяется курительный табак – махорка и нюхательный табак, как упаковался он для продажи. Из мест развлечения огромное впечатление на экскурсантов произвел цирк. Видя во время представления различные номера наездниц, клоунов, жонглеров, фокусников, дрессированных животных <...> экскурсанты не верили глазам и удивлялись.

Педагогический листок. Журнал для воспитателей и народных учителей. 1916. Книжка вторая. – М., 1916. С. 77- 93.

Дружинин Н.

В интересах молодежи и нации

Заметка Н. Дружинина посвящена такой проблеме, как проведение досуга и внеклассных мероприятий для школьников. Автор полагает, что озорные, хулиганские и даже преступные действия подростков происходят по причине их незанятости и «беспризорности» после уроков. Чтобы избежать этого автор предлагает в качестве одного из способов активное привлечение внеклассных мероприятий.

Нынешней весной в Петербурге произошел следующий случай. Два воспитанника частного реального училища едва не угнали катер речной полиции. Мальчики были задержаны в тот момент, когда готовились к отплытию в Финляндию с тем, чтобы оттуда пробраться в Америку. При них были найдены географические карты, древесный спирт, спиртовка, разные мелкие слесарные инструменты и полтора рубля денег. С этими средствами мальчики хотели совершить на катере кругосветное путешествие. <...> Случай курьезный. Но он не нов.

Каждый год на страницах печати отмечается не одна попытка юных искателей приключений, любителей диких стран, необитаемых островов, охотников до путешествий – дать простор своей фантазии, вырваться из обычной обстановки; форма, в которую отливаются эти стремления, – уродливая, подчас, как в данном случае, совершенно нелепая и дикая. Юные искатели приключений оказываются всегда совершенными детьми, поражающими своей наивностью. Их всегда ловят на первой станции и возвращают к неутешным родителям. С той головокружительной высоты, на которую они возводятся полетом своей фантазии, они быстро спускаются на землю, становятся лицом к лицу с голой, скучной, будничной действительностью. И эта действительность кажется ещё скучнее, ещё однообразнее. <...> Молодежь наша отличается крайнею физическою вялостью, отсутствием самостоятельности, инициативы, стремлением к насиженным местам, к казенной, канцелярской службе, к спокойному, обеспеченному существованию как можно раньше, тот час по оставлении школьной скамьи. Погоня за дипломами, а с ними за правами и привилегиями, предоставляемыми образованием, без стремлений собственно к науке, к чистому знанию, без готовности стать на какой-нибудь новый путь, испытать свои силы на новом поприще, проявить самостоятельность, энергию, упорство, волю, стойкость. И апатия, вялость вообще являются характерной чертой нации, объясняющеюся, конечно, рядом бытовых и исторических условий. Нация способна на порывы, может воспламениться при исключительных условиях, но – ненадолго. Чаше всего она пребывает в состоянии спячки, – после известного порыва тем более глубокой.

<...> Школа отличается сухостью, формализмом, требует зубрежки. Воспитание отходит в ней далеко на задний план перед обучением по узким программам схоластическим способом. Физического воспитания собственно не существует. Оно выражается лишь в редких уроках

гимнастики, проходящих в какой-нибудь душной зале и приносящих скорее вред, нежели пользу. Правильных игр не существует. Прогулки, экскурсии, наблюдения над природою, собирание коллекций – все это встречается только, как редкие исключения. Еще реже поездки, хотя бы недалекие, да и те, которые совершаются, ограничиваются посещением столиц, древних городов, обзором музеев, достопримечательностей. Они составляют продолжение школы, мертвых уроков, наставлений, – и так же мало дают приложения самостоятельности, инициативе, находчивости юноши. <...>

Педагогический листок. Журнал для воспитателей и начальных учителей. 1909. Год издания XLI. Первая книжка. – М., 1909. С.127-131.

Сестра Катя

Данный рассказ приведен в качестве дополнительной литературы (внеклассного чтения) в журнале методической направленности «Детский сад. Педагогический журнал для родителей, наставников и воспитательниц». Это вид источника дает нам возможность увидеть воспитательный потенциал, который несет в себе этот художественный рассказ. Анонимный, к сожалению, автор показал нам цельность натуры девочки Кати, отразил ее внутренний мир и ценностные ориентиры, которые в корне отличались от общепринятых в то время.

Редко можно было встретить другую такую девочку, как моя сестра Катя. Ее нельзя было назвать хорошенькой. Она была смуглая, почти как цыганка, у нее был широкий, некрасивый нос, большой рот и, несмотря на то, она нравилась всем с первого взгляда. Увидев её, все говорили, что за славное дитя. В её лице было такое открытое, прямое, смело выражение. Добрый, светлый взгляд с темно-карих глаз говорил, что у ней можно попросить о помощи в беде и положиться на её слово. Хотя Кате было всего 8 лет, но к ней всегда шли соседние крестьяне с просьбой выпросить у бабушки крупы или хлеба под весну, когда у них не хватало запасов, и никто не умел так, как Катя, выпрашивать у бабушки.

Катя была молодец, как говорил дедушка, потому что хотела быть молодцом. Нелегко ей давалась её смелость. Когда дедушка кричал на нее и я держала ее за руку, я чувствовала, как её рука дрожала и, после крика дедушки, я знала, что Катя будет беспокойно спать ночь, а к вечеру непременно спрячется в какой-нибудь угол и выйдет потом оттуда с красными глазами.

Дедушка и бабушка умерли, когда мне минуло 10 лет, а Кате – 8 лет. Мы были сироты. Нас отвезли в Петербург к нашему дяде опекуну. Грустно было расставаться с деревней, где мы выросли, где нам, кроме тех дней, когда случалась в доме беда, жилось так хорошо. Вся деревня собралась провожать нас.

– Сиротинки едут на чужую сторону, говорили, вздыхая, бабы, суя нам в повозку узелки с яйцами и пирогами. Катенька, мать родная, будем за тебя молиться. И долго бежали вслед за нами.

– Как они глупы! Ребенка зовут «мать родная», засмеялся неприятным смехом гувернантка, которую дядя прислал за нами.

– Они услышат, обидятся, что вы! Обернулась к ней живо Катя. Стыдно обижать, и снова высунувшись из повозки, кивала головой и посылала рукой поцелуи.<...>

– Вы забываетесь, – сердито отвечала гувернантка, и сильно дернув её, посадила возле себя. Вы мешаете мне. Сидите смирно. <...>

<...> Катя, которая ленилась в деревне, принялась учиться и во всех уроках была первой ученицей. У Кати были замечательные музыкальные способности. Она еще 6-летней девочкой, в деревне, самоучкой начала подбирать хороводные песни на старых дребезжащих клавикордах, которые стояли в бабушкиной гостиной, а к 8 годам умела прибрать, как она говорила, все что слышала. Учителя взяли хорошего. Он удивлялся способностям Кати и сказал, что из нее выйдет замечательная музыканта.<...>

Детский сад. Педагогический журнал для родителей, наставников и воспитательниц. 1873. Год восьмой. № 3. – СПб., 1873. С. 44-72.

Летние деревенские приюты-ясли

Наступает лето, и скоро начнутся полевые работы, отвлекающие женщин-крестьянок от дома, остаются только самые старые и самые малые. Дети не имеют в это время надлежащего ухода и надзора и питаются хуже обыкновенного, отчего у них развиваются разные болезни, неосторожно обращаясь с огнем, что является причиной опустошительных летних пожаров, уничтожающих и крестьянское имущество, и нередко самих невольных виновников бедствия.

Между тем, все это легко может быть предупреждено и страдная пора может сделаться моментом улучшения, а не ухудшения положения деревенской детворы, если на это время в деревнях будут открываться приюты-ясли. Наблюдения сделанные на этот счет в некоторых местностях, показали, что там, где устраиваются ясли, почти отсутствуют опустошающие детское население деревень летние желудочные страдания; реже происходят пожары.

Земство обратило внимание на этот предмет очень недавно, поэтому земских приютов-яслей устроено пока немного, но несомненно, что эту отрасль в ближайшее будущее ожидает широкое развитие.

Управа обращается к духовенству и учительскому персоналу с просьбой об устройстве таких яслей, обещая со своей стороны пособие в размере от 50 до 100 рублей на ясли.

В 1897 г. устроено всего 3 приюта, а в 1898 г. – их было уже 56.

В приюты-ясли принимались дети в возрасте до 2-х лет. Возрастает число, проводимыми детьми в приюте ночей отчасти объясняется тем, что в приют поступают дети не только из этого селения, где они помещаются, но из окрестностей деревень на расстоянии 1-5 верст от приюта. Были случаи поступления детей за 60 верст.

Наряду с земствами в создании приютов-яслей участвуют и частные лица и, вообще говоря, здесь открываются обширное и плодородное поле деятельности для лиц, желающих посвятить свои летние досуги на облегчение трудящегося люда.

По нашему мнению, эти приюты должны изменить свой облик: они должны распадаться на 2 отделения – одно для малолетних, другое, носящее характер трудового убежища, для более взрослых.

Сын Отечества, 1899. № 124. С. 1.

Пожертвование на школу

«Волгарь» сообщает, что крестьяне Гордеевской волости, Нижегородской губернии, 10 марта составили на сельском сходе приговор, из которого видно, что балахнинский купец, проживающий в селе Гордеевке, Теробелин, предложил крестьянам выстроить на свои средства в деревне Новой Ротманихе здание училища, с квартирою для учителя и мебелировкой, причем начать постройку с весны и окончить непременно к началу будущего учебного года. Крестьяне с благодарностью приняв пожертвование Теробелина, постановили: отвести под училище удобный участок земли, приняв на свой счёт содержание училища, как то: отопление, освещение, наем прислуги и ремонт в будущем самого здания. Приговор этот представлен земским начальником 2 уч., для передачи в земскую управу, так как крестьяне ходатайствуют пред земством об оказании содержания к открытию в их деревне училища, о приёме на счет земства и о снабжении на первое время необходимыми учебными принадлежностями.

Сын Отечества, 1897. № 98. 11 апреля. С. 3.

Школьные мытарства

Недавно в с. Лубянка Курского уезда открылась земская школа. Любопытная прелюдия этого дела. Дело о постройке этой школы, говорит «Курский Листок», тормозилось духовенством. Последнее доказывалось, что достаточно и одной церковно-приходской, существующей в Лубянке школы, что для нового училища не найдётся учащихся. Между тем, проживающий в Лубянке значительный процент обедневших дворян, которые, за отсутствием средств, обратились к своему уездному земству с просьбой открыть земскую школу, причем сказал, что, несмотря на 18-летнее существование церковно-приходской школы, в Лубянке насчитывается 69 грамотных, а детей школьного возраста (8-12 лет), находящихся вне школы, зарегистрировано 143. Кроме того, в жалком помещении церковно-приходской школы, учащихся было 30 человек. После долгих тормозов теперь открыта земская школа, на построение которой земство затратило 2400 руб., общество дало одновременно 150 р. и будет ежегодно выдаваться по 75 руб., а содержать вполне будет земство.

Сын Отечества, 1897. №100. 13 апреля. С. 4.

Развитие образования и воспитания в деревне проходило в рамках политики и финансирования земских учреждений и частной инициативы, нежели со стороны государства. Устанавливались строгие требования и цензурные правила для учебных планов, что было вызвано высоким уровнем преступности и элементарной неграмотностью, которая привлекала в эту среду политических агитаторов.

Среднее сельскохозяйственное училище для дворян

<...> Имея в виду затруднительность для небогатых дворян, в особенности для проживающих в имениях, воспитывать своих детей в существующих гражданских открытых учебных заведениях, а также принимая во внимание вызванными современными условиями в потребности в лицах, сведущих в сельском хозяйстве, равно как и в образовательных деятелях, которые были бы подготовлены местные общественные и административные должности. Дети дворян, проживая в недорогом интернате, получали бы среднее образование, такое, какое его дают реальные училища, но с включением в учебный план училища сельскохозяйственных предметов и основ законоведения.

Училище состоит из 8 классов. В первых 4-х общих классах, предметы преподавания полностью совпадают с учебным планом реальных училищ министерства народного просвещения, а 5-8 классы носят названия специальных классов, т.к. в них преподаются естественноисторические и с/х науки.

Принимать в 1 класс будут детей в возрасте от 9 до 11 лет, в 1-й специальный класс – не старше 15 лет. Плату за обучение предполагается взимать по 300 руб. в год. Ученикам, окончившим курс, предполагается предоставить право поступления в высшее образовательное учреждение.

Сын Отечества, 1899. № 32. С. 3.

Циркуляр министра народного просвещения о революционной пропаганде в России

В «Журнале министерства народного просвещения» напечатан следующий циркуляр господина министра попечителям учебных округов: «В декабре месяце 1874г., я препроводил к вашему превосходительству список книг и брошюр революционного содержания, с целью поставить о них в известность диктаторов и инспекторов народных училищ, при обозрении ими школ. Ныне министров юстиции доставил мне печатную записку о преступной пропаганде, обнаруженной в некоторых местностях империи. «Оказывается, что революционеры избрали оружием своей гнусной пропаганды ... – юношества и школу, прежде всего, в деревне. ... К сожалению, эти дети и юноши, вместо того, чтобы найти в окружающей среде и в своих семействах отпор преступным увлечениям и политическим фантазиям, встречают чаще, напротив того, одобрение и поддержку: в 37-ми губерниях, как обнаружено судебными исследованиями, некоторые отцы и матери подбивают к ним своих де-

тей. Основная причина этого явления – неграмотность, незнание законов. ... Пусть же наставники заменяют родителей – это их прямое призвание (меры борьбы).

Неделя, 1875. № 25. 22 июня. С. 810.

2-го сентября в петербургском родовспомогательном заведении прошел публичный экзамен воспитанниц из крестьянок, предназначенных к выпуску в сельские повивальные бабки. Экзаменовались, как передает «Голос», 22 молодые девушки, поступившие в заведения в сентябре 1874 г., причем 17 из них поступили в подготовительный класс, будучи уже грамотными; остальные же 5 обучены грамоте в самом заведении 14 воспитанниц-крестьянок обучались за счет псковского земства (оплата в год – 75 руб.), 4 – на счете пермского, 2 – стипендиантки олонецкого земства; сверх того, 2 воспитанницы были своеконтными. Все 22 экзаменовавшиеся удостоены свидетельства на право практиковаться в селах и местечках.

Неделя, 1875. № 36. 7 сентября. С. 1166.

Нам пишут. Полтавская губерния

Народное образование находится у нас в первобытном состоянии: какие были школы с 1-х дней открытия земства, около десяти лет, такие и остаются поныне: тесные, темные, с плохой мебелью, с недостатком учебных пособий, с неподготовленными дешевыми учителями. По степени образования, все они ученики уездного училища, уровень занятости которых низок в связи с вышеперечисленными обстоятельствами.

Неделя, 1877. № 39. 29 сентября. С. 1302.

Нам пишут. Из Киева

(о положении крестьян и южнорусского языка)

Вот несколько фактов из обыденной жизни местных крестьян, наглядно показывающих, как неудобно для них-то положение, в которое поставлен южнорусский язык. В народной школе мальчик читает книжку Ушинского: «кустарниковые: крыжовник, смородина» и т. д.

Что такое «кустарниковый»? – спрашивает учитель. Мальчик молчит. — Куст – что такое? – Молчание. А ты знаешь? Знаю, весело отвечает. – А что такое крыжовник? – Не знаю. – А грость знаешь? – Знаю; у моего отца много есть – говорить мальчик. – Так это же и есть крыжовник... Ну, смородина? – Мальчик вместо ответа улыбнулся и замылся. – Говори, говори, не стесняйся! ободряет учитель. – Э, це щось погане, не хорошо, ответил несмело мальчик. – Почему? – «Смородина!» – коротко отвечает мальчуган. И так приходится объяснять почти каждое слово! Спрашивается: какого можно ожидать успеха от подобного рода занятий? А вот «сочинение» ученика третьей группы, изложение содержания стихотворения «Вчера я отворил темницу». Большая половина слов остались те же и на тех самых местах, – остальные заменены малорус-

скими. Так: «я рощам возвратил пьвицу» – переложено: «я лесу вороти спивачку»... «Она исчезла, утопая в «яньи голубого дня, и так запела, улетаая, как бы молилась за меня» – переведено: «Она исчезла в сиянии дня и так запевала, що буцим молилась за мёне». Это сочинение одного из лучших учеников.

Неделя, 1881. № 6. 8 февраля. С. 223.

Разные разности

В Рязани, по словам «Новостей», открывается новое общество содействия воспитанию крестьянских детей.

Неделя, 1895. № 45. 5 ноября. С.940.

Нам пишут. Из Твери

Тверское земство решило добиться всеобщего обучения крестьянских детей. Особенно энергично действует уездное земство. В 1893 г. на народное образование оно затрачивало 23 % своего земского бюджета, в 1895 г. уже до 25 %. Количество земских школ растет: ежегодно открывается по семи или восьми новых школ, и всего теперь в уезде до 80 школ, а количество учащихся обоого пола поднялось до 6020 человек (за 3 последних года на 36 %). Поднимается и сам уровень образования. Общий процент окончивших курс равняется теперь 13 %, вместо 8 % за предшествующие годы.

Неделя, 1896. № 4. 28 февраля. С.45.

Нам пишут. Из села Богородского

Наше большое промышленное село терпит школьную нужду. Прошлый год более 150 ученикам отказано было в приеме за недостаткам мест, но на самом деле едва пятая часть желающих попадает в школы.

Неделя, 1896. № 18. 5 марта. С.537.

Разные разности

Обер-прокурором святого синода Победоносцевым сделано было через губернаторов предложение губернским земствам оказывать всевозможное содействие распространению школьного образования в народе, хотя бы через посредство более дешевых церковно-приходских школ и школ грамоты.

Неделя, 1896. № 18. 5 марта. С.577.

Нам пишут. Из села России (Нижегородского уезда, Воронежской губернии)

Как известно, девочек почти повсеместно мало обучается в наших сельских школах. Помимо всяких других причин, это объясняется уже тем, что школы наши и без того переполнены мальчиками и девочек некуда бывает помещать, кроме того, у девочек нет в большинстве своем

теплого платья – полушубков, и зимою им невозможно ходить в школу. Вполне устраняя эти препятствия, особенно последнее, в с. Россошах уже 4-й год существует летняя женская школа. Помещение для этой школы земское училище. Учение начинается с половины апреля, до половины июля, когда бывает страдная пора. Девочек обучается от 20 до 30, учится и 5-6 мальчиков.

Неделя, 1896. № 30. 28 июля. С.984.

Запросы сельской школы. (Письмо из деревни)

У нас в селении Каменном-Мост (Херсонской губ. Ананьевского уезда) целое событие: четыре ученика народной школы выдержали конкурсный экзамен и поступили в мигеевское сельскохозяйственное училище. Отцы да матери этих деревенских счастливых сияют от удовольствия, что их дети, не в пример другим, выйдут в люди. Решительно вся деревня заинтересована этими будущими агрономами; в домах родителей их бывало не мало отцов, дети которых посещают школу.

Рады эти крестьяне-отцы успехам детей, а с ними порадуется и всякий, кому дорого образование русского народа. Если бы земство могло послать на свой счет каждый год двух-трех лучших учеников в сельскохозяйственные училища или в учителя семинарии, как бы этим оно изменило взгляд крестьян на школу, как бы этим оно подкупило в ее пользу. Тогда бы школа не служила для крестьянина выигрышным билетом без выигрыша. Народ до сих пор придает школе мало значения. Если общество и выдает на школу деньги, то в этом играет роль распоряжение начальства, а не свое собственное убеждение. Мы, само собой разумеется, недовольны мужиком за его дикие взгляды, мы кричим, что школа развивает в человеке ум и чувства, что из книг он узнает свои гражданские права и обязанности, что благодаря чтений он улучшает свою собственную жизнь и т. д. Но не лучше ли обратить внимание на то, что представляет действительность? Когда учителями являлись дьячки, учили они бестолково, но дьячковская школа давала лучших начетчиков. Всякая книга на церковном языке считалась святой, читать ее полезно для спасения души. Грамотные ее читали и приходили в умиление, не понимая часто ни слова из читаемого. Крестьяне были довольны чтецами и школой. Ученики же новой школы хотя и понимают прочитанное, но все это не им ведь никакого отношения ни к спасению души, ни к деревенской жизни. Дети, говорят крестьяне, читают побасенки, сказочки про лисичку. За неимением книг, которые могли бы заинтересовать деревню, читается по большей части никому не нужный вздор и про домашних животных, которые известны каждому крестьянскому мальчику. Современная школа часто не дает того, что давала дьячковская. Если она, эта школа, и дает грамотных, из этого ничего не следует: евреи и татары все грамотны, но преобразованы. Обучение грамоте не должно быть исключительной целью школы, нужно чтобы человек, выучившись читать, приобрел охоту, к чтению, а для этого дол-

жны быть книги, отвечающая на его жизненные запросы. Нужно, чтобы жизнь была продолжением школы. В школе крестьянина, как и врача и землемера, нужно готовить к тому, с чем приходится ему встречаться в жизни. Начнем с того, что крестьяне не понимают своих прав и обязанностей и беззащитны против произвола всевозможных кулаков и своего же деревенского начальства, в лице писарей и старшин. Поэтому в школьную программу необходимо ввести разъяснение гражданских прав и обязанностей крестьянина. Крестьянин, по выходе из школы и получивши понятие о законах, касающихся его, будет искать совета в книге законов, будет знать к кому и как обратиться в том или другом случае. Введете в школьную программу законоведение, насколько это доступно ученикам старшего возраста, поднимет в школу крестьян и будет служить связью школы с жизнью.

Наш чернозем считается самой богатой почвой в мире, после почвы Нила, а какие урожаи у крестьян, благодаря отсутствию сельскохозяйственных знаний? На днях мне жаловался мой приятель – учитель, что не знает, что отвечать на вопросы директора или инспектора народных училищ. Учителя спрашиваю, что читает народ и есть ли у крестьян библиотеки? Что читает народ, действительно трудно ответить, так как и сам народ не знает, что он читает. Сегодня читается псалтирь, завтра какая-то книга без начала и конца, потом «Огненная женщина», «Житие святых», «Рак и его ловля», «Брат Яков» – сочинение Поль-де-Кока, опять какая-то книга без начала и конца. Вот ваши книги я видел, зайдя в дом одного грамотного крестьянина. Хороших книг для народа чрезвычайно мало, в особенности таких, которые касались бы деревенского быта, а крестьяне такими книгами, где пишется про хозяйство, очень интересуются. Доказательством может служить книга г. Чикаленко «Розмова про сельское хозяйство». Книгу эту крестьяне читают нарасхват. Но таких книг дватри да и обчелся, а осенние и зимние вечера очень длинные, и крестьянская молодежь, не зная, как убить время, идет на вечеринки. Для вечеринок выбирается хата какой-нибудь вдовы или вдовца, куда собираются девушки и парни, устраивают здесь попойку, если есть деньги, поют самые нецензурные солдатские басни и играют в любовь.

Неделя, 1898. № 8. С.265-267.

РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Толстой Л.Н.

Филипок

Был мальчик, звали его Филипп. Пошли все раз ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже идти. Но мать сказала ему: «Куда ты, Филиппок, собрался?» – «В школу». – «Ты еще мал, не ходи», – и мать оставила его дома. Ребята ушли в школу. Отец еще с утра уехал в лес, мать ушла на поденную работу. Остались в избе Филипок да бабушка на

печке. Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, а он стал искать шапку. Своей не нашел, взял старую отцовскую и пошел в школу.

Школа была за селом у церкви. Когда Филипок шел по своей слободе, собаки не трогали его, они его знали. Но когда он вышел к чужим дворам, выскочила Жучка; залаяла, а за Жучкой – большая собака Волчок. Филипок бросился бежать, собаки за ним. Филипок стал кричать, споткнулся и упал. Вышел мужик, отогнал собак и сказал: «Куда ты, постреленок, один бежишь?» Филипок ничего не сказал, подобрал полы и пустился бежать во весь дух. Прибежал он к школе. На крыльце никого нет, а в школе, слышно, гудят голоса ребят.

На Филипка нашел страх: «Что, как учитель меня прогонит?» И стал думать, что ему делать. Назад идти – опять собака заест, в школу идти – учителя боится. Шла мимо школы баба с ведром и говорит: «Все учатся, а ты что тут стоишь?» Филипок и пошел в школу. В сенцах снял шапку и отворил дверь. Школа вся была полна ребят. Все кричали свое, а учитель в красном шарфе ходил посередине.

– Ты что? – закричал он на Филипка. Филипк ухватился за шапку и ничего не говорил. – Да кто ты? – Филипк молчал. – Или ты немой?

Филипок так напугался, что говорить не мог. – Ну, так иди домой, коли говорить не хочешь. – А Филипк и рад бы что сказать, да в горле у него от страха пересохло. Он посмотрел на учителя и заплакал. Тогда учителю жалко его стало. Он погладил его по головке и спросил у ребят, кто этот мальчик.

– Это Филипк, Костюшкин брат, он давно просится в школу, да мать не пускает его, и он украдкой пришел в школу.

– Ну, садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, что бы пускала тебя в школу.

Учитель стал показывать Филипку буквы, а Филипк их уже знал и немножко читать умел.

– Ну-ка, сложи свое имя.

Филипок сказал: «Хве-и-хви, ле-и-ли, пе-ок-пок».

Все засмеялись.

– Молодец, – сказал учитель. – Кто же тебя учил читать?

Филипок осмелился и сказал: «Костюшка. Я бедовый, я сразу все понял. Я страсть какой ловкий!» Учитель засмеялся и сказал: «Ты погоди хвалиться, а поучись». С тех пор Филипк стал ходить с ребятами в школу.

Толстой Л.Н. Леун // Первая русская книга для чтения. 1875. С.78.

Эртель А.И.

Из одного корня (отрывок)

В приведенном ниже отрывке произведения А.И. Эртеля «Из одного корня» достаточно точно отражена степень ответственности сельских жителей за образования своих детей, понимание необходимости повышения уровня образованности деревенских ребят

тишек, и попытка организовать образовательный процесс всеми доступными способами.

<...> В один из таких сумрачных дней, когда я только что начинал пить свой утренний чай, совершенно неожиданно скрипнула дверь, и за перегородкой послышался тихий голос:

– Дома хозяин-то?

– Где ж ему быть? – вопросом же ответил Семен.

– Кто там? – спросил я, внезапно воспрянув духом.

– Мы, Миколай Василич, – вваливаясь в комнату, ответил мне неожиданный гость. Это был мужик из соседней деревушки Березовки, Василий Мироныч.<...>

Я знал, что Василий Мироныч чрез посредство своего знакомца, волостного писаря, хлопотал одно время в земстве об открытии школы в Березовке, но хлопоты эти успехом не увенчались, несмотря на то, что березовское сельское общество соглашалось, не только дать помещение для школы, но даже платить часть жалованья учителю. О причинах этого неуспеха толковали разно. Из компетентных источников мне не удалось узнать об них.

– Где же вы разыскали эту учительницу? Земство, что ль, прислало?

– Какое те земство – пропадай оно совсем с погрохом, – свою наняли!..

– Как же это так?

– Да как бы тебе сказать... с неделю, что ль... пожалуй, с неделю. Сижу я у Гераськи в избе, уж огонь засветили, глядь, в оконницу стучит кто-й-то... Ну, окликнули... просятя ночевать... Чьи будете, спрашиваем... «Тамлыцкие...» Куда едете? «С Воронежа, с богомолья, барыня, ахфицерша...» Пустили... Вошла она в избу, разделась... <...> а робятенки посередь избы толкуются... С эстого и речь повелась... «Что вы, говорит, робят грамоте не обучаете?» Как же их учить-то, мол? Сами не горазды, а училище – десять верст почитай... Самим чтоб завезть – невмоготу... Начальство тоже в резонт не принимает... А мы – всей душой... Тоже понимаем... темный человек, к примеру, аль письменный!.. Слово за слово... она и скажи: «Есть мое такое желанье, чтоб, значит, робят обучать, хотите ваших буду?..» А тут на огонек-то еще кой-кто из суседей подошел... Она, это, нам всем объявила... Мы было, признаться, и усумнились: не насмех ли, мол?.. Ну нет, – взаправду... Как не хотеть, говорим, только первое дело – невмоготу... заломит, думаем... А она на это нам: «Ну, в эфтом, говорит, мы с вами, старички, сойдемся, коли избу мне отведете, чтоб особняк значит, ну, харчи еще, – вот и ладно... а обучу как след, – с отца рупь...» Чего лучше?.. <...>

– Где ж вы ей особняк нашли?

– А Степаниды солдатки... Изба-то у ней хоша невеличка, зато чистая... да и топится по-белому... <...> А к ученице сестра Трофимова, Алена, перебралась... Видал? – девка-то... Уж она невеста, поди...

– Видал как-то на жнитве...

– Ну вот!.. Она ей и печку истопит и самовар согреет... Девка промзительная... И ее стала грамоте учить! – засмеялся Василий Мироныч.

– Это вы хорошо сделали, что учительницу наняли... Еще деды наши говаривали: ученье – свет, неученье – тьма...

– Истинно – тьма... Я говорю, свинью возьмем!.. Что ты с ей без грамоты-то поделаешь?.. <...> Куда ни кинь, везде письменному способнее... <...> Вот мальчонка-то обучится и – подсоба... А там пошпынял его маненько по домашности, да в город, в лавку... Пускай к купецкому порядку приобькнет... А уж в хрестьянстве – только грех один... <...>

Эртель А.И. Из одного корня // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века / Вступ. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. – М.: Современник, 1986. – С. 377-387.

РАЗДЕЛ III. ПРИЮТЫ, БРОДЯЖНИЧЕСТВО, МАЛОЛЕТНИЕ ПРЕСТУПНИКИ

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ

В социальной истории России впервые на государственном уровне будущностью детей-бродяг занялись при Петре I. Дети, происхождение которых было неизвестно, отправлялись в Монастырский приказ, дети крепостных – к их хозяевам. С 1805 по 1856 годы несовершеннолетние бродяги отправлялись в батальоны военных кантонистов, где они обучались грамоте и военному делу.

Сенатский. – О разрешении вопросов, как поступать с бродягами от 17 до 20 и от 20 до 25 лет?

<...> бродяг до 17 лет велено отсылать в Военно-Сиротские отделения <...> по мнению Государственного Совета в 22 день Марта 1828 года, бродяги малолетние мужеского пола только до 17 лет имеющие, должны поступать в кантонисты <...>

Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Том VII. 1832 г. – № 5145. – Февраля 9. – СПб., 1833. С. 64.

Сенатский, по Высочайшему повелению. – О принятии в батальоны военных кантонистов детей, при бродягах находящихся, по достижении семилетнего возраста.

<...> Государь Император, в пояснение мнения Государственного Совета 5 июля 1831 года, высочайше повелеть соизволил: «детей сих передавать из приказов общественного призрения в батальоны военных кантонистов, по достижении восьмилетнего возраста».

Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Том VI. 1831 г. – № 5222. – Марта 9. – СПб., 1832. С. 135.

Для освоения новых земель правительство Российской Империи вело политику, поддерживающую землевладельцев на вновь присоединенных территориях. Переселяющихся крепостных крестьян с их семьями их прежним владельцам не возвращали, а выплачивали за них денежную компенсацию.

Высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета. – Об оставлении при мужьях и отцах, являющихся в Новороссийский край и Бессарабию, жен и малолетних детей

бродяг, которые приписались там на основании указов 9 ноября 1827 и 18 августа 1828 гг.

Явившихся в Новороссийский край и Бессарабию и ныне на месте действительно уже находящихся детей, не достигших еще 14-летнего возраста, пришедших к людям, приписанных там на основании указов 9 ноября 1827 и 18 августа 1828 гг. к помещичьим или казенным селениям, оставлять при них по достаточном доказательстве <...>

За оставляемых при отцах малолетних детей, по достижении ими 14 лет, мужского пола взыскивать по 125, а женского по 50 рублей асигнациями за каждую душу в пользу тех владельцев, коим они принадлежали, если в течение двух лет со дня отлучки из имения открыт будет иск от сих владельцев.

Если пришедшие под предлогом законных детей, не будут иметь достаточных на сие доказательства и взятые начальством справки также не подтвердят их показания: то с таковыми поступать на общем основании о беглых или бродягах; укрывающие же их от преследования закона имеют быть немедленно подвергаемы тем взысканиям и наказаниям, кои за сие установлены.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Том VI. 1831 г. – № 5232. – Марта 15. – СПб., 1832. С. 137.

Высочайше утвержденное Положение комитета Министров объявленное Сенатом 15 Апреля. – О распределении беглых помещичьих крестьян.

<...> 2) Всех таковых людей, не делая о них никаких предварительных разысканий <...> отдавать впредь немедленно в солдаты <...> 5) Действие сих правил распространить во всей силе и на тех сего рода людей, кои находятся уже в Астраханской губернии и Кавказской области, на следующем основании: в) детей, прижитых по определении отцов в военную службу, оставлять на общем основании невозвратно в Военном ведомстве; прочих же, хотя бы отцы их обращены были в военную службу, дозволить возвращать помещикам и ведомствам. <...>

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II. Том VIII. 1833г. – № 5978. – Февраля 14. – СПб., 1834. С. 96.

Рассмотрением уголовных и гражданских дел, совершенных несовершеннолетними, занимались Совестьные суды, учрежденные Екатериной II. При вынесении приговоров учитывался возраст несовершеннолетних. Дети делились на 4 группы: 1) от рождения до 10 лет; 2) от 10 до 14 лет; 3) от 14 до 17 лет; 4) от 17 до 21 года. Законодательство Российской Империи предусматривало наказание для каждой возрастной группы.

Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. – О предоставлении дел о малолетних преступниках в Сенат,

установленным для уголовных дел порядком, из тех Губерний, где нет Состных Судов.

<...> постановить, чтобы дела о малолетних преступниках по тем губерниям, где нет Состных Судов, представляемы были в Правительствующий Сенат установленным для уголовных дел вообще порядком, то есть с заключениями Уголовных палат, или других равных им мест и с мнениями Начальников Губерний.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Том VII. 1832 г. - № 5505. - Июль 17. - СПб., 1833. С. 96.

**Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. –
О суждении малолетних преступников.**

Государственный Совет в Департаменте Законов и в Общем Собрании, рассмотрев возникший по делам в оный поступающий, вопрос, о неудобствах встречаемых в исполнении указа 23 Августа 1742 года, относительно несовершеннолетних преступников, мнением положил: 1) Недостигших еще десятилетнего возраста, за учиненные ими уголовные преступления, не предавая суду и не наказывая, отдавать на исправление родителям, родственникам или опекунам. 2) По преступлениям, подлежащим торговой казни, учиненным несовершеннолетними от десяти до четырнадцати лет, Состный Суд или место сими делами заведующее, приступая к рассмотрению дела, имеет прежде всего постановить и решить вопрос: с разумением ли учинено подсудимым преступление или без разумения? И основав на сем заключение свое о подсудимом, вносить оно в Правительствующий Сенат во всех тех случаях, в коих сие законом установлено. 3) Правительствующий Сенат, приступив к рассмотрению дела, имеет также прежде всего рассмотреть и решить вопрос: с разумением ли учинено несовершеннолетним преступление, или без разумения? И когда решит, что с разумением, то, несмотря на различие лет, прилагает сообразно степени вины подсудимого, наказания, установленные общими законами, кроме ссылки в каторжную работу, наказания кнутом и наказания публично плетьми. 4) По преступлениям сего рода, учиненным несовершеннолетними от 14 до 17 лет, когда доказано будет, что преступление соделано с разумением, преступники избавляются только от телесного наказания, но не освобождаются от ссылки в каторжную работу <...>

Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Том VIII. 1833г. - № 6288. - Июня 28. - СПб., 1834. С. 379.

**Устав Уголовного Судопроизводства. Издание 1885.
Глава VII. О порядке производства судебного следствия.**

706. Не допускаются к свидетельству под присягою:

2) малолетние, не достигшие 14 лет <...>

Свод законов Российской империи. Т. XVI. - СПб., 1892. С. 133.

Законы Судопроизводства Уголовного. Издание 1885.

Отделение 11. О допросе свидетелей.

262. Не допускаются в деле уголовном к свидетельству под присягою: 1) малолетние, не достигшие пятнадцатилетнего возраста <...>

263. Равномерно не допускаются в деле уголовном к свидетельству под присягою:<...> 3) дети против родителей; но родители от свидетельства устранены быть не могут. <...>

Глава VI. О производстве дел, подлежащих совестному разбирательству.

666. Дела малолетних, имевших во время совершения преступления не более четырнадцати лет, подлежат совестному разбирательству, когда они не находились в сообществе с преступниками старшего возраста <...> на общем основании, но вопросом о том, с разумением ли действовал малолетний <...>

674. В отношении разбора дел об оскорблениях родителей детьми соблюдаются следующие правила: 1) От родителей <...> не требуется никаких доказательств; 2) Если во время принесения родителями жалобы на своих детей будет в виду несправедливость первых <...>, то судопроизводство, по жалобе родителей, приостанавливается впредь до окончательного разрешения гражданской тяжбы <...>; 4) Отзывы детей о подобных тяжбах принимаются только тогда, когда родители письмами или другими бумагами, за их подписью, изъявили неправильное к ним притязание.

675. В личных обидах или оскорблениях от детей на родителей не приемлется никакого иска, ни гражданским, ни уголовным порядком, кроме деяний, подлежащих наказанию уголовному <...>

684. Приговоры о бродягах малолетних объявляются лицами прокурорского надзора.

688. За малолетних <...> жалобу <...> подают родители их или опекуны.

Свод законов Российской империи. Т. XVI. – СПб., 1892. С. 5 – 6.

Свод законов уголовных. Издание 1885.

Отделение 4. О замене одних наказаний другими.

93. Несовершеннолетние, когда они не в состоянии заплатить всего, или части налагаемого на них денежного взыскания взамен заключения в тюрьме определяемого предшеющею 92 статью, присуждается или к заключению менее продолжительному в тюрьме или к наказанию телесному, или же только к выговорам.

94. Для несовершеннолетних имеющих от роду более 14 лет но менее 17 лет, если взыскание не превосходит пяти, а для имеющих более 17, но менее 21 года, если взыскание не превосходит 3 рублей, заключение в тюрьму заменяется выговорам с предостережением виновных, что случаи повторения преступления или проступков, за который сле-

довало бы подвергнуть их денежному взысканию. Они сверх выговора будут подлежать надзору полиции на время от 3 месяцев до 1 года.

Глава III. О определении наказаний по преступлениям.

104. Причины, по коим содеянное не должно быть вменяемо в суть:

2) Малолетство в таком возрасте, когда подсудимый не мог еще иметь понятия о свойстве деяния.

106. Дети, не достигшие семи лет от роду и потому еще не имеющие достаточного о своих деяниях понятия, не подлежат наказанию за преступления и проступки: они отдаются родителям, опекунам или родственникам, для вразумления и наставления их впоследствии.

Отделение II. О мере наказаний.

148. Уменьшающим вину и строгость наказания обстоятельством признаются и малолетство, и несовершеннолетие подсудимого.

149. Дети, которым более семи, но не менее десяти лет от роду, и которые не имеют еще надлежащего о своих обязанностях разумения, не подвергаются определенному в законах наказанию, но отдаются родителям или благонадежным родственникам для строго за ними присмотра, исправления и наставления, между прочим чрез духовника их или другого священнослужителя. Сие правило распространяется и на имеющих от десяти до четырнадцати лет от роду, когда с достоверностью признано, что преступление учинено ими без разумения.

Глава II. О отступлении от веры и постановлений церкви.

219. За допущение малолетних христиан производить духовные обряды по жидовской вере, или иной какой-либо ереси или же участвовать в оных, родители сих детей или воспитывающие подвергаются, так же как и за соращение совершеннолетних в раскол, наказанию (лишению всех прав состояния и ссылке).

Сами малолетние производящие сие обряды отсылаются: способные к военной службе в батальоны военных кантонистов, а неспособные – на казенные фабрики.

Свод законов Российской Империи. Т.XV. – СПб., 1892. С. 41 – 42.

Законодательная система Российской Империи XIX в. предусматривала процедуру установления отцовства, усыновления, со всеми вытекающими отсюда правами, приобретаемыми детьми.

Законы о Судопроизводстве Гражданском. Издание 1885.

Отделение III. О порядке производства дел о законности рождения.

458. Дела о законности рождения производятся на общем основании Законов Гражданских, с соблюдением при том следующих правил.

459. Главным преимущественным доказательством рождения от законного барка признаются выданные духовными властями, то есть из

Синодальных Контор, Епархиальных Консисторий, от Протоприсвитерата придворных соборов и Духовного Правления при Протоприсвитера военного и морского духовенства <...>

462. Право доказывать законность рождения в отношении к самому истцу не прекращается никакою давностью. Но наследники его, если он умер прежде достижения полного совершеннолетия, или до окончания начатого им дела о законности рождения, могут начинать и продолжать сей иск не иначе, как по общим о земской давности постановлениям.

463. Законность младенца, родившегося при существовании законного брака, оспаривать в праве только муж его матери, и не иначе, как доказав, что он, по отсутствию, не могло во все время, к коему должно отнести зачатие сего младенца, и именно в продолжение трехсот шести дней пред его рождением иметь со своею женою супружеского сожития. Впрочем, если младенец в метрической книге записан законно-рожденным и при сей записи расписался муж матери младенца или кто-либо другой по его просьбе, то спор против законности рождения младенца не должен быть допускаем.

464. Матери младенца, родившегося при существовании законного брака, дозволяется объявлять о незаконности его рождения лишь в том случае, когда при производстве начатого уже о том деле, от нея будет требуемо судом, в подкрепление представленных доказательств, признание в вине ея.

465. Для начатия дела и представления доказательств о незаконности рождения младенца при существовании законного брака, определяется срок годовой, если во время рождения младенца муж его матери находился, хотя и не в одном с нею месте, но однакож в пределах государства, и в двухгодовой, если напротив он в то время находился за границую. Когда же, по отсутствию его или другим обстоятельствам, жена его нашла средство долее года скрывать от него рождение и самое существование младенца, и будет доказано надлежащим образом, что он не мог иметь никакого сведения, то в годовой срок на подачу жалобы считается со дня, в который он получил достоверное известие о рождении младенца, признаваемого им за незаконного.

466. Если муж умер до рождения младенца или до истечения представленного ему статьею 465 срока для начатия спора против законности сего рождения, то право вчинать сей иск переходит к наследникам, но лишь в таком случае, когда он прежде смерти не объявлял, что признает сего младенца законным.

Отделение 4. Об узаконении детей и усыновлении.

470. Определения по делам об узаконении детей и об усыновлении постановляются в частном порядке, сообщаются на просмотр Губернских или Областных Прокуроров и могут быть обжалованы Правительствующему Сенату на общем основании.

Свод законов Российской империи. Т. XVI. – СПб., 1892. С. 77 – 79.

Забота о неимущих детях, детях-сиротах, подкидышах, незаконнорожденных была официально оформлена Екатериной II. Призрение данных категорий нуждающихся Приказами Общественного призрения носило сословный характер. Дворянская опека заботилась о детях дворян, сиротские суды призвали детей купцов и мещан, на крестьянские общины возлагалась обязанность по заботе о крестьянских детях. Сословный принцип в заботе о нуждающихся присущ и законодательным актам Российской Империи XIX века.

Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 19 августа. – Об освобождении незаконнорожденных подкидышей и не помнящих родства от податей и повинностей до совершеннолетия.

Незаконнорожденные, к какому бы званию ни принадлежали их матери, подкидыши и не помнящие родства, приписываются к податным обществам, до совершеннолетия для одного лишь счета, без согласия на то обществ; принятые на воспитание лицами неподатного звания или иностранцами по желанию их воспитателей, в городское или сельское общество, а принятые на воспитание лицами подобного сословия, в звание и семейство своих воспитателей.

Незаконнорожденные, подкидыши и не помнящие родства по достижении совершеннолетия могут оставаться в том звании, в каком приписаны воспитателями или же избрать по собственному усмотрению.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Том XXXII. 1863г. – № 39882.- Июля 15. – СПб., 1864. С. 854 – 855.

Устав о общественном призрении. Издание 1892 года.

Глава I. О призрении бедных духовного звания Православного вероисповедания.

512. Предметы занятий, принадлежащих попечительству <...>: 6) дела по опекам над сиротами, оставшимися после лиц духовного звания епархиального ведомства, не принадлежащими к потомственному дворянству.

Свод законов Российской империи. Т. XIII. – СПб., б.г. С. 123.

Общие учреждения губернские. Издание 1898.

Глава I. Общее Учреждение Дворянских Опек.

1155. Дворянской Опеке принадлежит: 1) попечение о малолетних сиротах <...>, и об имени их и делах <...>

1157. Когда при малолетнем, владеющим имением в разных уездах, состоит не более одного опекуна: то Дворянская Опека принимает от него отчеты в опекуном управлении и по другим уездам.

Свод законов Российской империи. Т. I – VIII. – СПб., 1900. С. 103.

***О разных родах состояний, и различии прав, им присвоенных.
Издание 1899. Отделение 2. О Предводителях Дворянства.***

293. На предводителей дворянства возлагаются:

9) <...> уведомление дворянских опеков о сиротах.

295. На уездных представителей дворянства в особенности возлагаются, суть:

7) Выдача свидетельств о бедности и поведении ищущих покровительства опекунского совета учреждений Императрицы Марии и сирот дворянского происхождения, проживающих в уездах.

Свод законов Российской империи. Т. IX. – СПб., б.з. С. 45 – 47.

***Общее учреждение губернской. Издание 1898.
Глава I. Общее учреждение дворянских опеков.***

1155. Дворянской опеке принадлежит: 1) попечение о малолетних сиротах <...>, и об их имениях и делах.

Свод законов Российской империи. Т. I – VIII. – СПб., 1900. С. 103.

***Положение о сельском состоянии. Особое приложение
к Законам о Состояниях. Издание 1902.***

Раздел I. О правах крестьян.

Примечание 1. Попечение о личности и об имуществе малолетних сирот крестьян возлагаются по месту жительства или нахождения недвижимого имущества, на обязанность сельских или волостных обществ, а так же Сиротского Суда или того места, которое отправляет его должность. В назначении опекунов и попечителей, в поверке их действий и во всех сего рода делах крестьяне руководствуются местными своими обычаями. Если бы в распоряжениях мира, родственники малолетнего усмотрят что-либо клонящееся к их ущербу, то они могут обращаться к защите Земского Участкового Начальства или Мирowego посредника.

Свод законов Российской империи. Т. IX. – СПб., б.з. С. 138 – 147.

В 1816 – 1819 гг. прибалтийские крестьяне были освобождены от крепостной зависимости, в связи с чем необходимо было реорганизовать систему заботы о нуждающихся детях.

***Высочайше утвержденное положение Комитета министров,
распубликованное 1 ноября. – О порядке назначения от крестьянских
обществ пособий на содержание бедных и сирых детей в
православных приходских школах в Лифляндской губернии.***

<...> указом Правительствующего Сената, от 7-го Мая 1851 года, распубликованы Высочайше утверждённый в 1-й день Мая 1850 года, по журналу особого Комитета, правила для Православных приходских школ в Лифляндской губернии. В означенных правилах, между прочим, в статье 15-й, постановлено: «Вместе с сим Священник дает знать Мирскому Суду о сиротах, которых общество обязано содержать на свой счет в

школе. Он также доставляет Мирскому Суду списки детей, коих родители, по бедности, не в состоянии сами содержать в школе. Мирской Суд поступает в сих случаях на точном основании 4-го пункт. § 516 Полож. о Лиф. крест. 1819 года. По смыслу сей статьи правил 1850 года, согласованной с вышеуказанным пункт. 4 § 516 Лифляндского крестьянского Положения 1819 года, Православным Священникам, предоставлялось, наравне с Лютеранскими Пасторами, право определять и указывать волостным обществам, какие именно дети неимущих крестьян должны получать пособие от обществ для посещения школ». Между тем в позднейших местных крестьянских Положениях, заменивших собою Положение 1819 года, уже не упоминается об обязанности крестьянских обществ выдавать пособие всем тем детям неимущих крестьян, кои будут указаны Пасторами или Православными Священниками; напротив, того, в §§ 336 – 545 Положения о крестьянах Лифляндской губернии 1860 года, постановлены особые правила о порядке выдачи пособий от обществ нуждающимся крестьянам, а также сиротам, подкидышам и т. п., при чем указание лиц, имеющих право на пособие от общества, предоставлено Волостному Суду. На сем основании, Лютеранские Пасторы не требуют уже от волостных обществ выдачи пособий ученикам, коих родители не в состоянии содержать их в школе, а предлагают только о сем волостным обществам, от усмотрения коих зависит самое назначение пособия. Государь император, в 21-й День Сентября сего 1865 года, по положению Комитета, Высочайше соизволил на изменение 15 статьи вышеупомянутых правил для Православных приходских школ в Лифляндской губернии, в следующем виде: «Вместе с сим Священник дает знать Мирскому Суду о всех детях, кои должны обучаться в школе и обозначает тех из них, которых предполагается содержать в ней на счет обществ, по сиротству или бедности родителей и хозяев; а Мирской Суд обязан (ст. 557 Положения о крестьянах Лифляндской губернии) сделать постановление: действительно ли сии дети нуждаются в пособии и если нуждаются, то каким образом и в какой мере нужно оказать им это вспомоществование. Такое постановление должно быть исполняемо в точности».

Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Том XXXII. 1863 г. – № 40075. – Сентября 21. – СПб., С. 54 – 55.

Высочайше утвержденные: 1) Положения о крестьянах Эстляндской губернии, и 2) Дополнительные к сему Положению особые правила для водворенных в Эстляндской губернии Шведских крестьян.

Глава III. Об опеке и попечительстве.

1079. Эстляндские крестьяне и крестьянки, согласно с общими государственными постановлениями, считаются малолетними до семнадцати лет, а несовершеннолетними до 21 года. По достижении ими последнего возраста, они становятся совершеннолетними и приобретают право свободно располагать принадлежащим им имением.

1080. К малолетным обоого пола назначаются опекуны, оберегающие как самих малолетних, так и принадлежащее им имущество. К несовершеннолетним определяются попечители, заступающие их место пред Судом, и управляющие их имением, но несовершеннолетний вправе требовать выдачи доходов с принадлежащего ему имения.

Примечание. Определенные к малолетным опекуны, при вступлении малолетных в возраст несовершеннолетних, остаются при них же попечителями.

1081. Опекуны или попечители назначаются: или

1) родителями малолетных и несовершеннолетних; либо

2) самим Судом, когда родители не сделали подобнаго избрания, наконец

3) если один из родителей, отец или мать, остался в живых, то опека над малолетними, или попечительство над несовершеннолетними, в отношении к оставленному умершим наследству, или иному какому либо особому имению детей, принадлежит по закону оставшемуся в живых родителю.

1082. <...> запрещается определять опекунами:

1) Расточивших собственное и родительское имение.

2) Имеющих явные или гласные пороки, или подвергшихся наказанию по суду.

3) Известных своими суровыми поступками.

4) Имеющих ссору с родителями; малолетнего.

5) Несостоятельных.

1083. <...> Опекуны во время управления имением получают пять процентов из доходов онаго.

4086. Если один из родителей еще в живых, то он почитается естественным опекуном своих, малолетних детей. Если это мать, а отец не сделал никакого на случай смерти своей распоряжения, то к ней в помощь назначается попечитель, или в качестве второго опекуна из безукоризненных лиц того же волостного общества и, буде возможно, из ближайших родственников детям с отцовской стороны.

1089. По смерти обоих родителей и по приведении оставшегося после них имущества в порядок и известность, приступают немедленно к его разделу; к сему приглашаются ближайшие детям родственники мужескаго и женскаго пола.

1091. Как опекуны, так и подлежащий Суд, прежде продажи наследства, обязаны сообразить истинныя пользы и потребности наследников и основательно обсудить, не произойдет ли для них от продажи наследства более вреда, чем пользы.

1094. При воспитании сирот опекуны преимущественно заботятся, чтобы питомцы их были обучены всему полезному, что по состоянию их знать необходимо. Опекуны стараются разместить питомцев своих в услужение, буде возможно, без платы за них, сохраняя таким образом в целости принадлежащее им имущество, в обеспечение будущаго их существования.

1095. Все, что опекуны из сиротского имущества возьмут на сохранение, они обязаны тщательно беречь, а также ответствовать за всякий ущерб, произшедший от их вины, нерадения, или даже введения их в обман.

1097. По достижении сиротами совершеннолетия, опека и попечительство прекращается над ними и им выдается их имущество. Хотя совершеннолетние незамужняя женщины также приобретают право свободно располагать своим имуществом, однако они до замужества своего должны избрать себе попечителя, без согласия которого они не могут совершать никаких судебных актов.

1098. Состоявший в опеке, по вступлении в совершеннолетие, когда изъявит неудовольствие на управление опекуна, или имеет претензию на попечителя вправе принести на него жалобу в то место, под ведением которого он управлял имением. Для намеревающагося принести жалобу предоставляется срок, состоящий из одного года, шести недель и трех дней, считая со дня наступления совершеннолетия, под опасением лишения права на иск. На решения подобных дел допускается апелляция, или перенос дела на ревизию.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II. Том XXXI. 1856г. – № 30693. – Июля 5. – СПб., 1857. С. 520 – 522.

Устав гражданского судопроизводства. Издание 1885.

Книга V. Порядок судопроизводства в Закавказском крае и губерниях Варшавского судебного округа и Прибалтийских.

Отделение 3. Об усыновлении.

1661. Акт об усыновлении совершается у Нотариуса и представляется на разрешение Окружного Суда, по месту жительства усыновителя, а затем на утверждение Судебной Палаты <...>

Отделение 4. О признании детей, рожденных вне брака.

1662. Акт признания дитяти, рожденного вне брака, совершается у Нотариуса.

Раздел III. О судопроизводстве в губерниях Прибалтийских.

Отделение 2. Об усыновлении.

1908. Просьбы об усыновлении и об отказе от усыновления подаются: первая – в тот Окружной Суд, в ведомстве коего имеет жительство усыновляемый, а последняя – в тот Суд, коим утверждено усыновление.

1909. <...> При просьбе усыновления несовершеннолетнего должно быть представлено также удостоверение подлежащего опекунского учреждения о том, что усыновление не обратится во вред усыновляемому.

1911. Дела об усыновлении и об отказе от оного разрешаются по выслушании заключения Прокурора.

Свод законов Российской империи. Т. XVI. – СПб., 1892. С. 295.

Правительство Российской Империи брало на себя обязанность заботиться о семьях убитых и раненых, находящихся на военной службе офицеров, солдат и нижних военных чинов. Нуждающимся выдавались денежные пособия, в случае необходимости их помещали в приюты, больницы и пр.

***Высочайшее утверждение положение Комитета Министров. –
О производстве кормовых денег солдатским женам,
вдовам и дочерям.***

Слушана записка Министра Внутренних Дел, от 27 Апреля, о производстве кормовых денег солдатским <...> дочерям.

Комитет полагал: представляя это утвердить.

Государственный Контролер, в конце минувшего года, сообщил Министру Внутренних Дел, что некоторые Приказы Общественного Призрения совершенно неправильно, применяясь с статьи 678 Устава Общ. Призр., выдают билеты <...> дочерям, в богадельнях не находящимся, на право получения из казны кормовых денег.

Находя и со своей стороны, что вышеприведенная статья 676 Уст. Общ. Призр. Относится собственно до увечных нижних чинов и кантонистов, Министерство Внутренних Дел признает совершенно правильных требование об отмене выдачи солдатских билетов солдатским <...> дочерям, но не может однако не обратить внимание на то, что внезапное лишение солдатских <...> дочерей производившихся им донныне хотя и неправильно кормовых денег и притом в то время, когда цены на хлеб, значительно возвышением, местами вдвое и даже более, должно неминуемо поставить лица эти в крайне затруднительное и безвыходное положение.

При таком беспомощном положении <...> Министерство полагало справедливым разрешить, в виде временной меры и по тем только губерниям, в которых цены на хлеб возросли не менее, как на 50%, дальнейшее производство, в течении настоящего года, кормовых денег тем солдатским <...> дочерям которым таковые уже производятся.

*Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II.
Том XLIII. Отделение первое. 1868 г. – № 45859. – Мая 17. –
СПб., 1869. С. 441.*

Опека и попечительство на государственном уровне были оформлены в годы правления Екатерины II. Опекуны и попечители защищали интересы несовершеннолетних в суде, следили за их воспитанием и образованием, были ответственны за сохранность их имущества.

***Устав Уголовного Судопроизводства. Издание 1885.
Отделение I. Порядок подачи апелляционных отзывов и протестов.***

861. За несовершеннолетних <...> отзывы могут быть подаваемы их родителями, супругами, опекунами, или теми, у кого они находились на воспитании.

Свод законов Российской империи. Т. XVI. – СПб., 1892. С. 133.

***Законы о Судопроизводстве Гражданском. Издание 1885.
Отделение III. О обязанностях опекунов и попечителей по
тяжбам и искам малолетних.***

32. В производстве тяжёбных и исковых дел малолетнего опекуны обязаны избирать все способы, могущие доставить ему покойное владение его правом.

33. Опекуны обязаны по делам малолетнего быть истцом лично или посылать в суд вместо себя представителя.

Свод законов Российской империи. Т. XVI. – СПб., 1892. С. 5 – 6.

***Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета,
объявленное Сенату Министром Финансов. – Об опеке казенных
поселян. Правила для опеки казенных поселян.***

Если по смерти отца и матери останутся малолетние сироты, то Волостное или Ямское правление <...> возлагает попечение о них и их хозяйстве на благонадежнейшего из ближайших совершеннолетних их родственников.

Если у малолетних сирот нет ни родственников, ни домашнего хозяйства, то Волостное или Ямское Правление должно стараться отдавать таковых сирот на воспитание к благотворительным той же волости людям, которые бы добровольно согласились принять и содержать без всякого от мирского общества вспоможения, пользуясь за то посильною работою сирот до достижения ими совершеннолетия. Если же никто не изъявит согласия на принятие к себе малолетних на сих условиях, то Волостное или Ямское Правление печется о помещении их в какое-либо богоугодное заведение; когда же и в сем не успеет, то отдает сирот на воспитание кому либо из добропорядочных домохозяев одного с ними селения, с определением ему пособия, состоящего в хлебе или деньгах, от мирского общества.

Если у малолетнего сироты, не имеющего родственников, <...> находится имущество, <...> то Волостное или Ямское Правление определяет к нему опекуна по избранию сельского мирского схода <...>

Опекун обязан пещись о здоровье питомца, стараться о его воспитании, вкоренять в его сердце страх Божий, беспредельную преданность к Государю, и повиновение установленным властям, научать его правилам благонравия и доброму хозяйству. В отношении же управления имением должен: 1) Сберегать оное, улучшать и приращать. 2) Пещись о увеличении от имени доходов и остающихся на лице, за удовлетворением всех хозяйственных надобностей и уплатою податей, повинностей, недоимок и долгов, отсылать чрез Волостное или Ямское Правление в Казенную палату, которая ведет им особенный счет и до совершеннолетия питомца вносит неударжно в Приказ Общественного Призрения для приращения процентами, наблюдая сие правило и в рассуждение всякого рода наличных капиталов, принадлежащих малолетнему.

12) С достижением питомцем совершеннолетия опека прекращается: опекун, с разрешения Волостного или Ямского Правления, вводит питомца в управление имуществом <...>; но прежде наступления 22 года, питомец не может ни продать, ни заложить крепостного своего имения без позволения Казенной Палаты. 13) Обязанности опекуна относительно женского пола прекращаются замужеством, в каком случае оные переходят к мужу питомицы, до наступления ей совершеннолетия.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Том VII. 1832. -№ 5772. – Ноябрь 25. – СПб., 1833. С. 861 – 862.

В 1892 году разрозненное законодательство в сфере социальной защиты детей было приведено к единому знаменателю “Уставом об общественном призрении”, который мало чем отличался от Устава 1857 года. В новом издании отмечено введение земского и городского самоуправления, органы которого заменили в тех губерниях и городах, где было введено самоуправление, прежние Приказы Общественного Призрения.

Устав о общественном призрении. Издание 1892 года.

Отделение I. Положения общие.

5. Предметы общественного призрения суть <...>: 2) дела, собственно к призрению относящиеся.

7. Предметы по призрению суть: 1) установление, содержание и управление богоугодных и общественных заведений, как-то: сиротских и воспитательных домов, больниц <...>, и 2) заведывание подобными заведениями, от частных лиц и обществ учрежденными, поколику оные могут быть вверены надзору установлений общественного призрения.

9. Меры общественного призрения крестьян относятся к ведению сельских и волостных общественных управлений, по принадлежности.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Приложение к статье 187. Положение о сиротских домах.

Глава I. О приеме сирот.

1. Прием сирот в сиротские дома производится с разрешения земской управы или приказа общественного призрения.

2. Сироты принимаются от семилетнего возраста до одиннадцати лет включительно.

4. Назначенные к приему сироты, по представлении их, свидетельствуются врачом богоугодных заведений, при члене губернского врачебного управления.

Отделение II. Общие правила о сиротах, поступивших в сиротские дома.

20. Имущество сирот, в сиротские дома принимаемых, до совершеннолетия их, поручается охранению сиротских судов или, по принадлежности, дворянских опеков, узаконенных на то порядком.

Отделение I. Содержание сирот.

23. Сироты содержатся на одинаковом положении. Никакие различия по происхождению, званию или состоянию не допускаются. Посему одежда, постели, пища, прислуга и проч. для всех должны быть одинаковы.

24. Не допускается никакого излишества в содержании сирот, должно наблюдать простоту и опрятность и чтобы пища их была здоровая.

Свод законов Российской империи. Т. XIII. – СПб., б.г. С. 82 – 135.

Положение о сельском состоянии. Издание 1902.

Глава I. О правах личных и по состоянию.

Примечание 2. Впредь до пересмотра существующих узаконений об опеках, относительно отчуждения принадлежащих малолетним крестьянам имуществ постановлены следующие правила: 1) отчуждение принадлежащих малолетним крестьянам, одним или совместно с совершеннолетними, жизненных припасов и вещей, скорому тлению и другим трагам подверженных, разрешается Сельским Сходом, приговор коего о сем должен быть записан в особую книгу; 2) прочие движимые, а равно и недвижимые имущества означенных крестьян могут быть отчуждаемы и закладываемы только в случаях, указанных в общих узаконениях, по приговорам Сельских Сходов, утвержденным установленным порядком. Таким же порядком разрешаются и отказы от надела, следующего малолетним сиротам.

Примечание 3. (по Прод. 1910 г.). Несовершеннолетним, которые были лишены наделов полностью или в части, вне установленного законом порядка, предоставляется отыскивать с общества стоимость отобранной земли. При этом, если десятилетний давностный срок для предъявления иска к обществу будет истекать для лиц, у коих отобран надел, ранее двух лет со дня обнародования закона 14 Июня 1910 года, то для предъявления иска им предоставляется двухлетний срок.

Отделение I. О сельских сходах.

62. Ведению сельского схода подлежат:

б) назначение опекунов и попечителей, проверка их действий и разрешение дел.

11) совещания и ходатайства о призрении;

Примечание 1. К предметам ведомства Сельского Схода относятся назначение опекунов и попечителей к сиротам и имуществу тех из умерших крестьян, приписанных к волостям, которые проживали или приобрели недвижимое имущество в пределах сельского общества, а так же проверка действий сих опекунов и попечителей.

Отделение I. О волостных сходах.

94. Ведению Волостного Схода подлежат:

3) назначение опекунов и попечителей к сиротам и имуществу умерших, приписанных к волостным крестьянам, приобретших недвижимое

имущество или жительствовавших вне границ надела сельских обществ, но в пределах ведомства Волостного правления, или же безземельных, а так же поверка действий сих опекунов и попечителей <...>

Свод законов Российской империи. Т. IX. – СПб., б.г. С. 138 – 147.

Свод законов гражданских. Издание 1906.

Раздел 3. О опеке и попечительстве в порядке семейственном.

212. Два рода опеки и попечительства законом установлены в порядке семейственном:

1) Над несовершеннолетними.

Отделение 1. О возрасте несовершеннолетних и о праве их на имущества.

213. В несовершеннолетии полагаются три возраста: первый от рождения до четырнадцати лет, второй от четырнадцати до семнадцати лет, третий от семнадцати до двадцати лет с годом.

217. Малолетный не может ни управлять непосредственно своим имением, ни распоряжаться им, ни отчуждать его по каким бы то ни было укреплениям, ниже уполномачивать на то от себя других.

218. Запрещается совершать какие бы то ни было крепости и акты от имени малолетнего, или написанные им признавать действительными и приводить в исполнение.

219. По достижении четырнадцатилетнего возраста, малолетный, хотя и может сам испросить себе попечителя для совета и защищения во всех делах, такими же качествами, как о опекунах предписано, но права его на распоряжение имуществом чрез то не увеличиваются, и всякое даваемое с его стороны согласие на какой либо акт считается по прежнему ничтожным.

220. Достигший семнадцатилетнего возраста вступает в управление своим имением; но делать долги, давать письменные обязательства и совершать акты и сделки какого либо рода, а равно и распоряжаться капиталами, где либо в обращении находящимися, или получать таковые обратно из кредитных установлений может, без различия детей отделенных от неотделенных, не иначе, как с согласия и за подписью своих попечителей, без чего никакие выданные им обязательства не могут почитаться действительными.

221. Право на полное распоряжение имуществом и свобода вступать в обязательства приобретаются не прежде, как по достижении совершеннолетия, то есть двадцати лет с годом от рождения.

Отделение 2. Об установлении опеки и попечительства.

225. Для попечения о лице и имуществе малолетних учреждается над ними опека.

226. Опека над имуществом, дошедшим в собственность малолетним детям, при жизни их родителей, принадлежит отцу.

227. Родители имеют право назначить в духовном завещании к остающимся после них малолетным детям и имуществу опекунов по собственному своему избранию.

229. Если в завещании не назначено особых опекунов к дошедшему малолетным детям имуществу, то опека принадлежит оставшемуся в живых отцу или матери <...>

233. Попечение о дворянских сиротах возлагается на Дворянскую Опекунскую Палату.

234. Попечение о детях личных дворян принадлежит Сиротскому Суду или заменяющему оный учреждению; но если детям личного дворянина досталось населенное имение, то именование сие поступает в ведомство Дворянской Опекунской Палаты.

236. К детям духовных особ, принадлежащих к потомственному дворянству, опекуны назначаются, на одинаковом основании с прочими дворянами, от Дворянских опекунов; учреждение же опеки над детьми обоюбого пола прочих Священнослужителей и церковных причетников принадлежит духовному начальству.

250. Дворянская Опекунская Палата и Сиротский Суд в ведении и управлении сиротских дел вступают: 1) по уведомлению Дворянского Предводителя, или Городского Головы, об осиротевших малолетних детях их ведомства, оставшихся после родителей без призрения; 2) по уведомлению ближних родственников, либо свойственников малолетнего, или по свидетельству двух посторонних лиц и приходского Священника; 3) по уведомлению высшего или равного им присутственного места.

251. По сим уведомлениям Дворянская Опекунская Палата и Сиротский Суд обязаны:

1) Осведомиться о имени малолетнего.

2) Определить к лицу его и имени опекуна, в завещании родителей назначенного, или, если сего не сделано, то избрать самим опекуна.

3) Когда имени не осталось, то стараться поместить малолетнего, соответственно его состоянию и возрасту, в общественное училище или в сиротские дома, или в государственную службу, или пристроить к добротным людям для обучения промыслу или ремеслу.

256. Выбор в опекуны должен быть обращаем на таких людей, кои нравственными качествами дают надежду к призрению малолетнего в здравии, добронравственном воспитании и достаточном по его состоянию воспитании, и от которых ожидать можно отеческого к малолетнему попечения. Посему запрещается определять опекунами: 1) расточивших собственное и родительское имение; 2) имеющих явные и гласные пороки, или же лишенных по суду всех прав и преимуществ, как лично, так и по состоянию; 3) известных суровыми своими поступками; 4) имевших ссору с родителями малолетнего; 5) несостоятельных.

260. Малолетний, приобретая по достижении четырнадцатилетнего возраста право испросить сам себе попечителя, обращается о том с просьбою в Дворянскую Опекунскую Палату или в Сиротский Суд, по принадлежности.

Отделение 3. О обязанностях опекунов.

262. Обязанности опекунов вообще заключаются:

1) В попечении об особе малолетнего.

2) В управлении его имуществом.

263. Опекун должен пеших об особе и здравии малолетнего. Он стараться, чтобы малолетний воспитан был в страхе Божиим, в познании той веры, в которой он родился, в правилах добронравия и удаления от злых примеров <...> Вообще опекун обязан приготовить малолетнего к жизни, сообразной его состоянию, но всегда трудолюбивой, умеренной и безмятежной.

265. Опекуну предоставляется отыскивать законное удовлетворение в личной обиде, малолетнему нанесенной.

266. Все движимое и недвижимое имение опекун принимает в смотрение свое и ведомство по описи, составляемой им вместе с Членом Дворянской Опеки или Сиротского Суда, по принадлежности, при двух посторонних свидетелях <...>

273. Опекун старается, чтобы доходы малолетнего собираемы были в надлежащее время, а расходы производились без излишества <...>, и ведет доходам и расходам верные погодные книги.

290. Опекуны и попечители в случае нерадения или умысла в упущении прав лица, попечению их вверенного, отвечают собственным своим имением, по мере происшедшей чрез то или могущей произойти для малолетнего потери.

Свод законов Российской империи. Т. X. – СПб., б.г. С. 13 – 27.

С созданием в 1775 году Приказов Общественного Призрения приходским попечительствам не вменялась в обязанность забота о детях, и они практически этим не занимались. Александр II попытался возродить благотворительную деятельность приходов. 2 августа 1864 года был издан закон о приходских попечительствах при православных церквях. Но он так же не обязывал приходы помогать нуждающимся.

Устав о общественном призрении. Издание 1892 года.

Глава 4. О приходских попечительствах при Православных церквях.

564. Для благотворительных действий в пределах прихода, учреждаются приходские попечительства из лиц, отличающихся благочестием и преданностью вере Православной.

568. Приходские попечительства обязаны заботиться: <...> 4) об изыскании средств для учреждения в приходе школы, больницы, богадельни, приюта и других благотворительных заведений, устройство и заведение коими лежит также на обязанности попечительства <...>

Свод законов Российской империи. Т. XIII. – СПб., б.г. С. 126 – 127.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

Положение брошенных детей в приютах было еще ужаснее, чем в крестьянской среде. Поддержка системы приютов в деревне велась больше за счет частной инициативы.

Внутренние известия

Заимствовали из журнала «Учитель» несколько интересных сведений о воспитании «казенных» детей в деревнях, сведения, поясняющих тот громадный процент смертности, который замечается между незаконно-рожденными младенцами, которые отказавшиеся от них родители отдают на попечение Воспитательных домов. Крестьянка, желающая получить на воспитание ребенка, должна обратиться, прежде всего, за свидетельством к местному старосте или волостному старшине. Это лицо должно решить, благонадежна ли мамка с нравственной стороны и не обременена ли она своими детьми, которые мешали бы ей совестливо исполнять долг в отношении к принятому на воспитание ребенку. Женщина получает свидетельство, с которым и является в сельский лазарет. Врач, приняв свидетельство, осматривает пришедшую женщину, обращая внимание на то, есть ли у ней молоко в грудях, и, в случае, если оно оказалось, дает ей новое свидетельство, с которым женщина отправляется в Санкт-Петербург за ребенком. Придя в здешний Воспитательный дом, она, по билету, попадает в так называемую «мамашнюю», где получает ребенка, с которым и остается в доме от одной до 4-х недель, кормя.

Дитя отправляется в деревню, снабжается пеленкой, рубашкой и одеялом. Кроме того, в предупреждение подлога ребенка, надевают на него так называемый «костяной знак», который запломбировывается. Изобретение это вредит здоровью детей. Шнурок, запломбировывается неуклюжей и увесистой пломбой, неизбежно должен производить опрелости на шеи и поддерживать не чистоту на коже ребенка. Но известны случаи, когда шнурок пломбировался небрежно и туго обхватывал шею дитяти; от раздражения кожи она припухала, и ребенок подвергался опасности быть удушенным.

Очень часто ребенок берется обманом, на имя крестьянина или уже умершего, или вовсе не существующего в деревне. В этих случаях, положение ребенка было ужасным. Подлог совершался таким образом: крестьянка, не имеющая в грудях молока или уже воспитывающая несколько казенных детей небольшого возраста, склоняет товарку, знакомую с порядками в Воспитательном доме и имеющее молоко в грудях, взять ребенка на подложное свидетельство.

На все эти злоупотребления Воспитательный дом смотрит сквозь пальцы. Взыскать строго с крестьянок мамок нельзя, потому, что они менее охотно будут брать детей в деревни.

Заболевающие питомцы должны быть доставлены мамкою в сельские лазареты. Но при сколько-нибудь значительном скоплении больных они должны спать на полу за недостатком запасных коек.

Аптека занимает в здании лазарета весьма скромное место. Но средства скудны до того, что больные зачастую остаются без должных по их болезням лекарств.

Заглянем на цифры смертности детей в первом году их жизни. В одну из деревень поступило в 1862 – 62, из них умерло до истечения года 52; в другую поступило в 1862 – 12, из них умерло до истечения года 12.

После вышесказанного, нет ничего удивительного, что между казенными питомцами, оставшимися как-то чудом в живых, встречается такое значительное количество неизлечимых идиотов, увечных, слепых, страдающих искривлением хребта, ног и рук.

Неделя, 1869. №18. 20 апреля (2 мая). С. 554-557.

Невольное убийство мальчиком мальчика

В Городке, местечке Подольской губернии, девятилетний сын владельца этого местечка, г-на Виноградского, случайно застрелил во время игры крестьянского мальчика Петю из группы своих сверстников. Ребенку не было вменено в вину преступление, его родители также не были привлечены к суду.

Неделя, 1873. № 3. 20 января. С. 89.

Дети-преступники

<...> начну с Б. Родом он из Смоленской губернии, крестьянский сын. В небольшом прошлом его трудно отыскать веселые, радостные дни. Пяти лет он лишился матери. Отец женился на другой, чтобы иметь в доме хозяйку и работницу. У мачехи пошли свои дети, а сироты остались в забросе и не забывались лишь на работе. Наш В. на 7-мъ году был уже подпаском; ему, конечно, было трудно и до свету вставать и находиться в лесу в одиночестве или в обществе с суровым пастухом. Не раз пытался он уклониться от этой службы, но попытки эти кончались побоями, и жизнь его становилась еще безотраднее.

Нужда, бедность и многочисленность семьи выгнали наконец отца с двумя дочерьми и сыном из деревни – искать заработков по городам. Пришли в Петербург и разместились все по фабрикам: отец на одной, дети на другой. Жил Б. на фабрике два года, вставал в пятом часу и работал с двухчасовым перерывом до 9 часов вечера. И из деревни Б. не принес крепкого сложения и цветущего здоровья, а фабричная жизнь совсем подкосила детские силы и вытравила ребяческую веселость. Когда привели его в колонию, то жалко было взглянуть на него: малорослый, сухопарый, сторбленный, ноге кривые и слабые, грудь впалая, голос хриплый, как у старика, кожа вялая, сморщенная. Работая на фабрике, В. жил сначала с сестрами и довольно аккуратно, так что рубля два, три оставалось в месяц. «Но» рассказывал сам Б. «видел я, как наши ребята гуляют: захотелось и мне погулять. Раз, как получил жалованье, пошел я с ними. Сначала зашли мы в кабак (Б. было тогда 13 лет); выпили тут и отправились в трактир. И пили, и кутили, сколько душе угодно. Славно,

весело было! Тут уж на каждый праздник, после каждой полочки гулял я так. Часто приходил я домой без денег и пьяный; сестры били меня, а на другой день пороли. Злость взяла, еще пуще стал гулять, а сестры еще пуще били и пороли. Тогда порешил: не стану больше жить с ними. Так и сделал. Через два дня я уже жил один. Тут уж никто не мог меня останавливать. Одно было горе: денег все не хватало. Тут-то вот и начал я поворовывать. Сначала было боязно, а потом ничего, привык. Воровал часто. Между безделушками случалось утягивать и порядочные вещи. Сюда же попал я за кражу ниток на той фабрике, на которой работал».

Неделя, 1873. № 11. 18

Похищение ребенка (Письмо из Симферополя)

11-го декабря, в симферопольском окружном суде разбиралось дело, вызвавшее громадный интерес в здешней публике. Вот вкратце сущность его. Лет 6 тому назад, в деревне Саблы, Симферопольского уезда, у тамошней еврейки Фейги Темноруцкой пропала шестилетняя дочь Рахиль. Несмотря на все поиски, несмотря на деятельную помощь полиции девочка как в воду канула. В продолжение после дюющих пяти лет бедная мать, продавши все, свои пожитки, странствовала по Руси, везде ища свою девочку, но все напрасно. От слез бедная женщина лишилась зрения, но даже слепая, она не покидала своей заветной мечты. Во многих местах знают и помнят старуху, слепую женщину, искавшую своего ребенка, так жестоко отнятого у нее. С разбитым сердцем, с потерянной надеждой, возвратилась бедная мать в свою деревню: ребенка и след простыл.

Года полтора тому назад прибегают к Темноруцкой ее друзья и говорят, что в Севастополе появился шарманщик с девочкой, в которой они узнают пропавшую Рахиль; шарманщик этот будет в эту ночь в Симферополе прибавили они. Мать бежит на вокзал, захватив с собою бывшую кормилицу Рахили. Сердце матери чутко: она сразу узнает свою дочь. Является полиция. Кормилица заявляет, что опознать Рахиль она не может, но если у ней окажется шрам под левою бровью, происшедший в детстве от ушиба, и родимое пятно между лопатками, то это и есть пропавшая Роза. Приметы оказались на своих местах. Протокол составлен, девочка отдается матери, а шарманщик Марко Беркович, турецко-подданный, является пред судом присяжных. Он не признал себя виновным и упорно стоял на том, что Рахиль (Роза) его собственная дочь, прижитая им в Турции, что он никогда не бывал прежде в России; ссылаясь на свое сходство с нею и проч. Действительно,- странная игра судьбы! – девочка очень походит лицом на Берковича. Однако еще больше походит она на мать и на сестер своих, сидевших с ней рядом на суде. Много плакала на суде старуха-мать, много плакал и Беркович. Целым рядом свидетелей было констатировано, во 1-хъ, что Роза есть дочь Темноруцкой, и во 2-хъ, что Берковича не раз видели в Крыму, с шарманкой за плечами, ходившего под именем Андриюшки. На все эти показания Беркович, чрез переводчика (он прикинулся вовсе незнающим рус-

ского языка) отвечал одно: «это моя дочь – я больше ничего знать не хочу». Нужно еще заметить, что когда на вокзале девочку отобрали у Берковича и отдали ее матери, Роза плакала, не хотела оставлять Берковича и называла его отцом своим. На суде, когда прокурор обратился к ней с вопросом: где бы она желала остаться – у Берковича или у матери – она ответила: у мамы. «Почему же вы плакали на вокзале, не хотели уходить от Берковича?» спросил ее прокурор. «Оттого, что я боялась, чтобы он меня не бил, когда я опять вернусь к нему», – ответила Роза.

Показания матери были просты, безыскусственны, но в них слышалась нотка материнского чувства. «У меня кроме Рахили, говорила старуха, есть еще 8 детей. На что бы она мне была нужна, если бы она не была моей дочерью! Я бедная женщина, муж у меня больной, лежит с отнятыми ногами, – куда мне гнаться за чужими детьми. Слава Богу, если хоть как-нибудь своих прокормишь. Я потеряла зрение, разорилась, больная ходила по всей России. Умер бы у меня ребенок – не так жалко было бы; а тут пропал живой ребенок. Я не могла свыкнуться с этой мыслью. Долго я искала свою Розу напрасно, пока, наконец, Бог и добрые люди возвратили ее мне. Посмотрите на рубище, в котором водил ее Беркович, заставляя ее ломаться, плясать по канату, – разве родной отец сделал бы это?»

Прокурор, в своей речи, прежде всего коснулся важности настоящего дела. «Не вещь является в данном случае, объектом варварства, а человек — говорил он. Здесь на суде два претендента на этого человека. Оба упорно выставляют свои права на него. Кто из них прав судите вы. Во время оно, быть может, это дело рассудили бы судом Соломона. Теперь же его премудрость заменять закон и ваша совесть, гг. присяжные». Далее он сослался на свидетелей, на голос матери, на саму девочку. На похищение ребенка самим Берковичем прокурор не настаивал: он предполагал лишь возможность его на основании показаний некоторых свидетелей, видевших Берковича в Крыму и даже в самом Симферополе.

Защитник, свою речь, вызвал заслуженный ропот и негодование публики. Его задача была проста и очевидна. Ему бы следовало доказать только неосновательность обвинения Берковича в личном похищении девочки. Между тем он стал упорно доказывать, что Рахиль дочь Берковича, вопреки всем данным, выяснившимся на суде. «Если Темноруцкая признаёт Рахиль своею дочерью», – говорил он, – «то, быть может, ею руководят иные цели: смазливое личико девочки, возможность эксплуатации и пр.». Такая циническая выходка защитника вызвала полное и вполне понятное негодование всех присутствующих. Много он говорил на эту тему, а главного, между тем, совсем почти не коснулся: не выяснил – кто похитил Розу и мог это сделать Беркович, – хотя материала для этого было совершенно достаточно. «Если вы, гг. присяжные, – закончил он, – обвините моего клиента, то на вашей совести останется черное пятно».

После толкового резюме председателя, присяжные вынесли вердикт, по которому признали Берковича виновным в похищении Рахили с це-

люю скрыть ее настоящее происхождение или состояние. Беркович приговорен к лишению всех прав и к ссылке к каторжным работы на заводах на 5 лет. Такой тяжелый приговор произвел подавляющее впечатление на публику. Такого приговора никто не ожидал. Мы думаем, что ему много способствовала речь защитника.

Неделя, 1881. № 1. 4 января. С. 30.

Кормление детей (письмо из Самары В. Португалова)

<...> Врачу П.П. Крылову пришла в голову мысль кормить в наиболее пострадавших деревнях детей молоком и пшеничной кашей. Крылов накормил 1200 детей нежного возраста.

Неделя, 1892. № 40. С.326.

Разные разности

Недавно в восьми волостных сходах Петербургской губернии состоялись приговоры, в силу которых вход в трактиры и кабаки молодым людям от 14 до 21 года, безусловно, запрещены.

Неделя, 1896. № 21. 26 мая. С.678.

Нужда, бедность и многочисленность семьи заставляли принуждать детей к труду с детского возраста, а иногда искать заработков в городе. Нередко детей привлекали к уголовной ответственности за шалости, которые приводили к трагичным последствиям.

Пожары

Многочисленные известия о пожарах переполняют провинциальные газеты. На днях в Нижегородской губ., в с. Гуляеве, от умышленного поджога крестьянским мальчиком Сурковым произошел пожар, которым уничтожено 47 крестьянских домов, со всеми народными постройками. Убытку от пожара понесено на 10,459 руб.

Русь, 1898. №10. 7 июля. С. 4.

Обвинение 3-летнего ребенка

<...> к ростовскому мировому судье был доставлен в качестве обвиняемого 3-летний мальчик и несколько свидетелей такого же возраста. Ребенок, шая с огнем в каком-то хуторе, произвел пожар в родительском доме. Судья отослал детей домой, прекратив оригинальное «производство» дела.

Неделя, 1898. № 43. С.1368.

Пожертвования

<...> Пожертвование 13000 руб. сделано крестьянином Ключниц, Нижегородского уезда М.Д. Быляниным на учреждение в означенном селе приюта, он пожертвовал еще дом с усадьбой.

Вестник благотворительности, 1901. № 2. С. 115.

РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Булгарин Фаддей Венедиктович

(1789-1859)

(урождённый Ян Тадеуш Булгарин, польск. *Jan Tadeusz Buharyn*)

Писатель, журналист, критик, издатель; «герой» многочисленных этюграмм Пушкина, Вяземского, Баратынского, Лермонтова, Некрасова и многих других. Основоположник авантюрного романа, фантастического романа, фельетона и нравоописательного очерка в русской литературе, издатель первого в России театрального альманаха.

Иван Иванович Выжигин

Произведение Ф.В. Булгарина «Иван Иванович Выжигин» рисует страшные картины детства мальчика-сироты, росшего до десяти лет в доме помещика. Здесь показаны одиночество и беззащитность маленького человека в жестоком мире взрослых и детей, отчаянные попытки найти родную душу среди них и как сильнейший укор людям – добрые отношения между ребенком и собакой.

В отрывке ярко нарисованы моральное уродство, жестокосердие, равнодушие помещиков – представителей более высокого по сравнению с крестьянством сообщества. Их отношение к «маленькому человечку» отразилось, как в зеркале, в поведении приказчика и всех дворовых, развращенных примером своего барина.

Если в крестьянском социуме морально-этические принципы требовали милосердного отношения к слабым и сиротам, что в обществе, стоящем на более высоком уровне развития, эти моральные нормы легко попирались. Детство «приемышей» и сирот здесь становилось адом.

<...> До десятилетнего возраста я рос в доме белорусского помещика Гологордовского, подобно доморощенному волчонку, и был известен под именем сиротки. Никто не заботился обо мне, а я еще менее заботился о других. Никто не приласкал меня из всех живших в доме, кроме старой, заслуженной собаки, которая, подобно мне, оставлена была на собственное пропитание.

Для меня не было назначено угла в доме для жительства, не отпускалось ни пищи, ни одежды и не было определено никакого постоянного занятия. Летом я проводил дни под открытым небом и спал под навесом хлебного анбара или на скотном дворе. Зимой я жил в огромной кухне, которая служила местом собрания всей многолюдной дворне, и спал на большом очаге, в теплой золе. Летом я ходил в одной длинной рубаше, подпоясавшись веревкою; зимою прикрывал наготу свою чем попало: старую женскую кофтой или полуразрушившимся армяком; этим убранством снабжали меня сострадательные люди, не зная, куда девать старые тряпки. Я вовсе не носил обуви и так закалил мои ноги, что ни мягкая трава, ни грязь, ни лед не производили в них ника-

кого ощущения. Головы я также никогда не прикрывал: дождь смывал с нее пыль, снег очищал золу. Питался я остатками от трапезы дворовых людей в разных отделениях дома, и лакомился яйцами, которые подбирал в окрестностях курятника и под хлебным анбаром; остатками в молочных горшках, которые я вылизывал с необыкновенным искусством, и овощами, краденными по ночам в огороде. У меня не было никакого непосредственного начальника, а всякий помыкал мною по произволу. Летом меня заставляли пасти гусей на выгоне или на берегу пруда стеречь утят и цыплят от собак и коршунов. Зимой меня употребляли вместо машины для оборачивания вертела на кухне, и это было для меня самое приятное занятие. Всякий раз, что повар или поваренки отворачивались от очага, я проворно дотрогивался ладонью до сочного жареного и под рукавом сосал жирную руку, как медведь лапу; иногда я очень искусно обрывал куски ветчины из шпигованья и похищал котлеты из кастрюль. Главная моя обязанность состояла в том, чтоб быть на посылках у всех лакеев, служанок и даже мальчиков. Меня посылали в корчму за водкою, ставили на часы в разных местах, неизвестно для какой причины приказывая свистеть или бить в ладоши при появлении господина, приказчика, а иногда даже других лакеев и служанок. По первому слову: «Сиротка! сбегай туда-то; кликни того-то», — я пускался из всех ног и исполнял приказания со всею точностью, потому что малейшее упущение влекло за собою неминуемые побои. Когда меня ставили на часы и не велели оглядываться (что особенно случалось в саду), я стоял как вкопанный в землю, не смел даже шевелить глазами и тогда только двигался, когда меня сталкивали с места. Иногда, хотя очень редко, меня награждали за мою усердную службу куском черного хлеба, старой ветчины или сыру; и я, как ни бывал голоден, всегда, однако ж, делился этим с моею любимою собакой, *кудлашкою*.

Видя, как других детей ласкают и целуют, я горько плакал, не знаю, по какому-то чувству зависти и досады; ласки и лизанье *кудлашки* облегчали грусть мою и делали сноснее мое одиночество. Смотри, как другие дети ласкаются к своим матерям и нянькам, я ласкался к моей *кудлашке* и называл ее маменькою и нянюшкою, обнимал ее, целовал, прижимал к груди и валялся с нею на песке. Мне хотелось любить людей, особенно женщин; но я не мог питать к ним другого чувства, кроме боязни. Меня все били и толкали: с досады, для забавы и от скуки. Когда я попадался навстречу лакею или служанке, получившим гонку или побои от господ, они вымещали на мне свою досаду, сгоняя с дороги пощечиною или щелчком, с приговоркою: «Пошел прочь, *сиротка!*» Если я из любопытства хотел иногда посмотреть, как запрягают цугом лошадей, — кучера, чтобы возбудить смех в других зрителях, хлопали бичом над моею головою или стегали по ногам и заставляли меня с воплем прыгать под ударами. К псарям я не смел приближаться на расстояние длины арапника. Даже пастухи издевались надо мною: они, для шутки, вгоняли меня плетью в стадо и утешались, смотря, как я в страхе увертывался между коровами и овцами. Два господские сынка

забавлялись, стреляя в меня из лука и травя малыыми комнатными собачками, от которых, однако ж, защищала меня всегда моя *кудлашка*.

Самого барина я редко видал: встретив меня однажды на дворе, он запретил мне приближаться даже к окнам господского дома, и так страшно стукнул ногою, примолвив: «Прочь, зверенок!», что я не смел более показываться ему на глаза и прятался в собачью конурку, лишь только, бывало, завижу его издали. Барыню и двух барышень я видал не иначе как чрез забор в саду или в коляске и знал их только по нарядам. Приказчика и его жены я боялся, как смерти, потому что они несколько раз секли меня, в пример милому их сынку, который не хотел учиться азбуке, но любил разорять птичьи гнезда и швырять камнями в господских утят и цыплят: истребление домашних птиц этим негодием приписывалось коршунам и моему несмотрению. В наказание за проказы этого шалуна, его заставляли смотреть, как меня секут, и слушать нравоучение, которое заключалось в сих словах: «Смотри, Игнашка, если ты будешь долее шалить и не станешь учиться, то и тебя будут так же больно сечь, как этого *сиротку*. Слышишь ли, как он визжит? Вот и ты запоешь этим же голосом!» В награждение за драматическое представление этого опыта нравоучения, жена приказчика давала мне кусок хлеба с сыром или крынку молока, которое я глотал пополам со слезами, не постигая ни причины наказания, ни милости.

<...> Утром, бродя, по обыкновению, возле кухни, чтоб поживиться чем-нибудь, я увидел Машу, которая подозвала меня к себе и велела за собою следовать к приказчику. Думая, что меня снова станут сечь розгами, для примера негодному его сынку, я горько заплакал и собирался бежать в деревню к офицерам. Но Маша уверила меня, что со мною не сделают ничего дурного, и я последовал за нею, дрожа, однако ж, от страха. Меня умыли, причесали, или, лучше сказать, выскребли, надели чистое белье, прикрыли каким-то кафтанишком и повели в господские комнаты. Я был в таком точно положении, как овца в руках у пастуха, которая трепещет от боязни, не зная, стричь ли ее станут или резать. Меня поставили в сенях и велели дожидаться. Я крайне удивлялся, что лакеи и мальчишки, проходя через сени, не били меня и не насмехались надо мною, по обыкновению. Это придавало мне смелости; но когда дверь из комнаты вдруг отворилась, и я увидел господина, госпожу, барышень и господских сыновей, которые все шли прямо ко мне, бодрость меня оставила, и воспоминание о запрещении господина приближаться к окнам дома отозвалось в моей памяти. Мороз пробежал по всем моим жилам; я затрепетал, вскрикнул от ужаса и хотел было опрометью бежать из сеней; но меня остановили. По

счастью, я заметил в числе зрителей офицера; бросился ему в ноги, схватил их ручонками и жалостно возопил:

– Не давай меня сечь, добрый барин; я, право, ничем не виноват! <...>

Булгарин Ф.В. Иван Иванович Выжигин // Булгарин Ф.В. Сочинения / Авт. вступ. ст. и примеч. Н.Н. Львова. – М.: Современник, 1990. – С. 32-34.

Короленко Владимир Галактионович (1853-1921)

Русский и украинский писатель. Образ детства в творчестве замечательного русского писателя Владимира Галактионовича Короленко – одна из прекраснейших страниц отечественной литературы. Этот писатель, как никто другой, психологически точно и глубоко изобразил процесс становления человека в раннюю детскую пору, проходящий под влиянием природы, музыки, народного искусства. Время «ранних впечатлений» ребенка писатель считал самым ценным периодом жизни любого человека.

Приемыш

Рассказ «Приемыш», небольшой по объему, поднимает целый ряд важнейших тем крестьянской жизни.

Первая – нравственная тема. В рассказе показана внутренняя красота крестьянской супружеской пары, сумевшей сделать счастливой маленькую детскую душу, испытавшую много страданий в самом раннем детстве. Муж и жена, перенесшие трагедию потери сына, не утратили самые сильные инстинкты материнства и отцовства, перенесли свою любовь девочке-приемышу.

Вторая тема – правовая. Достаточно часто дети, оставшиеся по разным причинам без попечения родителей, не передавались в опеку государству, а переходили жить в семью родственников, реже – в чужую приемную семью. Их судьба нередко была тяжелой. Надзор за соблюдением прав этих детей осуществлялся общиной. В рассказе «Приемыш» изображено идеальное отношение к такому ребенку. Моральные принципы крестьянского социума требовали доброго отношения к детям-сиротам. Жалость и сострадание являлись теми чертами нравственного здоровья крестьян, которые пропагандировались и церковью и традиционным воспитанием в семье и обществе.

Третья тема – трудовое воспитание крестьянских детей. Восемилетняя девочка помогает отцу в нелегком труде рыбака. Тяжелое весло и рыбацкое снаряжение укладываются в челнок в ожидании прихода отца. Несмотря на большую любовь к чужому ребенку, заменившему умершего сына, приемные родители готовят девочку к нелегкой жизни крестьянки.

<...> Песчаная коса сильно вдавалась в течение реки. На косе виднелся рыбацкий челнок, а у челнока босая девочка лет восьми возилась с тяжелым для нее веслом и рыбацкими снарядами.

Я шевельнул веслом, и наша лодка уткнулась в отмель с другой стороны...

Девочка повернулась. Ее синие глаза стали круглее, губы опустились книзу, и весло выпало из рук.

– Не бойся, умница, – сказал я помягче. – Мы тебе дурного не сделаем.

Скажи, как поближе пройти в вашу деревню...

– Э-эвона... деревня-то...

Действительно, сделав несколько шагов, я увидел из-за кустов избушки деревни, сверкавшей окнами на вечернем солнце.

<...> Через минуту на берегу показалась фигура мужика, без шапки, с лохматыми волосами, босого и с грудью сетей на спине. Он шел, опустив голову, покачиваясь, будто сонный, и несколько раз споткнулся на ходу. Девочка смотрела на него смеющимися глазами.

<...> – Да он тебе тятка, что ли? – спросил я, удивляясь, что она зовет мужика то тяткой, то по имени и отчеству.

Девочка не ответила. <...>

Хозяйка Дарья Ивановна встретила нас, впрочем, очень приветливо и радушно. <...> озяпка стала хлопотать около самовара. Девочка помогала матери.

– Дочка-то как на тебя похожа, – сказал я, – только глаза да волосы посветлее.

Женщина как-то странно улыбнулась и покраснела.

– А старик муж тебе?

Она покраснела еще больше, до самых ушей, и даже закрыла лицо широким узорно расшитым рукавом.

– Муж. Да он и не стар еще годами-те против меня. Работа да горе!.. Да теперь вот суется еще, как сонная муха, – почитай, неделю не спит: с рыбой связался... Забота! А пуще всего кручина извела его, как сынок у нас помер.

Двадцатый год пойдет с филипповок, как в сыру землю Мишаньку уложили.

<...> – То-то вот, говоришь ты: «Похожа!» А она у меня богоданная, приемыш, – сказала Дарья Ивановна, ласково и как-то серьезно глядя рукой белокурую головку прильнувшей к ней девочки. – Да все меня, дурушка, мамкой зовет, а у нее ведь и родная-то мать жива... Так ту, слышь, долго все «чужой тетей» звала. Насилу я ее, дурочку, выучила. Грех ведь! Вот теперь две мамки у нее.

Да и у меня она тоже за двух: за дочку богоданную, да за сыночка родного, за Мишаньку...

<...> Видно, по Мишанькиному заступлению помиловал нас господь батюшка... Это за рекой, в деревнюшке, принесла девка младенца... Согрешила, бедная, да уж и муки же приняла: в семействе и прежде у них неладно было, – мачеха лютая и то со свету сживала, а тут – и-и, боже мой! – чего натерпелась девонька моя. Известно, мачехи-те редко хорошие живут. По-настоящему-то рассудить, так, может, и тот девкин грех мачехе замаливать надо. Потому что – первое дело: ейное несмотрение, второе дело: иная девка от невзгодья от одного, дома-то свету-радости не видя, на грех пойдет. Тоже – живой человек, тоже ласки захочет. Ну, и поверит наша сестра другому подлецу. А там и плачь всю жизнь, проклинай свою девичью долю, непокрытую, а он, хахалишко, известно, другую дуру обманывает...

Так вот и с ней. Принесла ребеночка, – мачеха с глаз долой согнала. В чужих людях жить, сам знаешь, с ребенком-те маята, да еще все смеются, да ото всех бесчестье да попреки... Бьется, бедная, бьется, до того, говорит, добилась, что взять младенца на руки да в омут головой и с ребенком-те.

<...> Она смолкла... Девочка тянулась к ней с улыбкой баловницы-дочери. За окном чирикала какая-то вечерняя пташка, и, казалось, последний луч солнца медлил уходить из избы, золотя белокурую голову ребенка, заливая ярким багрянцем покрасневшее лицо поздней красавицы, любовью и болью сердечной завоевавшей себе новое материнство.<...>

Короленко В.Г. Приемши // Коленко В.Г. Рассказы и очерки / Сост. И автор послесловия Н.М. Любимов. – М.: Сов. Россия, 1982. – С.192-199.

Короленко В. Г.

Слепой музыкант

Повесть о мальчике Пете, который родился в богатой семье помещика Юго-Западного края. Мать, установив его слепоту, пыталась окружить младенца излишней опекой, начала баловать его, но ее брат, Максим, потерявший на войне ногу, потребовал, чтобы к племяннику не проявляли «глупую заботливость, устраняющую от него необходимость усилий». И в дальнейшем дядя Максим оставался строгим и добрым другом Пете, не позволяя ему чувствовать свою неполноценность, в конце концов, вселив в него уверенность в возможность духовного прозрения, что и происходит в финальной сцене повести: Петя, уже испытавший счастье семейной жизни, отец зрячего сына, став пианистом, завораживает своей игрой огромный зал.

Не менее важной является мысль автора о том, что переезд в деревню семьи Пети воспринялся как вынужденное действие, приравненное в общем восприятии к ссылке.

<...>Ребенок родился слепым. Кто виноват в его несчастье? Никто! Тут не только не было и тени чьей-либо «злой воли», но даже самая причина несчастья скрыта где-то в глубине таинственных и сложных процессов жизни. А между тем при всяком взгляде на слепого мальчика сердце матери сжималось от острой боли. Конечно, она страдала в этом случае, как мать, отражением сыновнего недуга и мрачным предчувствием тяжелого будущего, которое ожидало ее ребенка; но, кроме этих чувств, в глубине сердца молодой женщины щемило также сознание, что причина несчастья лежала в виде грозной возможности в тех, кто дал ему жизнь... Этого было достаточно, чтобы маленькое существо с прекрасными, но незрячими глазами, стало центром семьи, бессознательным деспотом, с малейшей прихотью которого сообразовалось все в доме.

Неизвестно, что вышло бы со временем из мальчика, предрасположенного к беспредметной озлобленности своим несчастьем и в кото-

ром все окружающее стремилось развить эгоизм, если бы странная судьба и австрийские сабли не заставили дядю Максима поселиться в деревне, в семье сестры. <...>

Короленко В.Г. Слепой музыкант // Короленко В.Г. Рассказы и очерки / Сост. И автор послесловия Н.М. Любимов. – М.: Сов. Россия, 1982. – С.145-261.

Некрасов Н.А.

В приведенном ниже отрывке произведения Н. Некрасова очень четко показана социальная пропасть между деревенскими детьми различного социального уровня и достатка: крестьянских детей, которые в состоянии приобрести товар у заезжего купца, а так же девочки-сироты, чья участь только «слюнки глотать».

Дядюшка Яков

<...>

«Стой, старина!» Старика обступили
Парней, и девок, и детушек тьма.
Все наменяли сластей, накупили –
То-то была суета, кутерьма!
Смех на какого-то Кузю печального:
Держит коня перед носом сусального;
Конь – загляденье, и лаком кусок...
Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек!
Жалко девочку сиротку Феклушу:
Все-то жуют, а ты слюнки глотай...

<...>

1867

Некрасов Н.А. Дядюшка Яков // Некрасов Н.А. Стихотворения и поэмы. – М.: «Московский рабочий», 1996. – С. 105.

Нефедов Филипп Диомидович (1848 – 1902)

Беллетрист-народник и этнограф. Первыми рассказами Нефедова из крестьянской жизни являются «Крестьянское горе» и «Иван-воин», напечатанные в 1868 году. В них изображаются картины зажиточности, темноты крестьянских масс.

Иван-воин

В рассказе «Иван-воин» показана темнота крестьян, поверивших, что они удостоились «божьей милости»: к ним явилась икона святого Ивана-воина, тогда как икона была подложена ловким торгов-

цем. Помимо основного содержания, составляющего сюжет рассказов, в них много подробностей бытового характера. Например, непощение крестьянским обществом нарушений основных норм социального общения мужчин и женщин в добрачный период.

<...> Ближе вечер, молодухи и девки ходят по деревне, показывают старшим свои покупки: кто ленту алую, кто ситец цветной, кто другое что. Старики ничего, хвалят, а молодым-то и любо, на душе весело. Еще бы не весело им было, когда через три недели троицын день: каждая в церковь божию в обновке выйдет, и будет в чем перед добрыми людьми показаться да перед парнями в хороводах покрасоваться. Бедно у нас в деревне живут, а порядиться тоже их как любят! <...>

<...> Привезли к нам и одну порченую. Руки и ноги связаны; вынули из телеги, развязали и поставили на ноги. Молодая, из себя красавица; косы распустились, висят по рубашке темными прядями. Спрашиваем: откуда такая красавица?

– Из Жуковки, – отвечают. – Ивана Гарасимова дочь, бесноватая.

– Отчего это с ней приключилось?

– Известно, злые люди напустили. Девка была здоровая, умная; с лица ровно маков цвет; да связалась, на грех, с писарем волостным и сгубила себя на всю жисть. Сперва он, идол, надругался над девкой, кинул, а после и навел на нее порчу. <...>

Нефедов Ф.Д. Иван-воин /// Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века / Вступ. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. – М.: Современник, 1986. – С. 129, 141.

Потехин Алексей Антипович (1829-1908)

Русский писатель, почетный член Петербургской АН. Большая часть его рассказов повествует об особенностях крестьянской жизни.

Крестьянские дети

Произведение «Крестьянские дети» яркий пример специфики жизни деревенских детей и отношения к ним представителей старшего поколения.

<...> Холера особенно сильно свирепствовала в Ломах. <...>

В числе жертв холеры был один крестьянин в Ломах, не старый еще человек, трудолюбивый и деятельный, – Иван Парамонов. Лед пятнадцать назад он сиротой был взят в дом крестьянином деревни Ломов и призван, т. е. крестьянин выдал за него свою дочь. Незадолго до холеры тесть и теща умерли, и он жил со своей женой и троими детьми, из которых старшая была дочь, Марья, двенадцатилетняя девочка, а двое других мальчики: восьми лет и году.

Дольше других щадила болезнь Ивана, и может быть оттого, что он не падал духом, не прятался и не боялся ее. Но вот однажды, к вечеру, но

прежде времени, он едва дотащился с поля домой,— и жена его невольно вскрикнула, взглянувши на его помертвелое, страдальческое лицо. <...>

Долго сильная натура Ивана боролась с болезнью; но скоро вслед за ним захворала и свалилась его жена, так что Маше пришлось ухаживать вдруг за двумя больными — отцом и матерью, и в то же время заправлять всем домом. Ждать помощи было неоткуда: у всех соседей был свой страх, своя забота, свое горе; родных у нее в деревне не было. Маша не растерялась, не упала духом, не бежала с воплями просить о помощи. Бледная, истомленная, с измученным страдальческим лицом, не смыкая глаз ни днем, ни ночью,— переходила она от отца к матери, подавала им пить, растирала ноги и руки, корчившиеся в судорогах, Делала, что могла и умела, чтобы облегчить страдания, — приговаривала сквозь слезы теми ласковыми словами, которые подсказывало ей сердце, и в то же время носила на руках маленького брата, когда старший братишка уставал, бросал его; и в то же время не забывала вечером и утром выдоить корову, согнать со двора скот на пастушню и встретить его, а также накормить братьев. Отец и мать, в минуты облегчения страдания, смотрели на нее угасавшими глазами, как на ангела-хранителя, призывали к себе, приговаривали ласковыми словами, благословляли, просили, как взрослою, не оставлять сирот, своих малых братишек; или напоминали о хозяйстве, о том, что нужно сделать в доме и в поле, рассказывали, где лежат их скудные достатки, их рубли и копейки, сбереженные для уплаты предстоящего оброка и других податей. Маша слушала их серьезно и сознательно, успокаивала их надеждою на выздоровление, уверенно обещала не оставить сирот, исполнить все по их желанию.

— Машутка, Машенька! да сама-то ты мал человек, сама-то ты пропадешь, изведешься без нас...— говорила мать среди стонов. — Батюшки! детушки мои малые, болезные!..

— Дома не решай, Машутка... как можно!.. братишков соблюдай, сделай мужиками... Ох!.. Господь не оставяет сирот...— стонал отец...

— Рубаху-то на меня надень холщовую... и сарафан... Бумажины¹ не клади со мной в гроб-то: грешно...— наказывала мать.<...>

— А штуку-то срежь со стана-то да отнеси... всю с концом... Ох... самой, чай, не доткать...

— Дотку, може, сама... а нет — отнесу, — уверенно отвечала Маша.

Но пришло время, когда родители Маши не в силах уже были и говорить; осунувшиеся, изменившиеся лица их выражали одно только физическое страдание: помутившиеся глаза, казалось, не отражали ничего, не видели, не узнавали даже детей, даже Машу, которая продолжала переходить от отца к матери, поправляла изголовье, прислушивалась к тяжелому дыханию, с тоской заглядывала в эти страшные тупые глаза, спрашивала: «Что, болит?» — и не получала никакого ответа.

¹ Бумажина — здесь в значении хлопчатобумажной ткани. По старообрядческим повериям, ткань считалась «нечистой».

Это молчание, эти тупые глаза действовали на бедную девочку сильнее, чем стоны и оханья больных. С невыразимой тоской, с болью в груди и в сердце, с чувством страшной беспомощности и своего бессилия, – смотрела она дорогих больных. По лицу ее текли слезы, маленькие руки и ноги дрожали, она не в силах была даже приподнять братишку, который ревел и просился к ней. Она полубессознательно слушала этот рев: он не трогал, не волновал ее; он как будто даже ободрял ее, мешал овладеть ею ужасу, который подступал к ней: она чувствовала около себя жизнь.

Но и родители ее еще не умерли: грудь тихо поднималась, слышалось сиплое дыхание, голова делала слабые движения, хотя руки и ноги и все тело лежали неподвижно, как бы уже утратившие жизни. Вдруг мать судорожно потянулась всем телом, тяжело, с каким-то хрипом, вздохнула, глаза ее как будто раскрылись, сделались на мгновение светлыми – и искали взгляды Маши. Она припала к матери, ожидая, – не скажет ли она чего-нибудь, смотрела ей в глаза с ожиданием, с любовью; но эти глаза были уже совсем стеклянные, совсем неподвижные, грудь не волновалась, дыхание прекратилось. Маша поняла, что с матерью было все кончено, что это была смерть, что она потеряла мать безвозвратно... В то же время в груди отца начался страшный, предсмертный хрип, – «заходил хоробрец», как говорят крестьяне... Теперь только Маша совершенно растерялась: с воплями, с криком, дрожа всем телом, не сознавая, что делать, выбежала она из дома на улицу и остановилась среди ее.

– Батюшки!.. Родненькие!.. Голубчики!.. Тятенька... Маменька!.. Батюшки!.. Что будет!..– кричала она, рыдая, держась за голову и безнадежно озираясь по сторонам.

Маленький братишка пополз за нею на четвереньках, скатился кубарем с лестницы и кричал в голос, катаясь по земле около крылечка. Старшего братишки не было в избе: Маша отпустила его гулять. <...>

– Ну-ка, трое, мал мала меньше! А-ах-ти, беда, ахти беда!.. Ну, девонька, трудно-тяжело тебе жить будет, – и себя, и малых подымать... Эка, господи батюшка, наслание на нас посылает...

Маша, с ребенком на руках, едва поспевала за старухой. Офросинья это заметила.

– Дай, я понесу ребенка-то...– сказала она, протягивая к нему руки.

Но мальчик испугался, заревел и спрятал голову на плече сестры.

– Ничего, бабушка... донесу...– говорила Маша.

– Вишь ты: велик ли, а признает тоже кровь-то родную... к тебе припадает... Да уж теперь ты им вместо матери будешь...

Когда они подходили к избе, с крыльца сбежал старший брат, Павлушка, с испуганным, взволнованным, не столько опечаленным, сколько недоумевающим лицом. В отсутствие сестры он забежал домой и, не найдя ее, пораженный видом матери и отца, испугался. Выскочивши на улицу, он озираясь по сторонам, и, увидя сестру, бросился к ней, обнял ее ручонками, и, взглянув в глаза сестры, вдруг заплакал и прижался лицом к ее платью.

– Вот и этот ровно к матери... под крылышко...– говорила Офросинья, приостанавливаясь и смотря на детей. – Ах вы, сиротки, сиротки горемычные!.. Эка, господи батюшка!.. <...>

Маша позвала братьев к себе, взяла маленького на руки, посадила Павлушку рядом, обняла его и заплакала.

– Нет у нас маменьки, нету тятеньки!.. Сиротки мы трое горемычные!.. Как нам жить-то, что делать-то, к кому голову приклонить?.. Опокинули нас родимые тятенька с маменькой! – причитала она, как большая, горько плача.

Плакал, смотря на нее, и Павлуша; серьезно, сосредоточенно и молча стояли, смотрели и слушали окружавшие их – другие крестьянские дети. <...>

Изба вдруг огласилась страшными, раздирающими душу воплями Маши, которая бросилась на труп матери; Павлуша и маленький Сашка также заплакали навзрыд, в голос. Офросинья стояла над ними, склонивши на руку голову и, вздыхая, покачивала ею. Никитушка не выдержал... и, смахнувши рукою слезу с ресницы, вышел закладывать лошадь в телегу. <...>

– Бог милостив, будет из тебя прок, – проговорила она Маше, – не уронишь дома и братишек поднимешь; не обидел тебя господь умом-разумом, и родители с того света будут на тебя смотреть – да радоваться... <...>

У крестьян нет ни погребальных колесниц, ни катафалок, ни даже малейшего их подобия. <...>

За телегой шли только Маша, с ребенком на одной руке, и рядом с нею Павлуша. <...>

Только один Никита был чужой в этой печальной процессии.<...>.

«Больно уж они малы остались, – размышлял он. – Ну что, хоть бы и Машутка: ну что – двенадцать годков! велика ли сила? Ай, трудно-тяжело им будет... Пушай дом остался, всякое заведение, да что поделаешь без рук-то? как прокормишься?.. Тоже трое ртов, мал мала меньше... И сродственников-то никого, кажись, нет у них... Да что сродственники?.. Разве пожалуют?.. Всякий сам про себя. Известно, люди найдутся, разберут их по домам, – да какова жизнь-то будет!.. Ай, люди-то не жалостливы!.. Вот сивка им еще останется... Да что пути-то без хозяйских рук? я того, пожалуй, продать придется... Продадут, деньги проживут; а лошадь добрая...» <...>.

– А сродственников-то, кажись, нет у вас? – продолжал Никита.

– Есть одна тетка... Сестра она тятке-то была – сводная... от разных матерей они... Только и есть, да и то в отдельности живет; а то больше нет никого...

– Детная она – тетка-то?.. Много деток-то у нее али нет?

– Двое у нее... две девочки.

– Вот она, может, возьмет паренька-то... меньшинького-то?..

– Сашку-то? – быстро спросила Маша, обхватывая братишку свободной рукой и прижимая к себе. – Почто?.. Нету, я не отдам... Да она и не возьмет: больно мал... хлопотно ведь с ним... Не на ногах еще: возиться с ним надо...

– Ну, так вот старшого, Павлушку: этот на своих ногах, и шустрый, в работе скоро помогать станет; его возьмет, чай, тетка-то с радостью... Да и чужие, кто бездетные, примут, в сынки возьмут...

– Я не пойду... Не хочу я... Я с Машкой стану жить! – раздражительно возразил Павлуша...

– Не пойдешь? Рад бы не пошел, да коли кормиться-то нечем будет?.. Сестренке-то одной вас не поднять: велика ли она, сама-то?.. Вот братишку-то нести – смогри-ка, как смаялась... А скоро ли еще он на свои-то ноги, встанет? <...>

– И Сашу не отдадим, и сам не пойду... Так и будем жить все вместе... с Машкой, – решительно сказал Павлуша, бодро шагая около сестры. – Маша, ведь не отдадим Сашу никому? – настаивал он...

– Нету, нету, не отдадим...

– Ты вот около дому управляйся, а меня вот в подпаски отдай... Я справлюсь... спасу... А тут и Сашка ходить выучится: он уже стоять примается, дыбком стоит... А пока то я, то ты таскать его станем... Подпаску-то вот по десяти рублей в лето платят, и одевают! Вот и прокормимся. А в люди я никуда не отдамся и Сашку не отдам. Дом у нас есть, сивка есть, пестрянка есть: вот и будем жить своим домом... Даве я с ребятишками толковал. «Как, чу, жить будете?» – «Так, мол, и будем жить своим домом». «Так, чу, и живите; а в чужие люди не отдавайте: нет хуже». – И ребятишки молвили... <...>

Никита с сочувствием прислушивался к этой детской беседе и с грустью любовался их смелостью и готовностью идти на борьбу с предстоящей нуждой, лишениями, беспомощностью; но он был не из тех людей, которые были бы способны расхолаживать подобную решимость и пугать детское воображение предстоящими трудами и всякими невзгодами: он по опыту знал, как мало нужно человеку и как тяжело есть чужой хлеб.

– Живите, живите, детки, сиротки горемычные, – говорил он, – живите в одной кучке, друг за дружку держитесь крепче, не расходитесь, друг дружке помогайте... Нет того лучше, как свой угол, своя изба, свой, не чужой, не оговоренный кусок... Хоть и нужда пристегнет – ничего, перетерпите: с голода не умрете; ну, и ради Христа посбираете: с вас не взыщется, вы малолетки, – кому и подать, как не вам... А все держитесь своего угла, все в кучке живите. Бог милостив, не оставит вас, сиротинок; и православная земля не без добрых людей, – поддержат вас... с голоду не дадут помереть. А по чужим домам поразбредетесь, – на что уж хуже: и там не пристанете, да и промеж себя ровно чужие будете, и свое гнездо остынет, совсем разорится, после и не совете...

– Я и тятя с мамой обещалась, что дома рушить не буду и братьев в своем дому подниму, – просто, но твердо сказала Маша. <...>

Маша чуть не обезпамятела, когда в последний раз целовала и прощалась с дорогим ей прахом; все, что затем последовало, она видела, слышала и чувствовала – как во сне: и стук молотка по крышке гроба, и шуршание веревок, опускавших гроб, и зияющую яму, которая поглотила ее дорогих, и комья земли, которые быстро летели вниз и на-

полнили эту яму. Машинально, по чьему-то приказанию, и она сама бросила туда три горсти земли. Забыла на время о братьях, которые стояли рядом и оба плакали.

– Ну, что же, Машутка, пойдем домой, – сказал ей нерешительно и осторожно Никитка.

– Полно!.. эка девочка желанная! Бона, уйми ребят-то: ревут...

Маша оглянувшись на братьев, порывисто обняла их обоих и сама зарыдала.

– Посидимте, посидимте вот маленько на могилке...– проговорила она. – Простимтеся с тятенькой и маменькой в остальной раз, да и поедемте... Ах, милые вы наши родители! благословите-ка вы нас, пожалейте-ка вы деток своих!.. Что вы поделали, на что нас опокинули!.. Не к кому нам идти, не к кому голову приклонить, окромя вас... Научите-ка вы нас, как нам жить, как нужду-горе проводить... Где у нас солнышко ясное – батюшка, где угрев теплый – матушка? Кто нас пожалеет, кто разуму научит, кто ласковым словом взыщет? Пожалейте-ка нас, люди добрые, сирот горемычных, – что ни отца нет, ни матушки, – сиротки мы круглые... <...>

– Прощайте, родименьки! – сказала она в последний раз, с глубоким, не детским вздохом. – Прощайте! <...>

Дорогой все были унылы, мрачны; никакой разговор не вязался. <...>

Никита с любовью, но молча, посматривал на сирот и молча думал свою думу.

«Вот теперь ведь опекуна к ним, поди, приставлять будут: кого-то приставят?.. Пожалуй, такого изберут, что их-то всех рассует по людям да и дом-то не соблюдет... Другой и слушать не станет, что кучкой хоят, в своем гнездышке, жить... Скажет: «Чего малых детей слушать? разве они понимают!» А кому заступиться-то? Некому, родных нет... Тетка-то? Бог ее знает – какова она, да и в отдельности...».

– Э-эх, сиротки, сиротки горемычные! Тоже думают сами про себя: «Вместе жить будем, промышлять про себя станем, друг за дружку держаться». Нет, сердечные, разведут вас, раздадут по людям, кто вам дом на руки покинет? Кто вашему разуму поверит? Да и не управиться вам: пускай полосу мир за себя возьмет, а чем скотинку-то кормить будете? А без коровки, да без своего хлебца – чем вы прокормитесь? Мир полосу возьмет за себя, так и оброк с нее платить будет, – вам ничего не даст. А коли опекун сам поправляться станет, так – каков человек: иной, коли бога не побоятся, так не много вам достанется... Да больно-то хлопотать про чужое дело не много людей найдется: по нашему месту, у всякого своего горя да нужды довольно... <...>

В избе их встретила бабушка Офросинья. <...>

– <...> Вот, Машутка, скоро хлеб в поле поспеет; надо его сжать, убрать... Об этом вот подумай-ка: без хлебушка не проживешь... Я вон посмотрела в чулане-то, – аи мало у вас запасенного-то! Станет ли на неделю муки-то? И то навряд ли. А до новой-то еще далеко. Ну, известно, пер-

вое время сходишь-набираешь: подадут, прокормишься; да на это надеяться нечего, надо свою-то полосу сжать-убрать... Свой-то хлебец вернее...

– Поспее, буду жать; я жать умею, – отвечала Маша.

– Знаю, что умеешь; да много ли ты одна нажнешь! и сила-то в тебе детская, и ребенок-то у тебя на руках, и в дому тоже всякая работа на тебе будет... Не управишься, девонька... Пускай и я буду к тебе захаживать когда, пособлять, – после заплатишь хоть ржицей; а все и вдвоем-то мы не далеко с тобой уедем.

– И я буду жать: я тоже умею, – сказал Павлуша.

Офросинья и Никита улыбнулись.

– Ну, уж ты-то работничек! – сказала бабушка, – не столь ты нажнешь, сколь намнешь; либо пальцы отрежешь у себя; будешь после беспальным век-от...

– Нет, умею, не отрежу пальцев! – настаивал мальчик. – Меня еще мама летось учила: я жал...

– Ну, много ты нажал, полно-ка...

– А уж снопы беспрерывно я буду возить на гумно... И молотить буду...

– Ну, ладно, хорошо... Ты нишкни уж. Известно, без работы и ты гулять не будешь: сестре пособишь по силе... А вот как насчет всего полевого-то, Машутка, – надобно тебе обдумать: тебе надеяться не на кого... Миру ли будешь кланяться, просить помочи, али в люди всю работу сдашь, по сиротству, исполу?.. Вот сенцо-то, слава богу, кажись, все управлено у вас: по крайности хоть скотинке на зиму припасено... А не прокормишь и одним сенцом, без яровицы: и яровая соломка, и ржаная – все требуется. Исполу отдать придется, либо скота убавлять, либо кормочку прикупать, а какие у тебя купилы-то?.. Вот и подумай, что делать-то!

Маша сосредоточенно слушала старуху и размышляла, ничего не отвечая. Она видела, что впереди ей предстоит много тяжелых, почти неразрешимых для ее силы задач.

– Ведь им опекуна, чай, приставят от мира, – вмешался Никита.

– Да ведь что опекун?.. Разве он будет думать да радеть к ихнему делу? Абы как!.. Кабы какой стоящий человек попался, да бога помнил, ну так бы... А то от опекунов-то больше обиды для сирот-то бывает, нечем добра... <...>

Маша кланялась и просила о неоставлении, но не признавалась, что она не понимает, что значит такое – опекун. Бабушка Офросинья поспешила ей растолковать, что опекун – такой человек, который дается сиротам от общества, вместо родителей, что он будет заправлять всем домом и всем распоряжаться и что они, детки, будут у него под началом, все равно что у отца с матерью. <...>

– Так не оставь, дядюшка Никита, – говорила Маша, вновь кланясь, – сделай такую божескую милость... Я и сама пойду на миру проситься, чтобы тебя к нам приставили, коли милость твоя будет... <...>

– Да ты бы вот что, Никитушка: перешел бы пока и жить-то к ним, посоветовала Офросинья...

– Нет, этого я не могу... И брату будет не в удовольствие, да и люди, пожалуй, подумают, что я на чужой, да еще сиротский, хлеб польстился... Да и на что?.. Она умная, она управится... Ее только поддержать... На что чужого им в доме? Пушай живут промеж себя, сестра с братьями... Крепче промеж них будет... на всю жизнь это пойдет... Да и что я?.. Я разве работник? Чем им помочь?.. Только чтобы от недоброго человека их оберечь, что неизвестно, кого им приставят... Нет, пускай одни проживут: я только наследовать буду... А на ихние хлеба к ним я не пойду...

Вскоре после этой беседы, Офросинья и Никита ушли. Бабушку куда-то кликнули, а Никита заботился о доме брата, из которого он ушел с раннего утра. Дети остались совершенно одни. Это одиночество сначала очень их испугало, на них напал какой-то беспричинный страх и тоска; вспоминалось опять и горе. Маша обняла Павлушу, и некоторое время они сидели молча и неподвижно; но проснулся Сашка, закричал – и как бы оживил мертвую тишину, которая стояла в избе, пугала и гнала детей. Надо было взять Сашку на руки, накормить, успокоить его...

А затем началась работа, которая с этой минуты должна была сделаться неразлучным спутником детей на всю их жизнь... <...>

Унылые, печальные – сходились крестьяне; не было ни одного веселого, улыбающегося лица. Все почти крестьянки были повязаны белыми платками – единственный траур, который они носят. <...>

– Ну, что же, православные, – начал староста, – после этого божеского наслания нам надо в земле разобраться... <...>

Дошла очередь и до наших сирот.

– Об этих и толковать нечего, – заметил кто-то в толпе, – ни отца, ни матери не осталось, и сами малолетни... Землю от них всю под мир, в передел пустить, а к ним опекуна избрать...

– Знамо, – подтвердило несколько голосов.

– Да к коему делу опекуна-то приставлять без земли? – заметил один из мужиков. – Роздать ребят-то по домам, а скот и двор с избы продать... Пушай деньги-то ихние лежат да берегутся до возраста... А то опекун, счета да учеты, да после жаловаться будут на него же... Кому лестно? кто пойдет?

Большинство схода присоединилось к этому последнему мнению. Тогда, неожиданно для всего мира, выступил Кулявый. <...>

– К вам, господа миряне, – заговорил он наконец, придерживаясь за плечо Маши и поднимаясь на здоровой ноге во весь рост. – Пришел проситься послужить обществу... Покойник Иван Парамонов, перед тем, как душе с телом расстаться, наказывал вот дочке своей, Машутке, как можно чтобы дома не решать, хозяйство все блюсти, от полосы не отказываться и милых ребят, братишек ее, на своей земле, в своем доме поднять и мужиками сделать... Машутка родителю своему в том и обещанье дала... И желают они вот, ребятишки малые, землю за собой оставить, как было при покойниках, и прежнее тягло тянуть... Из дома сво-

его разбиваться не хотят, а жить своим домом, в одной кучке... Вот помилуйте, господа миряне, – не оставьте в том сироток круглых... Как бог, так и вы!.. <...>

Маша поклонилась сходу.

– Помилуйте, господа миряне, не оставьте: приставьте к нам дядюшку Никиту, а мы будем стараться изо всех сил, чтобы как лучше, а не то чтобы иссорить да измотать... <...>

– Да где же тебе, экому прыщу, с братишками, с домом, да еще и с полем управиться? – ласково спрашивали ее мужики. – Тебе и квашни-то не промешать... хлеба-то не спечь...

– По силе возьму, так и промешаю, а спечь испеку... Я и при мамке-покойнице хлебы-то пекла... И в печь посадишь, и вынешь, когда она на поле уйдет, бывало.

– И печку скутаешь вовремя: не остудишь и угару не напустишь?

– Как можно! Разве не видно, когда прогорела, когда нет?.. Видно ведь...

– Да тебе и корову-то не продоить...

– Продою. Как можно не продоить!.. Ее не продоить, так она молока сбавит, да и нездорова живет... Да у нас, пестрянка-то, благодарить богу, не туго доится-то...

– А полевою-то работу всякую знаешь?

– Орать да косить – вот не умею, а боронить – боронила... А жать-то я люта: еще и в том году в ползагоне только против матушки шла: а нынче полетней стала, так, чай, и силы прибавилось, еще больше нажну...

– А все полосы-то одна не одолеешь: как же управляться-то будешь?.. К миру все же будешь кучиться... У мира теперь делов да заботы по нынешнему времени и без вас не мало! Не одни вы сироты-то... Да хоть бы мир и помог, всего помочами не приделаешь... Как же будешь управлять-то?..

– Ну, уж где сила не возьмет, так исполу али из третьего снопа сдавать станем...

– Ну, а подать-то с чего будешь платить?.. Хлебом-то, пушай, прокормишься, а подать-то с чего возьмешь?..

– Зимой работы искать буду какой: я вот ткать ручна, а либо что... А Павлушка вот на лето в подпаски отдам... Как-никак, да надо промышлять, уж коли мужиками быть, землей заниматься, так надо подать добывать...

Ответы Маши вызвали ропот одобрения. <...>

– Ну, коли ин так – будь по-твоему, – объявил староста Никите решение схода, – отдаст тебе на руки мир ребят, сирот этих самых. Принимай, соблюдай их, учи уму-разуму, сделай людьми... <...>

Кулявый и Маша, веселые и довольные, возвратились к дому. <...>

Маша усаживалась за ткацкий стан. Жнитво еще не началось, и все свободное от других работ время она употребляла на то, чтобы доткать штуку миткаля, которую не успела окончить мать. <...>

Тяжела эта работа и для взрослого человека, а тем более для ребенка. При ней каждую секунду весь организм в сильном движении: одна рука толкает челнок с ниткой утка, застилающей поперек продольную

основу; другая так крепко ее прибивает, что сотрясаются и грудь и плечи; в то же время то одна, то другая нога давят на подножки, которые отодвигают вниз то один, то другой ряд ниток основы, чтобы пропустить челнок. <...> Немудрено, что после такой прогулки заболят спина и грудь, заломит ноги и руки. В деревнях, где занимаются точей на фабрике, крестьянских девочек с десяти-одиннадцати лет уже приучают к этой работе и сажают за стан. Конечно, им дают сначала ткани поуже и полегче; но в четырнадцать-пятнадцать лет девочки уже ткут широкие миткали и становятся опытными и искусными ткачихами. <...>

Маша ткала широкий миткаль; следовательно, работа ее была уже совсем не детская.

– Дядюшка Никита прислал меня: не надо ли тебе что помочь? – спросил Павлуша, вбегая в избу. <...>

– Так вот что: поски-ка цевок, коли... У меня их мало.

– Ладно.

Павлуша очень охотно принялся за дело. На воробах – больших рогулях, вращающихся на оси, надет моток бумажных ниток. С этих воробов нитки нужно перемотать, навить на длинную катушку-дудочку, на цевку. Этой работой всегда занимаются малые дети; на фабриках их зовут поэтому цевочниками. Павлуша сел на обрубке дерева, стоявшем около воробов, подвинул к себе корзину с цевками, надел одну из них на конец железного ворота – скально, вращающегося в особом станке, завил конец нитки от воробов на цевку – и начал вертеть ворот; цевка быстро завертелась, накручивая нитку, – работа закипела. Павлуша, вертя одной рукой скально другой управлял ниткой так, чтобы она ровно ложилась вдоль всей цевки, ряд за рядом. Он работал проворно и ловко: видно было, что дело это для него привычное. В избе слышался некоторое время только стук стана, свист и визг воробов и скально с цевкой.

– А что, Машутка, – спросил Павел, снимая готовую, насаживая новую цевку и пользуясь тем, что сестра связывала в это время оборвавшиеся нитки основы, – теперь уж нас не тронут, при дяде Никите: в люди не будут раздавать?

– Нету, нет... Благодарить бога, все вместе будем. <...>

– Ни в жисть бы не пошел в чужие люди...

– Как бы ты не пошел-то?.. Не спросили бы – отдали...

– А я бы улег...

– Куда?..

– А к тебе...

– Да и меня бы отдали...

– Ну, в лес бы улег...

– Поймали бы да выстегали... Только бы и было...

– А я бы...

– Что?

– В чужих людях, говорят, нет хуже... бьются...

– Ну, так что делать-то?.. Ревел бы, да жил... На то мы сироты... <...>

За этой работой застал детей староста, пришедший в избу вместе с несколькими мужиками-домохозяевами. <...>

– Ну, хозяйка, показывай все свои пожитки: вот надо все Никите Ларивоньчу с рук на руки сдать, чтобы все в целости, в сохранности было для вас же... – говорил староста, обводя глазами избу.

– Извольте смотреть, – отвечала Маша, следя глазами за взором старосты. <...>

– Ну так вот примечайте! – обращался староста к свидетелям. – Ну, вот еще стан, воробы, скально... Бона посуда около печи... Да что, это изведется – этого считать нечего. Деревянной-то посуды много ли у тебя?..

– Да что?.. – отвечала Маша – вот три чашки больших, две махоньких, полдюжины ложек; вот два уполовника, две квашенки, ведер двои, три кадушки – две про кисленицу, одна про огурцы; авось посолить, коли бог приведет... Жбан квасной... Ну, решет двои, тоже и сито есть, когда пшениченького али для блинов... А то три лукошка али два? – нет, три, да мерка деревянная... то в амбарушке... Ну тоже плетух три: две щепные, одна прутяная...

– А чугунов нет али насчет чего из железа: ножей, приемцев?

– Как же, есть: чугун есть; а из железа вот косарь, два топора; один-то тупица, а другой топор хороший, новый... Ножей у нас – три ножа... Вот приемцов нет... Были двое стареньких, да поржавили, поломались... Опять же две косы, три серпа...

– Ну, то насчет полевой сбури – то опосле... По бабьему-то хозяйству все ли сказала? Еще чего нет ли?..

– Да все, кажись... Не ведаю, что еще... Да нет, все уж теперь... Да и быть нечему: у нас, благодарить бога, всего довольно насчет домашнего заведения: тятка с мамкой, царство им небесное, запасливы были... <...>

– Ну, показывай одежду носильную, что в избе есть; а тут в сенник пойдем! – приказывал староста.

В избе, на полатах и на печи оказались два старых полушубка и три рваных кафтанишка, которые днем служили обиходной одеждой, а ночью подстилкой, изголовьем и одеялом во время сна. Вся остальная одежда сохранялась в сеннике – холодной комнате, или, лучше сказать, светлом чулане, который в крестьянских избах всегда пристраивается около сеней и служит кладовой, в которой сберегается все самое дорогое и ценное из крестьянского имущества.

Здесь Маша указала старосте и его спутникам новый нагольный полушубок, серый верхний халат и нанковую, праздничную, толсто стеганную на вате, поддевку отца, его теплую кошачью шапку, рукавицы, нагольный полушубок и нанковую коротышку матери и перешитую из старой, покрытой новой синей крашениной, свою собственную шубку.

У Павлуши, по его малолетству, еще не было никакой своей верхней одежды: зимой он выбегал на улицу в сестрином старом полушубке, который и она-то донашивала после матери, а на ноги надевал также сестрины, а иногда даже отцовские, валеные сапоги, которые с удобством заменяли ему и штаны, также не полагавшиеся еще по его возрасту.

Здесь же в сеннике хранилась сбруя: хомут со шлеей и – предмет особенно роскоши – красная, росписная дуга, употребляемая только в большие торжественные праздники. На палке, протянутой от стены в стену, висели три серпа, две косы, три молотила; тут же заложены были два гребня, на которых прядут лен. Под лавкой лежали: топор, два запасных сошника к сохе, корзина с веретенами и короб с бельем и платьем. Маша выдвинула этот последний, висевшим на поясе ключом отперла висячий замок и открыла крышку. <...>

Все оборотились к коробу и тогда только заметили, что Маша, опустив низко голову, как бы смотря внутрь короба, горько плакала. Слезы ее падали на платок матери, который та обыкновенно носила и которым теперь было покрыто сверху все, лежавшее в коробу. Смотря на откинутую крышку короба, на этот платок, Маша вспомнила, как, бывало, мать, допустивши только одну ее, свою старшую дочку и помощницу, запиралась в сеннике, открывала этот короб и перебирала свои сокровища, а Маша, так же как эти чужие любопытные бабы, присевши около на корточках и заглядывая внутрь короба, следила за руками матери, вынимавшими и укладывавшими разное тряпье, прислушиваясь к ее ласковым словам.

«Вот эти рубахи мне были в приданое – и тебе пойдут, как замуж тебя отдавать буду, – говорила, бывало, мать. – Вот смотри какие... тонкие и с оборочками... И вот этот сарафан из красного французского сатина, и шаль шерстяная... под венцом я в них была... тебе же берегу... Ноне платья пошли шить больше, а все и сарафан износишь... ничего!.. Смотри-ка, ситец-от какой: плотный да кра-а-сный!.. Эких ситцев нынче мало и ткут... больше все редочь пошла... Вот и рушнички эти тебе же... Смотри-ка, концы-то какие!.. А вот тяткины шаровары и рубаха... Плисовые шаровары, хорошие; рубаха тоже французская... знатная!.. Не даю часто надевать-то, берегу... Вот смотри! сколько лет, а ровно новенькие... Вот ты так же все прибирай да береги... Береженое-то все долго живет...» <...>

Маша <...>, всхлипывая, с полными слез глазами, начала вынимать и показывать одну вещь за другою. Бабы старательно пересчитывали и раскладывали около себя и к себе на колени вынутые вещи. Но староста не ошибся: бабы не увидели в коробу ничего такого, чего бы не было у каждой из них. Сосчитали полдюжины рубашек женских, три рубашки мужских ситцевых, три пестрядинных, полдюжины разных рушников, несколько бумажных платков и фартуков, плисовые шаровары, кушак красный, несколько коротеньких кусков миткаля, несколько мотков бумажной пряжи, кусок толстого холста. На самом дне нашли кошелек, сшитый из треугольных ситцевых лоскутов, и в нем сосчитали два рубля тридцать копеек денег, это был весь капитал. Когда вынуты и сосчитаны были мотки бумажной пряжи, бабы, нисколько не стесняясь дочери и присутствующих, заметили с искренним соболезнованием:

– Смотри-ка, и бумажки-то сколь мало наворовала покойница!.. Маленько, маленько!.. Совестьная была покойница, дай ей бог царство небесное... <...>

Скотины в хозяйстве сирот оказалось всего-навсего только три штуки: известная сивка, корова пестрянка да ярочка, купленная Иваном весной, для развода. Косуля, соха, борона, розвальни, дровни и телега с колесами – хранились тут же, на дворе. Ими заключился осмотр всего хозяйства, всего богатства сирот.

– В амбаре-то ведь, чай, ничего нет? – спросил староста.

– Нету, хлебушко-то у нас давно вышел... – отвечала Маша. <...>

Староста, мужики и бабы ушли. В избе остались только сироты и их опекун.

– <...>Мука-то не дошла ли у вас?

– Да уж один хлебец остался только; а то не знаю, хватит ли на квашню еще...

– Ну вот, я про то думал: хотел было и призанять про вас, и спрашивал, да время-то такое – ни у кого нет залежнаго-то; а время к работе, запасаются, никто не дает... <...>

– Я и думала так, что как утрось скотину спустим – запереть избу, да идти всем посбирать.

– Что же?.. Не от лени, от нужды сиротской; подьте– посбирайте... Бог даст, справитесь, сами подавать будете... Это ничего, не зазорно,- это не украсть... Все на миру живем... От мира и принять не стыдно, особливо Христовым именем, да еще сироткам малым. Не ярку же продавать, в самом деле, из-за этого... От милостынки убытка ни у кого не живет... Походите, ничего, пока... Ты вот что, Машута: ты побывай у бабушки Офросиньи, да и поспрошай ее: куда идти-то, она тоже ходит, часом, она знает и тебя научит, по каким деревням, где подают-то лучше... <...>

Никита ушел, а дети сели обедать. Весь их обед давно уже состоял из одного молока и черного ржаного хлеба: но они не считали еще эту трапезу скудной: и у других – у соседей ели то же самое.

В северных губерниях, у крестьян, молоко считается большим лакомством, и если есть оно да хлеб, так мужик считает себя счастливым. Вот плохо бывает – в летние посты, особливо в петровки, когда еще и овощи не спели, и грибое еще не родится, а молоко есть грех, не полагается... Вот тогда уж действительно мудрено сказать – с чего жив, чем питается крестьянин... Хорошо еще, если зеленого луку уродилось вволю, да не надо за ним на базар бежать и окупать, а есть свое на огороде. Зеленый лук – неоцененное подспорье в пище мужика: хорошо его есть просто с солью и с хлебом, хорошо потолочь и развести с квасом, а по нужде и с водой... Крестьяне не боятся расстроить им свой голодный желудок, не боятся, что сделается изжога или иное, какое неприятное последствие от такой пищи; а запаху луком не слышат, потому что его едят все, от мала до велика... Ну, разумеется, когда поспеют огурцы на грядках, когда начнут родиться грибы, тогда пища крестьянина делается разнообразнее и лакомее: кормилица земля я тут им помогает. Грибы едят и соленые, и вареные, и печеные; огурцы крошат в квас, мешают с луком, с грибами – выходит кушанье чудесное, особливо если забелить молочком. Впрочем,

все это пища второстепенная: был бы только хлеб ржаной – крестьянин больше ни о чем не заботится.

Итак, наши сироты в пище пока не нуждались: хлеб еще был, а пес-
трянка лакомила их молоком. <...>

Утро только что начиналось. <...> Дети, поеживаясь на свежем у-
треннем холоде, весело и легко шли то проселочными дорогами, то, для
сокращения пути, прямо полем и лугом, не замечая, что их голые ноги
и полы платья, обдаваемые холодной росой, были совсем мокры. Нити
паутины стлались по земле, висели в воздухе и часто прилипали к ли-
цам детей. <...>

Павлуша так же, как и сестра, знал, что летающая в воздухе паути-
на, по мнению крестьян, служит признаком хорошей погоды <...>. Изод-
ранный кафтанишка его весь был мокрый, отцовская старая шапка сдви-
нулась на затылок и едва держалась на голове; его личико горело и
улыбалось, глазки весело сверкали. <...>

В это время с боковой тропинки наперерез им вышел на дорогу, по
которой шли дети, крестьянский мальчик лет четырнадцати, в таком же,
как они, изорванном кафтанишке, в картузе, из которого по всем швам
лезла вата, и без козырька, и также с плетушкой на руке. <...> Он по-
дошел к нашим детям и, не кланяясь, пристально и пренебрежительно
осмотрел их.

– По милостыньку, что ли, собрались? – спросил он недружелюбно.

– Нешто, – отвечала Маша, робко опуская глаза. <...>

– Вы впервой, я вижу...

– Впервой... Мы сиротки...

– Даром сиротки, а все не сказывайтесь... Я вот уж и ходить туда
бросил: меня признали, не подают...

– А ты откуда? – спросил Павлуша.

– Я-то?

– Да...

– Я из Прислонихи. Матка-то у меня дворовая была, при господах
служила; а тут, как воля вышла, отошла от господ-то... перво в людях
жила, да не по мысли показалось, попросилась, в Прислонихе избуш-
ку выстроила, да и живет... шитвом она занимается, на купцов шьет...
Да плохо промышляет: кормиться нечем...

– А ты-то? – спросила Маша.

– А я вот по миру и хожу: что набираю, а она нашьет, тем кормим-
ся... <...>

– И по миру-то ходить не сладко!

– <...> Я с шести годов по миру пошел, все места кругом вызнал...
Матка-то пытала было меня и в ученье отдавать, и в люди отдавала, да
я отбился... Возьму да и убегу; потому кормят плохо, а бить – бьют по-
ходя; да еще работай про них целый день... Сначала-то я у крестного
жил, матка меня отдала, как сама в людях жила... А крестный-то сам
голый, есть нечего; вот он меня и почал по миру-то посылать... А то
слепого водить отдавал внаймы; так матке не понравилось, потому что

дядя-то крестный деньги себе взял, а матке ничего не дал за меня... А тут matka меня в подпаски было отдавала, и в печники-то было, в ученье, и на фабрику совала... Да что это, наплевать!.. <...>

Маше и даже Павлуше не был особенно приятен неожиданный спутник; но они не посмели возражать ему. <...>

В одной избе молодая сердобольная хозяйка, увидя таких маленьких сбирунов и узнавши, что они сироты круглые, без отца и матери, дала не только по колобу и по большому куску пирога, но еще и денег сепитку, т. е. две копейки серебром. <...>

Но скоро плетюшки были наполнены милостыньками. Маша совсем изнемогла, неся на одной руке брата, на другой наполненную кусками корзинку. <...>

Маша ходила на жнитво зауряд со всеми ступинскими бабами. Каждое утро, после того как обсохнет роса, она клала на плечо серп, брала на руки Сашку и шла на свою полосу, в сопровождении Павлуши, который, также с серпом на плече, нес в руках черный глиняный кувшин с водой для питья.

Павлуша осуществил свое намерение, и с первого же дня, вооружившись маленьким серпом сестры, приучался жать; сначала дело у него шло плохо: он пугал и рвал рожь, несколько раз обрезал себе пальцы, — но скоро научился, и хоть далеко отставал от сестры и успевал нажать не больше одного снопа, в то время как Маша принималась за третий, — но работал упорно и неутомимо.

В то время как они жали, Саша сидел на снопах и забавлял сам себя, как умел и хотел. Соскучившись уединением и бездействием, он отправлялся иногда за бабочкой или коромыслом — и полз на четвереньках по колючим остаткам соломы до тех пор, пока не получал хорошей царапины до чувствительной боли: тогда начинал кричать и реветь. На помощь ему являлись или Маша, или Павлуша, поднимали его и, с приличными выговорами и внушениями, переносили на другую кучу снопов, поближе к себе. Иногда Павлуша увлекался и сам: ловил какую-нибудь попавшуюся по дороге букашку и подавал ее Сашке для развлечения; а то кидал в него выдернутой с корнем сорной травой или целым снопом, отчего Сашка хохотал или ревел, а Маша останавливала шалунов. Сама она работала не развлекаясь, серьезно и сосредоточенно: гибкая молодая спина ее нагибалась без боли, но уставали руки от однообразного усиленного движения — так что приходилось, особенно первые дни, — с непривычки, как думала Маша, — оставлять работу на несколько минут и махать одряблой, дрожащей рукой, чтобы вновь сделать ее способной к работе.

Бабы, жавшие по соседству, с улыбкой удовольствия посматривали на этих работавших детей, и, проходя мимо, каждая из них считала долгом остановиться и сказать им ласковое, ободряющее слово. <...>

Но, несмотря на все, Маша осталась далеко позади всех прочих семейных и взрослых жней: иные полосы были уже совсем сжаты, а ее полоса еще только в половине. В последнее время она оставалась на ней одна только с Сашей. Павлушу Кулявый послал боронить, и маль-

чик, бродя босыми ножонками по комкам земли, вслед за бороной и своим другом сивкой, покрикивая, посвистывая и напевая, находил, что эта работа и легче, и веселей, и сподручней ему, как мужчине.

Столь же охотно Павлуша принялся и за другую работу, для которой Кулявый оторвал его от бороньбы. Когда сжатая рожь обстоялась и достаточно просохла, надо было перевезти на гумно и охлыстать несколько сотен снопов, чтобы намолоть своей муки и исподволь припасать семена для посева. <...>

Дни шли за днями. Полевая работа подвигалась вперед. <...>

Потехин А.А. Крестьянские дети // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века / Вступ. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. – М.: Современник, 1986. – С. 226-311.

Решетников Ф.М.

Тетушка Опарина

В отрывке из рассказа «Тетушка Опарина» Ф.М. Решетников в очень точных художественных зарисовках представил картины крестьянского быта и взаимоотношений между людьми. В приведенном фрагменте четко определена специфика внутрисемейных взаимоотношений между мачехой и падчерицами. Жизнь в представляемых ниже условиях, равно как и будущее, у нелюбимых падчериц была крайне тяжелой.

<...> Женщина только охала. С большими усилиями рассказала она мне целую историю, которая, как я понял, была такова:

Отец их был волостным старшиной в то время, когда они, сестры, были молоды. Братьев у трех сестер, живших душа в душу, не было; а мать, в то время, когда их уже прочили в невесты, то есть на пятнадцатом году, была не родная, но мачеха – и, само собой разумеется, не имела об них такого попечения, не любила их и не заботилась об их нравственности, как родная мать. Поэтому в доме часто случались драмы такого рода: мачеха заставляет падчериц что-нибудь делать – они вон из избы, к подругам, откуда, мачеха нередко прогоняла их с криком, бранью и побоями, чем попало, – что, разумеется, немало бесило девушек, забавляло парней, а от этого взрослые люди села считали дочерей старшины за отпетых девушек, у которых будто бы не было ни стыда, ни совести. Но все это была чистейшая ложь, потому что девушкам только и было радостей, что у подруг, где они, и то только на вечерках, играли в разные игры с парнями. Отец был пьяница; он вполне верил жене и даже боялся ее по одному обстоятельству, которое рассказчица не хотела выдать на свежую воду. До семнадцатилетнего возраста житье сестрам было каторжное. Не удалось им выйти замуж по своему желанию. Мачеха сказала своему мужу, что надо наперед столкать замуж старшую дочь, но не за кого-нибудь, а за ее хорошего знакомого, десятского, у которого в селе в то время был постоянный дом и

который, независимо от своих служебных обязанностей исполнял тогда даже почтовую гоньбу. Возражения и слезы Дарьи против этого не были приняты во внимание, и Дарью обвенчали насильно, но в первую же ночь молодой улизнул от жены, – что весьма удивило поселян и разозлило старшину. Не какво было посрамление молодой! – над нею смеялись все девушки, все парни, в особенности тот, кого она больше всех любила. <...>

<...> Хозяйка еще выпила пива и мне налила кружку.

– Что-то мне спать неохота! Оказия!

– Ты даве начала было о своем житье говорить, – сказал я с сочувствием.

– Это насчет воспитания? Истинно, воспитывать нельзя, как строго-стью: за всем надо самой присмотреть, потому кто припасает-то? Я припасай, а другой мытарь? – Дудки!.. Вот, к примеру, мое дело. У родителей-то у моих семья была большая, а кажись, окромя меня, никому не было столько чижало. Вот перед истинным богом! (Она взглянула на икону и перекрестилась, голос ее дрожал, как будто ей была обидно.) День и ночь... куды!! Никогда не знала покою с малолетства. Перво-наперво – ребята. Кого качай, с тем водись; то прибири, другое; то сделай, пято-десято. <...> Сперва я все с ребятишками нянчилась да дома управлялась, потому, когда мать в город уедет, все хозяйство на мне лежало. Мать говорила, что я к хозяйству больше торовата, а вот сестра Катерина-то – к торговле. Только я замечала, што сестра Катерина ни к торговле, ни к хозяйству, не смышлена; а мне больно хотелось торговать, только мать не хотела. Ну, я и начала производить торговлю в селе. Уж больно мне смешно как вспомню, как я глупа была в та поры. Мать уедет, я отделаюсь дома и бегу к подруге, или подруга ко мне прибежит, и говорю: давай меняться! Та тоже: ну, давай. А менять-то было што? бусы, суперик¹, платок... да мало ли што?.. Ну, потом и говорю: сколь придачи? Так и менялись!.. А все эти придачи и другие, слова я от матери переняла. Али пойдем в огород и давай рвать морковь, и давай меняться. Видишь ли, я уж очень репу любила, а подруга морковь... Потом мать начала меня брать в город, ну, там я и узнала, в чем суть. И толковать об этом нечево. <...>

Решетников Ф.М. Тетушка Опарина // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века / Вступ. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. – М., 1986. – С. 99, 108-110.

Слепцов В.А.

Питомка

В отрывке из произведения В.А. Слепцова «Питомка» представлена яркая зарисовка трагической жизни крестьянских детей, не-

¹ Перстень.

редко быстро сменяющих свой социальный статус: дочь (сын) – сирота – приемный. Трудно со всей ответственностью определить, в каком из перечисленных статусов ребенок встречал наибольшие трудности. Однако, вне сомнения, сиротство для многих являлось крайне трудным испытанием.

<...> На краю села стояла старая избенка, без крыши, с одним окном. У ворот торчала опрокинутая соха. В сумерки проезжая баба подошла к избе и постучала в окошко. Там кто-то закашлял и спросил:

– Кто там? Иди на двор!

Баба отворила калитку и вошла. По двору ходила овца. В сенях крыши тоже не было. На верху, в слехах¹, копошились воробьи. Из избы слышался голос:

– Отыми, дверь-то отыми!

Баба попробовала было отпереть, но дверь была без петель и повадилась в сени.

В избе, на лавке, у самого входа, на зипуне, лежала больная женщина.

– Что ты? – спросила она.

Приезжая баба посмотрела вокруг и сказала:

– Писарь говорил: девочка у вас тут есть...

– Есть, есть девочка. Хворает, как я же. Замучила лихоманка. Ты мать, что ли, ей? Казенная она у нас. Коли мать – возьми! Самим есть нечего.

Больная встала с лавки, охая натянула зипун и вышла в сени, говоря:

– До нового хлеба далеко, а старый еще к святой приели. Все кое-как, кое-как, по чужим людям; да хворь-то пуще всего... О-ох! вот она лежит. Парань! А Параня! мать пришла, гляди-ка сюда!

В сенях, на доске, лежала в жару трехлетняя девочка, обернутая в тряпье. Больная женщина подняла мешок, которым была накрыта девочка, и показала ее приезжей.

– На вот, смотри! Она, что ли?

Девочка открыла глаза, с испугом взглянула на бабу и застонала.

– Не видать мне тут, – говорила приезжая. – Темно.

– Постой, я к свету вынесу. Паранюшка! Встань, ягодка ты моя! Головка болит, – говорила больная, подымая девочку и вынося ее на двор; больная села на порог, а приезжая припала к ребенку и торопливо стала его разглядывать. Девочка лежала на коленях, закинув назад горячую голову, с закотившимися глазами и раскрытым ртом.

– Ох, не знаю я так-то, – говорила баба.

– Поверни-ка ты ее вот этак, на бочок, на правом боку родинка тут у ней.

– Постой, постой, – говорила больная. – Повернись чуточку! Вот так! Не бось! Мать тебе пирожка принесла. Не бось, милая! Что, есть, что ли?

– Нету.

– Ну, делать нечего. Видно, не она, – сказала больная и понесла девочку в сени.

Приезжая баба постояла на одном месте, поводила глазами по двору, потом подошла к двери, сказала:

¹ Слеги – перекладки, жерди, на которые кладут крышу.

– Ну, прощай! – и вдруг ударилась об землю и зарыдала.– Дочка ты моя милая! Детища ты моя ненаглядная! – причитала она, лежа на пороге и ухватив обеими руками свою дорожную палочку. Котомка на ней тряслась, платок съехал с головы.

Больная женщина подошла к двери, посмотрела, посмотрела на приезжую, сама припала к ней и стала уговаривать:

– Ну, что ты? Ну, что? Дура! Дура! Не плачь!

–Ох, очень уж у меня накипело, на сердце-то накипело... Со вчерашнего с утра вот этакой крошечки во рту не было...

– Постой, я тебе хошь водицы принесу, – сказала больная и пошла за водой.

Баба между тем встала, оправилась и повязала платок.

– Ну, я пойду, – сказала она, хлебнув из ковшика воды.

– Куда ж ты?

– Нет, пойду. Не могу я здесь.

И пошла опять вдоль села, той же дорогой, какой приехала.

Слепцов В.А. Питомка. Деревенские сцены // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века / Вступ. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. – М.: Современник, 1986.– С. 52-54.

РАЗДЕЛ IV. ДЕТСКИЙ ТРУД И ОТДЫХ

Родительская власть по законам Российской Империи распространялась на несовершеннолетних до 21 года. До достижения этого возраста дети, без согласия родителей, не могли поступить на службу.

Высочайше утвержденное положение о найме на сельские работы.

9. Не могут быть отдаваемы в наем <...> несовершеннолетние их родителями или опекунами без собственного их на то согласия.

10. При найме несовершеннолетних, имеющих отдельные виды на жительство, не требуется дозволения на то от их родителей, опекунов.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Том III. 1885г. – № 5803. – Июня 12. – СПб., 1886. С. 347.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Зубчанинов А.И.

Святки в деревне. Коляда

С поворотом солнца на лето, когда природа, умершая на зиму, как бы снова воскресает для новой жизни, предки наши славяне справляли праздник, известный в позднейшее время под именем коляды, в честь нового рожденного солнца и вообще возрождения благотворных сил природы.

Все почти песни и обряды коляды указывают на древние молитвы и жертвоприношения, которыми некогда в это время испрашивали у богов урожая и счастья на будущий год, и на благожелания того же содержания. Существенный обряд праздника – колядование, хождение славить, сохранившийся донныне в Малороссии и отчасти в Белороссии. Во времена язычества, подачки, получаемые при колядованьи, без сомнения, назначались для общей жертвы. Колядовати, по-хорутански значит – приносить жертву, колядавец – жрец. В колядных песнях слышатся такие обращения к божеству: «Дай, Боже!» или; «Подай Бог!» В одной русской колядке – пение славы – видно не только поздравление хозяина, но и воспевание всей плодотворной природы и в особенности хлеба, как основного богатства земледельческого народа, каким были издревле славяне.

Мрак и таинственность святочных ночей отзывались чем-то вещим в суеверной душе язычника. Он чутко прислушивается к разным звукам, которые прерывали тишину священных ночей. Лает ли собака вда-

ли, слышится ли из дома соседа веселый или печальный говор, прохожий ли пройдет мимо и что-нибудь скажет, – все это славянин-язычник в данном случае объяснял себе к добру или худу на целый год. Он находил вещие знаки в крике и движениях домашних животных, в звуках, которые неслись к нему из соседнего леса, в затейливых фигурах, которые чертили по снегу мороз и ветер, в горении лучины на свечке, в горении дров на своем очаге. Он присматривался и прислушивался к течению воды в реке или студенце, зорко наблюдал приметы в своем овине, на мельнице, в хлебных сусеках и проч. Все это и по сохранившемуся доселе поверью неспроста в святочные ночи, все что-нибудь вещает – доброе или худое. Желание узнать свою судьбу на год породило стремление делать искусственные опыты над явлениями природы, поставлять их в известные положения, чтобы выпытать у них ответ на свой вопрос: примета переходила в гаданье. Так образовался целый цикл святочных гаданий, предметом которых служат главнейшие обстоятельства жизни в определенном кругу времени: жизнь, смерть, свадьба, урожай, удача и т. п.

В вечер перед Рождеством Христовым во многих местах России есть обычай посылать родственникам хлеб-соль, известное выражение благожелания. В Малороссии и некоторых северных губерниях в этот день

Гравюра А.И. Зубчанинова по рисунку П. Е. Коверзнев. Святки в деревне. Коляда. Начало 1880-х гг.

пекут из теста изображения коров, овец, разных птиц, и рассылают их по родным и знакомым, а также дают их колядовщикам. На ужине подается обрядовая каша или кутья, по уварке которой гадают о будущем урожае. Она составляет необходимую часть ужина в этот день почти повсеместно. Пред ужином хозяин бросает несколько ложек ее в волоковое окно и совершает умилоствление мороза. После ужина в некоторых местах разбивают посуду, чтобы выгнать из дома всякий недостаток (стук разбитой посуды – эмблема громовых раскатов; отсюда известная примета – разбить что-либо на пиру – к счастью). В окрестностях Москвы, вечером накануне Рождества Христова еще недавно возили в санях девушку в белой рубашке; девушка представляла коляду.

Коляда под новый год в некоторых местах России называется еще Авсенем, Овсенем, Усенем и Таусенем. Одна великорусская обрядовая песня славит приезд Овсеня, совпадающий со временем наступления нового года. Овсень (от санскритск. корня ush), по разумению Афанасьева, означает Бога, возжигающего солнечное колесо и дарующего свет миру, т. е. громовника. На тесную связь коляды с культом громовника, кроме имени Овсень, указывают также многие святочные обряды и обыкновения. Так, накануне Рождества Христова и в день Крещения стреляют из ружей. В течение святок переряживаются, одеваются в мохнатые шкуры. В вечер под новый год (щедрый вечер, от щедровать – желать во всем изобилия и богатства) при колядованьи совершается в Малороссии обряд обсыпания зерновым хлебом. Славильщики, переходя из избы в избу, обсыпают им пол и хозяев, приговаривая: «На счастье, на здоровье, на нове лито роди, Боже, жито, пшеницу, усяку пашницу». Посыпальное зерно хозяева ловят на лету и по количеству захваченного заключают об урожае. В некоторых местах его дают клевать домашней птице, и по клеванью ее тоже заключают об урожае. Вообще же его берегут до нового посева и засевают им ниву. При обсыпании, в Малороссии произносят замечательное причитанье: «Ходит Илья (громовник) на Василья, носить пугу (кнут) житяную. Де замахне, жито росте» и пр. Необходимыми яствами, которые раздаются обсыпальникам, служат свиные колбасы, вареные свиные ноги, лепешки на свином сале. Вообще свинья играет в это время важную роль в обрядах, что намекает на ее былое жертвенное значение в этот день. Она составляет и главное угощение на святки. Для объяснения этого заметим, что свинья, как животное, отличающееся особенным плодородием, считалась исстари лучшею жертвою Богу плододавцу — громовнику. В щедрый вечер совершается еще следующий обряд. Хозяйка готовит множество вареников, пирогов и пр., и поставив все это грудюю на столе, засветив пред образами свечу, накурив избу ладаном, просит мужа «исполнить закон». Муж садится на покуте (в красном углу) за грудюю печенья. Входят дети и спрашивают: «Деж наш батько?» — «Хиба вы мене не бачите»? — вопрошает тот из-за печенья. «Не бачимо, тату!» — «Дай же, Боже, щоб и на той рок не побачили». Этим выражается желание, чтобы и на следующий год было такое же изобилие всего. Выражение «исполнить закон» указывает на богослужение.

жебное значение обычая. У балтийских славян подобный обычай совершал верховный жрец в праздник Святовида. Для праздничного возношения приносился в храм пирог в рост человека.

Поставив этот пирог пред собою, жрец спрашивал народ, видят ли его из-за пирога. Ему отвечали, что видят немного, и он выражал желание, чтобы на следующий год его вовсе было не видно.

Зубчанинов А.И. Гравюра по рисунку П. Е. Коверзнева. Святки в деревне. Коляда //Всемирная иллюстрация. Т. XIV – СПб.: Изд. Г.Д. Гоппэ, 1875. С. 482-483.

Лабзина Е.А.

Воспоминания

Крестьянские праздники являлись неотъемлемой частью деревенской жизни помещного дворянства, в которых они сами нередко принимали участие со своими детьми.

<...> Бывали у нас в деревне праздники для крестьян: столы посреди двора, и она сама их потчевала и нас заставляла им подносить пиво и вина, и когда пойдут по домам, то я их провожаю за ворота и желаю им доброй ночи, а они меня благословляют. Часто очень сама мать моя ходила со мной на купанье, и смотрела с благоговением на восход солнца, и изображала мне величество Божие, сколько можно было по тогдашним моим понятиям. Даже учила меня плавать в глубине реки и не хотела, чтоб я чего-нибудь боялась, – и я одиннадцати лет могла переплыть большую и глубокую реку безо всякой помощи; плавала по озерам в лодке и сама веслом управляла; в саду работала и гряды сама делывала, полонила, садила, поливала. И мать моя со мной разделяла труды мои, облегчала тягости те, которые были не по силам моим; она ничего того меня не заставляла делать, чего сама не делала <...>

Лабзина Е.А. Воспоминания. Описание жизни одной благородной женщины //История жизни одной благородной женщины. – М., Новое литературное обозрение, 1996.– С.18.

Пассек Т.П.

Из дальних лет. Воспоминания.

Для дворянских детей одним из способов воспитания окружающего мира было осмысление крестьянской работы в деревне. В данном эпизоде источника говорится о работе и устройстве мельницы, заинтересовавшей ребенка.

<...> В числе развлечений наших в Карповке была прогулка на мельницу. Увидавши в первый раз, как вода, падая на колесо в пене и брызгах, точно в хрустале, поворачивает его с таким шумом и гулом, что из-за него не слышно как говорят, я так перепугалась, что хотела бе-

жать домой; еще больше набралась я страха, когда весь в муке мельник ввел нас в амбарушку и я почувствовала, что пол под моими ногами гудит и дрожит. Меня успокоили и старались объяснить устройство мельницы, но я ничего не поняла и убралась на плотину; плотина мне до того нравилась, что я задумала устроить такую же себе на ручейке, протекавшем за садом, а при плотине и мельницу, и немедленно принялась за дело. Ручеек этот бежал так стремительно по камушкам, что плотина моя и мельница, сложенная в клетку из прутьев и палочек, то и дело разрушались, но я не унывала и принималась строить сызнова. Косари, косившие луг за садом, устроили мне плотину попрочнее и приставили к ней вертушку с крыльями.

Больше всего я любила по вечерней заре ходить на деревню, смотреть, как с поля гонят домой скотину, пастух играет на рожке, хлопают бичом, коровы, овцы, поднимая пыль, идут по улице, бабы, дети, с хвостинами в руках, встречают их и загоняют по домам, – на улице народ, говор, движенье, куры, собаки – и вдруг все затихает, только на небе пылает заря да в воздухе слышится неопределенный шорох и где-то песня. <...>

Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания. В 2-х т. Т. 1. – М., 1963. –С.102.

Наряду с повседневной жизнью, дворяне в деревне пытались сохранить устои городского быта, но присутствие сельского окружения давало о себе знать.

<...> Семейство свое Петр Алексеевич окружал роскошью и ничего не щадил для образования, удобства и удовольствия своих детей. При них находились няньки, мамки, гувернер, гувернантка, учителя. При Христине Петровне постоянно жили компаньонки. Ближе всех к ней была разумная, кроткая жена одного чиновника из Корчевы – Аграфена Ивановна Горчакова, с двумя дочерьми, крестницами Петра Алексеевича, ровесницами и подругами моей матери и тетки. От них и от тетки моей я много слышала об этой ушедшей в даль жизни. Они не раз рассказывали мне, какие праздники задавал Петр Алексеевич своим крестьянам и соседям помещикам. Как на широком барском дворе собирались хороводы, раздавались песни, играл пастушеский рожок и шла веселая пляска, угощение и раздавались подарки. Для соседей помещиков, случалось и приезжих из столиц, устраивались празднества с иллюминациями, фейерверком, оркестром музыки и хором певчих в саду. В английском домике подавали десерт и чай; в зале, освещенной восковыми свечами, горевшими в трех люстрах с хрустальными подвесками, готовился ужин с богатым серебром, саксонским фарфором, граненым хрусталем, вазами с фруктами и букетами цветов.<...>

Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания. В 2-х т. Т. 1. – М., 1963. – С.54-55.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

Статистика народного труда

Павловский (Нижегородской губернии) замочник получает 2 руб. недельного заработка за ежедневный 18-часовой труд, который с ним разделяет вся его семья, не исключая и детей, с того нежного возраста, когда они только что начинают понимать и едва в состоянии держать инструмент в руке <...>. Кочкуровские рогожники, в работах которых также участвуют женщины и дети, начиная с 6-летнего возраста, распределяют свои занятия таким образом, что на сон и отдых приходится, особенно в жаркую рабочую пору, не более трех часов в сутки, и работа продолжается день и ночь.

Неделя, 1872. № 31,32. 15 ноября. С. 924.

Нам пишут. Из Славуты (Волынской губернии)

23 июня 7 крестьянских мальчиков из Славуты (самому старшему 12 лет) отправились в ближайший лес собирать ягоды. Встретили лесничего – чеха, который начал травить их дворовыми собаками. Дети бросились бежать к реке Гориня. Кинулись в реку, двое из них утонули, третьего спас проходивший мимо крестьянин. Лесничий хладнокровно заявил, что «я всегда буду этих поросят топить в реке».

Неделя, 1881. № 28. 12 июля. С. 946.

РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аксаков С.Т.

Детские годы Багрова-внука

Развлечения и игры являлись неотъемлемой частью деревенской жизни дворянских детей. Об этих забавах повествуют отрывки из источника.

<...> Чувство жалости ко всему страдающему доходило во мне, в первое время моего выздоровления, до болезненного излишества. Прежде всего это чувство обратилось на мою маленькую сестрицу: я не мог видеть и слышать ее слез или крика и сейчас начинал сам плакать; она же была в это время нездорова. Сначала мать приказала было перевести ее в другую комнату; но я, заметив это, пришел в такое волнение и тоску, как мне после говорили, что поспешили возвратить мне мою сестрицу. Медленно поправляясь, я не скоро начал ходить и сначала целые дни, лежа в своей кроватке и посадив к себе сестру, забавлял ее разными игрушками или показываньем картинок. Игрушки у нас были самые простые: небольшие гладкие шарики или кусочки дерева, которые мы называли чурочками; я строил из них какие-то клетки, а моя подруга любила разрушать их, махнув своей ручонкой. Потом начал я бродить и сидеть на

окошке, растворенном прямо в сад. Всякая птичка, даже воробей, привлекала мое внимание и доставляла мне большое удовольствие. Мать, которая все свободное время от посещения гостей и хозяйственных забот проводила около меня, сейчас достала мне клетку с птичками и пару ручных голубей, которые ночевали под моей кроватью. <...>

Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука //Библиотека мировой литературы для детей. Вып. 2. – М., 1994. – С. 42.

<...> Тогда я принимался с ней играть, строя городки и церкви из чурочек или дома, в которых хозяевами были ее куклы; самая любимая ее игра была игра «в гости»: мы садились по разным углам, я брал к себе одну или две из ее кукол, с которыми приезжал в гости к сестрице, то есть переходил из одного угла в другой. У сестрицы всегда было несколько кукол, которые все назывались ее дочками или племянницами; тут было много разговоров и угощений, полное передразнивание больших людей. Я очень помню, что пускался в разные выдумки и рассказывал разные небывалые со мной приключения, некоторым основанием или образцом которых были прочитанные мною в книжках или слышанные происшествия. Так, например, я рассказывал, что у меня в доме был пожар, что я выпрыгнул с двумя детьми из окошка (то есть с двумя куклами, которых держал в руках); или что на меня напали разбойники, и я всех их победил; наконец, что в багровском саду есть пещера, в которой живет Змей Горыныч о семи головах, и что я намерен их отрубить. Мне очень было приятно, что мои рассказы производили впечатление на мою сестрицу и что мне иногда удавалось даже напугать ее; одну ночь она худо спала, просыпалась, плакала и все видела во сне то разбойников, то Змея Горыныча и прибавляла, что это братец ее напугал. Няня погрозила мне, что пожалуется дедушке, и я укротил пламенные порывы моей детской фантазии. <...>

Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука //Библиотека мировой литературы для детей. Вып. 2. – М., 1994. – С.82-83.

Одним из самых почитаемых праздников у крестьян была Пасха, в праздновании которой принимали участие и дворовые детишки.

<...> Для прислуги была особая пасха и кулич. Вся дворня собралась в лакейскую и залу; мы перехристосовались со всеми; каждый получил по кусочку кулича, пасхи и по два красных яйца, каждый крестился и потом начинал кушать. Я заметил, что наш кулич был гораздо белее того, каким разгавливались дворовые люди, и громко спросил: «Отчего Евсеич и другие кушают не такой же белый кулич, как мы?» Александра Степановна с живостью и досадой отвечала мне: «Вот еще выдумал! едят и похуже».

Дворовые мальчишки и девочки, несколько принаряженные, иные хоть тем, что были в белых рубашках, почище умыты и с приглаженными волосами, – все весело бегали и начали уже катать яйца. <...>

Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука //Библиотека мировой литературы для детей. Вып. 2. – М., 1994.– С.199.

В народных песнях рассказывалось о повседневном крестьянском образе жизни и о крестьянском труде

Не в неге я родился,
Не в роскоши я жил,
Работал, и трудился,
И хлад и зной сносил.
Терпя различны муки,
Боролся я с судьбой.

Мои суровы руки
Не знали, что покой.
Я солнечного восходу
Ни разу не проспал.
В суровую погоду
Укрыться не искал;
Но, плугом раздирая
Утробу я земли
То дрогнул, промокая,
То весь горел в пыли
За разными трудами

Меня зрел солнца бег.
Здесь твердыми стенами
Одел я дикий берег
Там каменные дома
Воздвигнул для других.
Чуть крышу из соломы
Имея для своих,
Земную жилу роя
В пещерах погребен.
Я солнечного зноя
И света был лишен;
В количестве премногом

Я злато находил-
И в рубище убогом
Весь век мой проводил,
Однако ж в это время
Быв молод и здоров,
Не чувствовал я бремя
Сих тягостных трудов
Без всякого излишку
Довольно собирал,
Кормил свою семьюшку
Был сыт и сладко спал.

Но младость промелькнула
Ее уж боле нет,
Скорбь лютая согнула
Упругий мой хребет.
Мой одр, где я, страдая
Убог лежу и сир,
Злой смерти ожидая
Стал ныне весь мой мир.

Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука //Библиотека мировой литературы для детей. Вып. 2. – М., 1994. С.94.

У детей вызывали интерес занятия взрослых, в данном случае, у маленького Алеши заинтересованность вызвал вопрос о межевании земли.

<...> Отец не успел мне рассказать хорошенько, что значит межевать землю, и я для дополнения сведений расспросив мать, а потом Евсеича, в чем состоит межеванье, и, не узнав от них почти ничего нового (они сами ничего не знали), составил себе, однако, кое-какое понятие об этом деле, которое казалось мне важным и торжественным. Впрочем, я знал внешнюю обстановку межеванья: вехи, колья, цепь и понятах. Воображение рисовало мне разные картины, и я бродил мысленно вместе с моим отцом по полям и лесам Сергеевской дачи. Очень странно, что составленное мною понятие о межеванье довольно близко подходило к действительности: впоследствии я убедился в этом на опыте; даже мысль дитяти о важности и какой-то торжественности межеванья всякий раз приходила мне в голову, когда я шел или ехал за астролябией, благоговеино несомой крестьянином, тогда как другие тащили цепь и втыкали колья через каждые десять сажень; настоящего же дела, то есть измерения земли и съемки ее на план, разумеется, я тогда не понимал, как и все меня окружавшие. <...>

Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука //Библиотека мировой литературы для детей. Вып. 2. – М., 1994. –С.146.

Детский труд использовался в деревенской повседневной жизни, распределение работы проходило в зависимости от половой принадлежности. В данных отрывках рассказывается о занятиях дворовых девочек и крестьянских мальчиков.

<...> Обыкновенно она сидела на своей кровати и пряла на самопрялке козий пух. Вокруг нее, поджав под себя ноги, сидело множество дворовых крестьянских девочек и выбирали волосья из клочков козьего пуха. Выбрав свой клочок, девчонка подавала его старой барыне, которая, посмотрев на свет и не видя в пуху волос, клала в лукошечко, стоявшее подле нее. Если же выбрано было нечисто, то возвращала назад и бранила нерадивую девчонку.

Один раз, когда мы весело разговаривали с бабушкой, рыжая крестьянская девчонка подала ей свой клочок пуха, уже раз возвращенный назад; бабушка посмотрела на свет и, увидя, что есть волосья, схватила одну руку девочку за волосы, а другою вытащила из-под поду-

шек ременную плетку и начала хлестать бедную девочку. <...> Я убежал. Это напомнило мне народное училище, и я потерял охоту сидеть в бабушкиной горнице, смотреть, как прядет она на самопрядке и как выбирают девчонки козий пух.<...>

Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука //Библиотека мировой литературы для детей. Вып. 2. – М., 1994. – С.161-162.

Труд крестьянских мальчиков

<...> Издали за ним шли три крестьянина за сохами; запряженные в них лошадки казались мелки и слабы, но они, не останавливаясь и без напряженного усилия, взрывали сошниками черноземную почву, рассыпая рыхлую землю направо и налево, разумеется, не новь, а мякоть, как называлась там несколько раз паханная земля; за ними тащились три бороны с железными зубьями, запряженные такими же лошадка-ми; ими управляли мальчики.

Важность и святость труда, которых я не мог тогда вполне ни понять, ни оценить, однако глубоко поразили меня.

Через несколько времени, действительно мне позволили попробовать бороновать землю. Оказалось, что я никуда не годен: не умею ходить по вспаханной земле, не умею держать вожжи и править лошадь, не умею заставить ее слушаться. Крестьянский мальчик шел рядом со мной и смеялся. Мне было стыдно и досадно, и я никогда уже не поминал об этом. <...>

Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука //Библиотека мировой литературы для детей. Вып. 2. – М., 1994. – С.208-209.

О детской работе в поле

<...> Навстречу стали попадаться нам телеги с хлебом, так называемые сноповые телеги. Это были короткие дроги с четырьмя столбиками по углам, между которыми очень ловко укладывались снопы в два ряда, укрепленные сверху гнетом и крепко привязанные веревками спереди и сзади. Все это растолковал мне отец, говоря, что такой воз не опрокинется и не рассыплется по нашим косогористым дорогам, что умная лошадь одна, без провожатого, безопасно привезет его в гумно. В самом деле, при сноповых возах были только мальчики или девчонки, которые весело шли каждый при своей лошадке, низко кланяясь при встрече с нами. Когда мы приехали на десятины, то увидели, что несколько человек крестьян длинными вилами накладывают воза и только увязывают и отпускают их. <...>

Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука //Библиотека мировой литературы для детей. Вып. 2. – М., 1994. – С.163.

Детское восприятие крестьянского труда

<...> Я пришел в сильнейшее изумление и окончательно убедился, что крестьяне и крестьянки гораздо нас искуснее и ловчее, потому что умеют то делать, чего мы не умеем. <...>

Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука //Библиотека мировой литературы для детей. Вып. 2.– М., 1994.– С.164.

Лесков Н.С.

Очарованный странник

Повесть Н. Лескова «Очарованный странник» относится к 1873 году. Первоначально она называлась «Черноземный Телемак». В образе скитальца Ивана Флягина обобщены замечательные черты людей энергичных, талантливых от природы, воодушевлённых беспредельной любовью к людям. В ней изображён человек из народа в хитросплетениях своей трудной судьбы, не сломленный, хотя «он всю жизнь погибал и никак не мог погибнуть». С детских лет главный герой перенес все тяготы трудовой жизни крестьянских детей, для многих ставшей нормой, а не исключением.

<...>Я родился в крепостном звании и происхожу из дворовых людей графа К. из Орловской губернии. <...>Мой родитель был кучер Северьян, и хотя приходился он не из самых первых кучеров, потому что у нас их было большое множество но, однако, он шестериком правил и в царский проезд один раз в седьмом номере был и старинною синею ассигнациею жалован. От родительницы своей я в самом юном сиротстве остался и ее не помню потому как я был у нее *молитвенный сын*, значит, она, долго детей не имея, меня себе у бога все выпрашивала и как выпросила, так сейчас же меня породивши, и умерла оттого что я произошел на свет с необыкновенною большою головою, так что меня поэтому и звали не Иван Флягин, а просто *Голован*. Живучи при отце на кучерском дворе, всю жизнь свою я проводил на конюшне, и тут я постиг тайну познания в животном и, можно сказать, возлюбил коня, потому что маленьким еще на четвереньках я у лошадей промеж ног полозил, и они меня не увечили, а подрос, так и совсем с ними спознался. <...>Родитель мой, Северьян Иваныч, правил киргизским шестериком, а когда я подрос, так меня к нему в этот же шестерик фореитором посадили. Лошади были жестокие, не то что нынешние какие-нибудь кавалерийские, что для офицеров берут. Мы этих офицерских кофишенками звали, поэтому что на них нет никакого удовольствия ехать, так как на них офицеры даже могут сидеть, а те были просто зверь, аспид и василиск, все вместе: морды эти одни чего стоили, или оскал, либо ножищи, или гривье... ну то есть, просто сказать, ужась!

Лесков Н.С. Очарованный странник / Лесков Н.С. Собрание сочинений. В 11-ти т. – Т.5. – М., 1957. – С. 112-113.

Некрасов Н. А.

Деревенские новости

Постоянное внимание поэта к жизни крестьян и их детей отразилось в названии стихотворения «Деревенские новости». Тяже-

лый крестьянский труд, смелость и отвага, трагичная судьба – не миновали детей.

Крепко нам жаль мальчугана:
Этакой клоп, а отбил
Это у волка барана!
Стали Волчком его звать –
Любо! Встает с петухами,
Песни начнет распевать,
Весь уберется цветами,
Ходит проворный такой.
Матка его проводила:
«Поберегися, родной!
Слышишь, какая завыла!»
– «Буря-ста мне нипочем, –
Я – говорит – не ребенок!»
Да размахнулся кнутом
И повалился с ножонок!
Мы посмеялись тогда,
Так до полден позевали;
Слышим – случилась беда:
«Шли бы: убитого взяли!»
И уцелел бы, да вишь
Крикнул дурак ему Ванька;
«Что ты под деревом сидишь?
Хуже под деревом-то... Встань-ка!»
Он не перечил – пошел,
Сел под рогожей на кочку,
Ну, а господь и навел
Гром в эту самую точку!
Взяли – не в поле бросать,
Да как рогожу открыли,
Так не одна его мать –
Все наши бабы завыли:
Угомонился Волчок –
Спит себе. Кровь на рубашке,
В левой ручонке рожок,
А на шляпенке венок
Из васильков да из кашки!

Некрасов Н.А. Деревенские новости //Некрасов Н.А. Стихотворения и поэмы. – М., 1996. – С. 74-81.

Суриков Иван Захарович
(1841-1880)

Русский поэт. Основные темы лирики - жизнь крестьянства, городской бедноты, картины природы, тяжелое положение женщины.

Детство

В приводимом ниже произведении И.З. Сурикова ярко продемонстрированы радости деревенского детства, то есть периода, когда «не омрачали горе и беда»: игры, общение с родственниками.

Вот моя деревня,
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернули санки,
И я на бок – хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Всё лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Весь ты перезябнешь,
Руки не согнёшь
И домой тихонько,
Нехотя бредёшь.

Ветхую шубёнку
Скинешь с плеч долой;
Заберёшься на печь
К бабушке седой...

И сидишь, ни слова...
Тихо всё кругом;
Только слышишь – воет
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетёт;
Матушка за прялкой
Молча лён прядёт.

Избу освещает
Огонёк светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнёт мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал;
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку, —
Сердце так и мрёт;
А в трубе сердито
Ветер злой поёт.

Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

А во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич –
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветёт;
В том саду большое
Дерево растёт.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица,
Точно жар, горит;

Прыгает в той клетке,
Весело поёт;
Ярким, чудным светом
Сад весь обдаёт.

Вот я к ней подкрался
И за клетку – хватать!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я...

Уж в избу, в окошко,
Солнышко глядит;
Пред иконой бабка
Молится стоит.

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.

1866.

Суриков И.З. Детство // Русская поэзия второй половины XIX века. – 2-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2003. (Библиотека отечественной классической художественной литературы). – С. 263-266.

Толстой Л.Н.

Лгун.

Мальчик стерег овец и, будто увидев волка, стал звать: «Помогите, волк! Волк!» – мужики прибежали и видят: неправда. Так сделал он так и два и три раза, случилось – и в правду набежал волк. Мальчик

стал кричать: «Сюда, сюда, скорей, волк!» Мужики подумали, опять повсегдашнему обманывает, – не послушали его. Волк видит, бояться нечего: на просторе перерезал все стадо.

Толстой Л.Н. Лгун // Первая русская книга для чтения. 1875. С.101.

Эртель А.И.

Из одного корня

Приведенный ниже отрывок произведения А.И. Эртеля демонстрирует одну из разновидностей досуга деревенских детей в зимнее время года: игру в снежки.

<...> Ребятишки, игравшие на противоположном конце деревни в снежки, с веселым гамом направились к нам, но, узнавши во мне «соседнего барина», ограничились одним рассматриванием зайцев, беспомощно трепавшихся в тороках, да односложными замечаниями, вроде того, что, мол, «экия у него уши-то, робята... бо-о-льшущие!», но травить Карая и кидать в него снежками не осмеливались – робели.

Эртель А.И. Из одного корня // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века / Вступ. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. – М., 1986. – С. 392.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
РАЗДЕЛ I. ДЕТСТВО В СЕМЬЕ	9
РАЗДЕЛ II. ШКОЛА, ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ	79
РАЗДЕЛ III. ПРИЮТЫ, БРОДЯЖНИЧЕСТВО, МАЛОЛЕТНИЕ ПРЕСТУПНИКИ	139
РАЗДЕЛ IV. ДЕТСКИЙ ТРУД И ОТДЫХ	188

Редактор Т.Б. Кузнецова,
Компьютерная верстка П.Г. Немашкалов

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$	Усл.печ.л. 11,86	Подписано в печать 27.10.09
Бумага офсетная	Тираж 100 экз.	Уч.-изд.л.12,63 Заказ 160

Отпечатано в ООО «Бюро новостей».